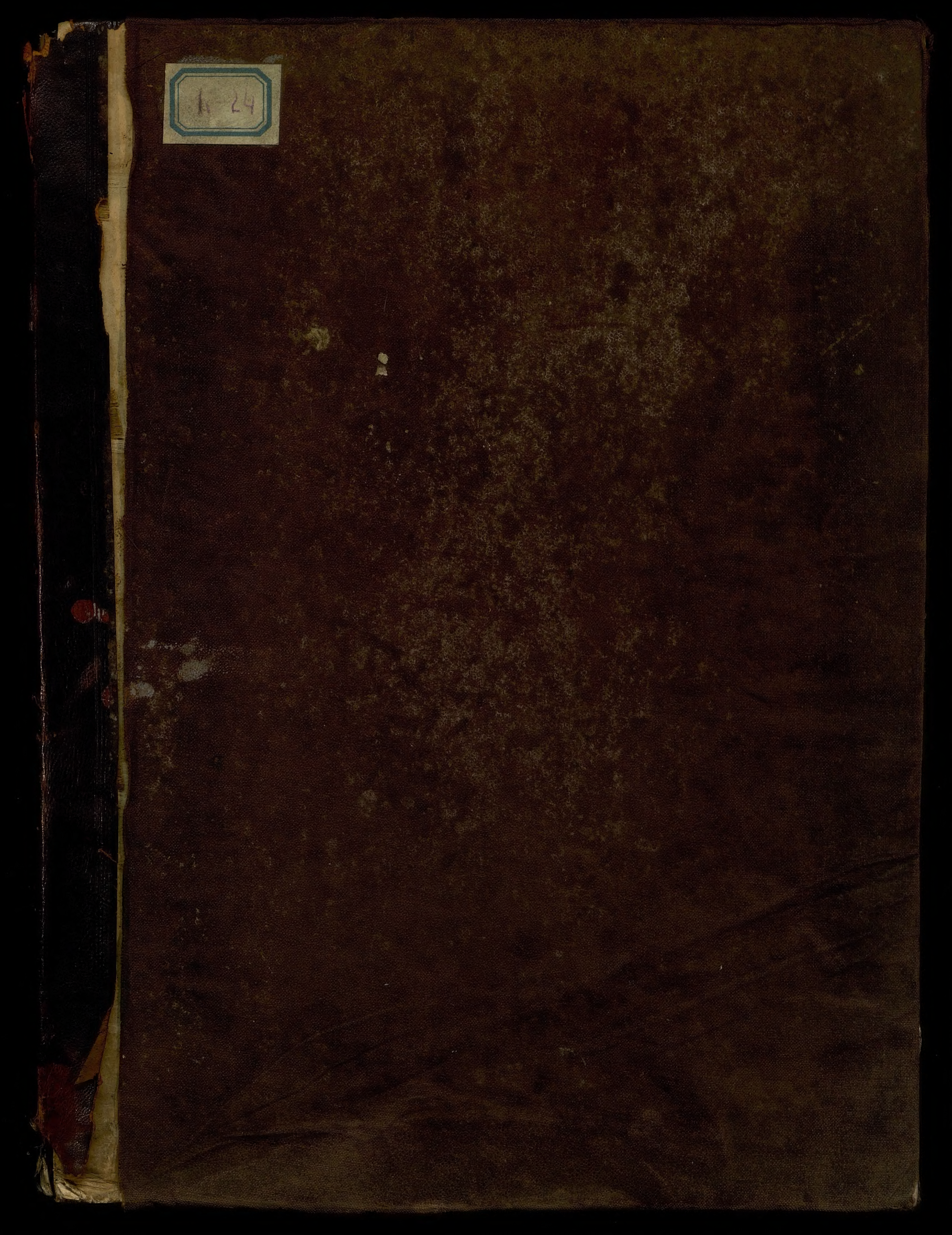
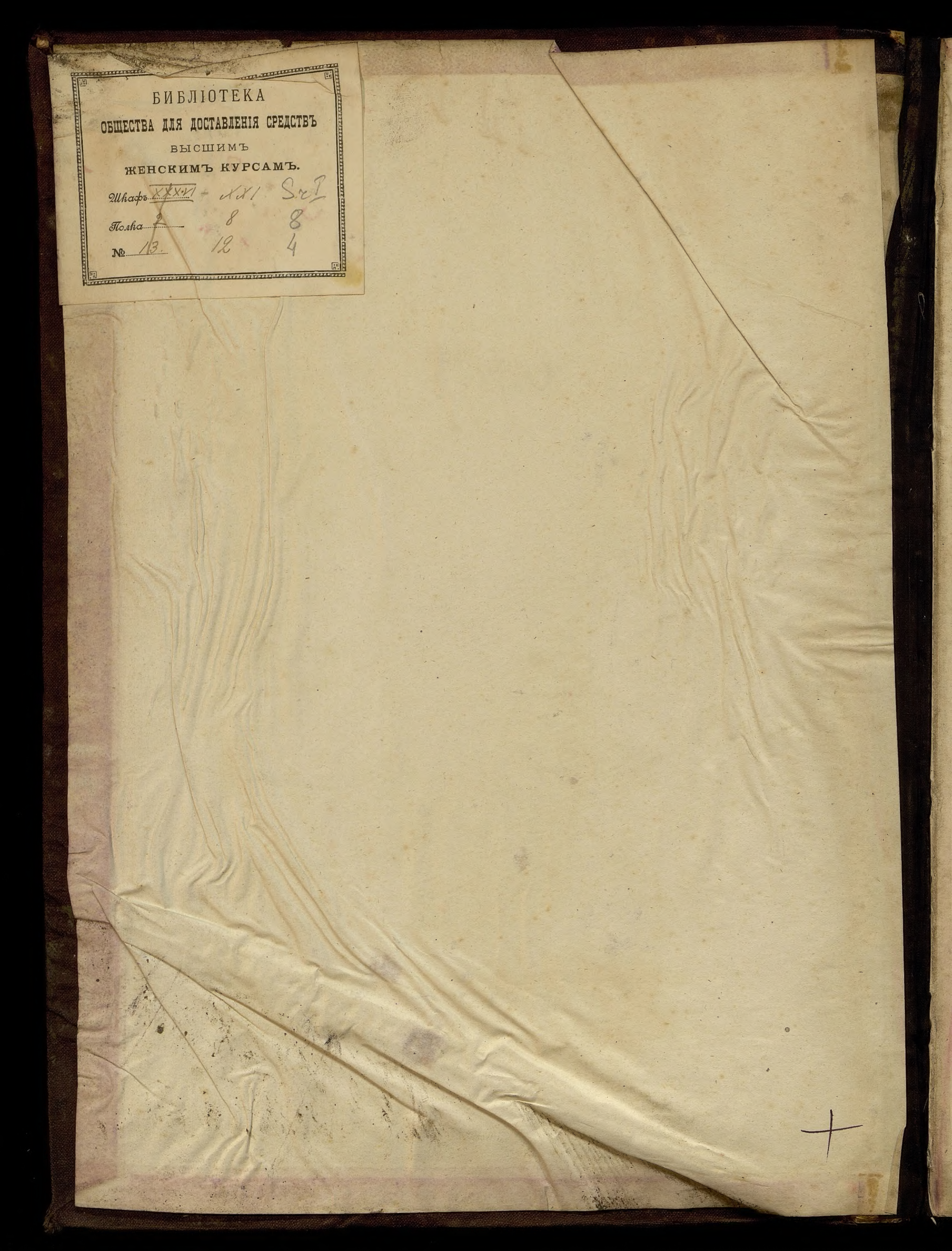
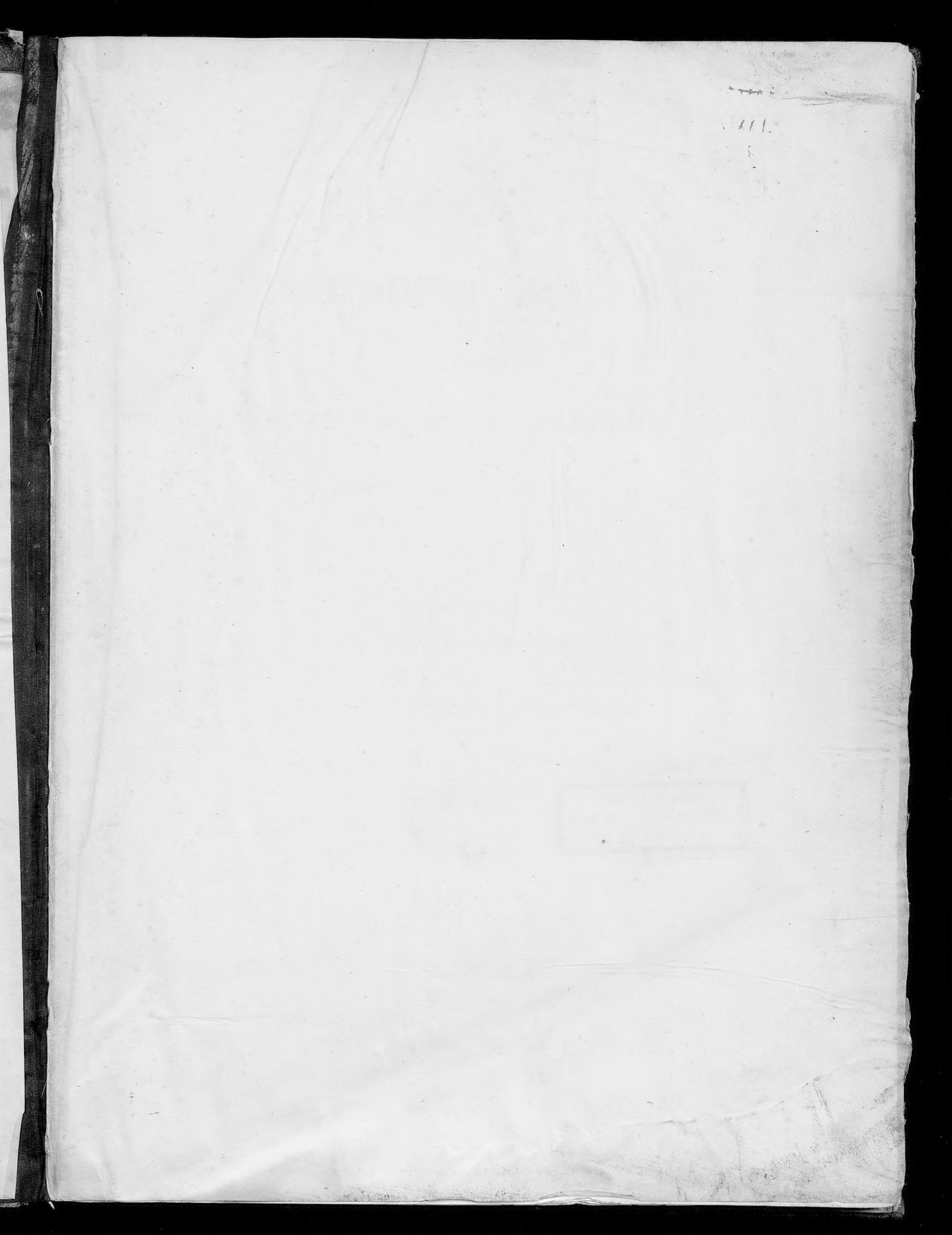

Ц 24

Глубокоуважаемому Егору Егоровичу Замысловскому от автора

ДРЕВНОСТИ КУРГАНА „КАРАГОДЕУАШХЪ“

КАКЪ МАТЕРІАЛЪ

ДЛЯ БЫТОВОЙ ИСТОРІИ ПРИКУБАНСКАГО КРАЯ

ВЪ IV—III ВВ. ДО Р. Х.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАГО.

СЪ IX ТАБЛ. РИСУНКОВЪ И 58 ПОЛИТИПАЖАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1893.

Изданіе Императорской Археологической Коммиссіи.

Изъ № 13 Матеріаловъ по археологіи Россіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Археологическія богатства Кавказа довольно поздно обратили на себя вниманіе изслѣдователей. Лишь со второй половины нынѣшняго столѣтія начались болѣе или менѣе систематическія разслѣдованія на двухъ противоположныхъ оконечностяхъ Кавказскаго перешейка: Таманскомъ полуостровѣ и Арменіи. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія Ашикъ и Карейша едва-ли не впервые стали производить раскопки у устьевъ р. Кубани, подлѣ станціи Сѣнной, по берегамъ Ахтанизовскаго лимана, при селеніи Титоровкѣ и къ югу отъ Тамани[1]). Нѣсколько позже (въ 1859 году) Ф. Байернъ совершилъ ученое путешествіе въ области верхняго теченія р. Аракса и Игдира съ цѣлью осмотрѣть древніе памятники Арменіи[2]). Работами Ашика и Байерна открылся цѣлый рядъ археологическихъ разслѣдованій, которыя частью велись въ системѣ р. Кубани, восходя къ ея истокамъ, частью двигались съ юга на сѣверъ къ центральному хребту Кавказскихъ горъ. Съ одной стороны, труды К. К. Герца, И. Е. Забѣлина, отчасти также гг. Люценка, Веребрюсова и Гросса (послѣднія три лица занимали одинъ за другимъ должность директора Керченскаго музея), а, за послѣднее десятилѣ-

---

[1]) А. Ашикъ, Воспорское Царство съ его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами, Ч. II, Од., 1848, стр. 12, 19—27, 53—54. О случайныхъ раскопкахъ, произведенныхъ ранѣе, см. тамъ-же, стр. 16, 27, также статью В. Юргевича, Объ археологическихъ розысканіяхъ и открытіяхъ въ Южной Россіи, предшествовавшихъ учрежденію Одесскаго Общества Исторіи и Древностей въ Зап. Од. Общ. Ист. и Древ., т. XIV, Од. 1886 г., стр. 33—34, 37, и дѣло Археологической Коммиссіи о находкахъ подполковника Пароки на Тамани (1867 г., дѣло № 43).

[2]) Д. Анучинъ, Доисторическая археологія Кавказа въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1884 г., январь, стр. 202. Авторъ пользовался между прочимъ рукописными свѣдѣніями, сообщенными ему Ф. Байерномъ. Маленькая работа Мурье (M. Mourier, L'archéologie au Caucase, Tifl., 1885) дополняетъ кое въ чемъ статью Д. Анучина. Работа г. Радде (G. Radde, Kurze Geschichte der Entwickelung des Kaukasischen Museums während der ersten 25 Jahre seines Bestehens, 1 Jan. 1867 bis 1 Jan. 1892, Tiflis, 1891) ничего не даетъ по археологіи Кавказа.

тіе, и работы Н. П. Кондакова обращены были на изученіе древностей Таманскаго полуострова; раскопки бар. В. Г. Тизенгаузена (съ 1875 г.), особенно въ Темрюкскомъ уѣздѣ[1]), доставили драгоцѣннѣйшій матеріалъ для ознакомленія съ туземной культурой и греческими древностями Прикубанья во времена Воспорскаго царства, а экскурсіи В. И. Сизова вслѣдъ за работами бар. Тизенгаузена нѣсколько ознакомили насъ съ археологическимъ характеромъ мѣстности, лежащей въ окрестностяхъ Анапы и Новороссійска[2]). Съ другой стороны, археологическія разысканія, предпринятыя Ф. Байерномъ, все болѣе и болѣе приближались къ главному хребту: послѣ раскопокъ въ древнихъ могильникахъ Маріенфельда и Сартачалъ въ 60-хъ годахъ, въ началѣ семидесятыхъ (1872 г.) предприняты были работы въ случайно открытомъ Самтаврскомъ кладбищѣ; вслѣдъ за тѣмъ Г. Д. Филимоновъ (въ 1877 году) произвелъ разслѣдованія въ могильникахъ при Стефанъ-Цминде (близъ Казбека) и Кобани (подлѣ селенія Верхняя Кобань)[3]), а Б. В. Антоновичъ черезъ два года въ гробницахъ при Камынте; раскопки Д. Я. Самоквасова въ Пятигорскомъ округѣ[4]), В. И. Долбежева (въ 1886—87 годахъ) въ Горійскомъ уѣздѣ, Владикавказскомъ округѣ и Терской области[5]), курганы которой подверглись обширнымъ разслѣдованіямъ и со стороны предсѣдателя Археологической Коммиссіи гр. А. А. Бобринскаго[6]), а также недавно предпринятую В. Миллеромъ археологическую экскурсію въ область р. Терека можно считать естественнымъ продолженіемъ предшествовавшихъ разысканій[7]). Частныя наблюденія и раскопки въ разныхъ могильникахъ Кавказа (къ нимъ слѣдуетъ присоединить еще раскопки въ Рѣдкинѣ Лагерѣ въ 1879 году) доставили возможность такимъ ученымъ наблюдателямъ, какъ Вирховъ, Шантръ и Морганъ, не только продолжить и пополнить ихъ, но представить и болѣе или менѣе удачные своды всего того, что намъ доселѣ извѣстно по доисторической археологіи Кавказа[8]).

---

[1]) Отч. Археолог. Ком. за 1875 г. Спб. 1878 г. Бар. В. Тизенгаузенъ велъ также раскопки въ мѣстности на сѣверо-востокъ отъ Анапы, подлѣ самого города. См. Отч. Имп. Археол. Ком. за 1881 г. Спб. 1883 г. и за 1882—1888 г., Спб. 1891 г. Случайныя раскопки производились въ этой мѣстности и ранѣе, напр. Н. К(аменевымъ?) въ 12-ти верстахъ отъ Екатеринодара (Н. Каменевъ, О курганахъ, разрытыхъ въ станицѣ Георгіе-Афипской Псекупскаго полка, въ Кубанск. Войск. Вѣд. за 1867 г., № 50). Въ 1869 г. въ курганѣ близь станицы Хадыженской также найдены предметы древности (Дѣло Арх. Ком. 1869 г., № 27). Послѣдніе, судя по рисункамъ, приложеннымъ къ дѣлу, принадлежатъ къ разряду извѣстныхъ Воспорскихъ древностей.

[2]) Матеріалы по Археологіи Кавказа, собранные экспедиціями Имп. Моск. Арх. Общ. Вып. II, М., 1888 г. См. также Gaz. archéol. XIIe année, pag. 116—123, 147—149, pl. 16, 22.

[3]) Г. Филимоновъ, О доисторической культурѣ въ Оссетіи въ Протоколахъ засѣданій Комитета по устройству Антропологической выставки Имп. Общ. Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, № 20. М., 1878 г. — E. Chantre, Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. III, p. 11.

[4]) Д. Самоквасовъ, Могильныя древности Пятигорскаго округа. Варшава, 1882 г.

[5]) Отч. Археол. Ком. за 1882—1888 гг., стр. CXV—CXXXII, CLXXXI—CLXXXVII, CCLXXXIV—CCCII.

[6]) Отч. Археол. Ком. за 1882—1888 гг., стр. CCXX—CCLXXXIV.

[7]) Матеріалы по Археологіи Кавказа и проч., вып. I, М. 1888 г. В. Миллеръ, Терская область.

[8]) R. Virchow, Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, Kaukasus; eine vergleichend-archäologische Studie. Berl. 1883. E. Chantre, Recherches anthropologiques dans le Caucase, Paris, 1887, t. I—IV. J. de Morgan, Mission scientifique au Caucase, Par. 1889, t. 1—2. Морганъ производилъ раскопки въ

Всѣ эти раскопки имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для изученія древней культуры Кавказскаго перешейка. Громадный археологическій матеріалъ, добытый ими, частью освѣщаетъ исторію греческаго классическаго искусства новыми данными и даетъ возможность прослѣдить, какъ далеко въ глубь страны простиралось вліяніе древне-греческой образованности, частью знакомитъ насъ съ своеобразными типами мѣстной варварской культуры.

Но, если на основаніи доселѣ произведенныхъ раскопокъ и можно судить о направленіи и характерѣ того и другого культурнаго теченія, варварской и греческой цивилизацій, то все еще слишкомъ мало извѣстно пунктовъ, въ которыхъ возможно было бы наблюдать ихъ смѣшеніе, обоюдное вліяніе ихъ другъ на друга на восточномъ побережьи Чернаго моря. Быть можетъ это происходитъ отъ того, что между двумя цѣпями археологическихъ разысканій, какія намѣчены были выше (съ устьевъ Кубани и верхняго теченія р. Аракса къ центру Кавказскаго хребта) нѣтъ связующаго звена: область средняго и верхняго теченія р. Кубани до послѣдняго времени оставалась въ археологическомъ отношеніи слишкомъ мало обслѣдованной. Вотъ почему каждое новое открытіе въ этой области возбуждаетъ сильный научный интересъ. Съ этой точки зрѣнія раскопки, сдѣланныя четыре года тому назадъ въ курганѣ Карагодеуашхъ, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Вотъ почему я съ удовольствіемъ принялъ порученіе, возложенное на меня Императорской Археологической Коммиссіей въ началѣ прошлаго 1891 года, сдѣлать общее описаніе и подвергнуть изслѣдованію нѣкоторые изъ предметовъ древности, открытые въ курганѣ Карагодеуашхъ[1]). Работа сама собою распалась на три части: естественно было прежде всего, въ главѣ первой, приступить къ описанію раскопокъ, произведенныхъ г. Фелицынымъ подлѣ станицы Крымской. Несмотря на неполноту дневника г. Фелицына и отрывочныя извѣстія повременныхъ мѣстныхъ изданій, оказалось возможнымъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, возстановить ходъ раскопокъ и расположеніе предметовъ въ порядкѣ ихъ мѣстонахожденія въ курганѣ Карагодеуашхъ. Результаты раскопокъ были на лицо: предметы древности, въ значительномъ количествѣ добытые г. Фелицынымъ и присланные имъ въ Коммиссію, давали матеріалъ для двоякаго рода заключеній: прямыхъ и косвенныхъ. Матеріалъ, изъ котораго сдѣланы были предметы древности, открытые въ курганѣ Карагодеуашхъ, ихъ разновидности и орнаментика сами собою наталкивали изслѣдователя на цѣлый рядъ заключеній о частномъ и общественномъ бытѣ племени, соорудившаго этотъ курганъ. Но на вопросы о времени сооруженія кургана, этническомъ происхожденіи варваровъ, погребенныхъ въ гробницѣ, и культурномъ значеніи принадлежавшихъ имъ вещей, тотъ-же матеріалъ не давалъ прямого отвѣта; лишь путемъ цѣлаго ряда сопоставленій и предположеній можно было прійти къ гипотетическимъ, косвеннымъ выводамъ. Первый рядъ заключеній повелъ къ опредѣленію мѣстнаго бытового значенія древностей, открытыхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ; второй далъ возможность хотя бы предположительно поставить ихъ въ хронологическія, этническія и культурныя рамки, словомъ исторически квалифицировать этотъ матеріалъ. Естественно поэтому, что первая

такихъ мѣстностяхъ, какъ Шейтанъ-Тагъ, Актала, Учъ-Киллиса, Мусійери. (См. t. I, pp. 44—64), не говоря о болѣе извѣстныхъ.

[1]) Спеціальную оцѣнку художественныхъ предметовъ классической древности описываемаго собранія взялъ на себя В. К. Мальмбергъ.

глава нашей работы о раскопкахъ, произведенныхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ, сопровождается двумя новыми главами: второй о бытовомъ значеніи древностей, открытыхъ въ курганѣ, и третьей, посвященной ихъ исторической квалификаціи.

Изучая весь этотъ матеріалъ въ указанномъ порядкѣ, отдѣляя, по возможности, данныя наблюденія отъ выводовъ и выводы болѣе или менѣе достовѣрные отъ шаткихъ гипотезъ, нельзя было не прибѣгнуть и къ сравнительному методу изученія. Сопоставленіе вновь открытыхъ памятниковъ съ доселѣ извѣстными, однако, не увлекало насъ за предѣлы благоразумія; вырвать нѣсколько памятниковъ древности изъ окружающей ихъ среды и, болѣе или менѣе случайно, сопоставить ихъ съ кое-какими особенностями чуждой културы, — дѣло нетрудное, но едва-ли плодотворное. Древности южной Россіи сами по себѣ еще слишкомъ мало изучены для того, чтобы возможно было ихъ сравнивать въ ихъ цѣломъ съ типами другихъ намъ извѣстныхъ культуръ; много, очень много еще нужно работы на внимательное изученіе и детальную разработку мѣстныхъ особенностей для того, чтобы возможно было представить себѣ основныя черты того культурнаго типа или типовъ, которые сказываются въ массѣ разнородныхъ памятниковъ, открытыхъ по настоящее время въ нѣдрахъ южной Россіи. Вотъ почему, если мы и прибѣгали къ сравненіямъ, то ограничивали поле нашихъ наблюденій почти исключительно однимъ югомъ Россіи и Кавказомъ, не забѣгая далѣе ни на востокъ, ни на западъ.

Вышеуказанные планъ и пріемъ изложенія, быть можетъ, нѣсколько сузили ту ученую обстановку, при которой возможно было бы разсматривать древности, открытыя въ курганѣ Карагодеуашхъ; но и при нашей точкѣ зрѣнія его содержаніе получаетъ большой, хотя и болѣе спеціальный историко-археологическій интересъ. Нѣкоторыя изъ древностей, подлежащихъ нашему изученію, единственны въ своемъ родѣ, другія еще лишній разъ и на болѣе яркомъ примѣрѣ доказываютъ намъ, какъ глубоко на востокъ отъ Воспора врѣзалась греческая цивилизація и какъ она здѣсь, у отроговъ Кавказскаго хребта, сталкивалась, но не сливалась съ варварскою цивилизаціей, шедшею съ востока.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Описаніе раскопокъ, произведенныхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ въ 1888 году.

Вдоль нижняго теченія Кубани разсыпано много небольшихъ озеръ; однимъ изъ наиболѣе значительныхъ можно считать лиманъ Куркуй, расположенный на лѣвой сторонѣ рѣки, верстахъ въ 20—25 отъ ея устья. Въ этотъ лиманъ впадаетъ р. Адагумъ; изъ двухъ ея притоковъ: Сухаго Аушеца (Пшецыза) и Абина, второй, до впаденія въ него рѣчешки Кунипса, въ свою очередь развѣтвляется на нѣсколько горныхъ потоковъ: Шибикъ, Шибсъ и Адагумъ, лежащихъ между 55° 30′ — 55° 45′ долготы и 45° 0′ — 44° 45′ сѣверной широты. Въ области средняго теченія этого второго Адагума, съ запада впадающаго въ Абинъ, и находится станица Крымская, подлѣ которой разрытъ былъ курганъ Карагодеуашхъ.

Раскопки въ области р. Адагума, поведшія къ открытію гробницы въ курганѣ Карагодеуашхъ, начались весною 1886 года. 6-го марта этого года Императорская Археологическая Коммиссія поручила члену Кубанскаго статистическаго комитета есаулу Кубанскаго казачьяго войска Евгенію Дмитріевичу Фелицыну, извѣстному знатоку мѣстныхъ древностей[1]), приступить къ археологическимъ разысканіямъ въ этой мѣстности, снабдила его открытымъ листомъ, (17-го апрѣля 1886 года, за № 207-мъ) и предоставила ему денежныя средства для производства раскопокъ. Все это доставило возможность г. Фелицыну немедленно приняться за работу. Къ концу мая того-же года въ Баканскомъ ущельи уже изслѣдовано было до 53 кургановъ и могильниковъ, причемъ обнаружились три формы погребенія. Въ однѣхъ могилахъ умершіе помѣщались на поверхности земли, головою на с.-з. и з., обкладывались досками и сверху покрывались могильною насыпью. Въ другихъ для погребенія покойниковъ въ боковой части курганной насыпи, на незначительной глубинѣ отъ вершины, устраивались узкіе каменные гробы довольно правильной формы изъ продолговатыхъ каменныхъ плитъ; гробы эти сверху прикрыты

---

[1]) Д. Самоквасовъ, О заслугахъ Е. Д. Фелицына (въ дѣлѣ изученія Кубанскихъ древностей) въ Труд. пятаго археол. съѣзда въ Тифлисѣ, М., 1887 г.; Протоколы съѣзда, стр. LV.

были такими-же плитами. Здѣсь встрѣчалось обыкновенно по одному, а иногда и по 3 человѣческихъ остова; кромѣ того нерѣдко сверху костяковъ можно было найти отдѣльные черепа и кости, несомнѣнно принадлежавшіе другимъ скелетамъ. Въ такихъ гробницахъ около костяковъ (у ногъ или у изголовья) попадалось много вещей, длинныхъ желѣзныхъ сабель, стрѣлъ, копій, кабаньихъ клыковъ, оленьихъ роговъ, желѣзныхъ и бронзовыхъ колецъ, бусъ, металлическихъ зеркалъ, ножницъ, серповъ и много глиняныхъ сосудовъ различной величины и формы. Наконецъ въ могильникахъ третьяго рода обнаружился обрядъ сожженія труповъ, причемъ въ могилахъ найдены были кострища и глиняные сосуды съ сожженными человѣческими костями, накрытые сверху каменными плитами. Въ сосудахъ вмѣстѣ съ костями встрѣчались согнутыя въ кольцо желѣзныя сабли, стремена, также стрѣлы. Кромѣ этихъ раскопокъ г. Фелицынъ осмотрѣлъ и снялъ фотографическіе снимки съ дольменовъ, разсѣянныхъ по берегамъ р. Пшады[1]). Осенью 1886 г. присланы были въ Коммиссію и вещи, добытыя трудами г. Фелицына[2]).

По неизвѣстнымъ намъ причинамъ, эта энергичная дѣятельность г. Фелицына на время пріостановилась. Лишь весною 1888 года Коммиссія снова получила отъ него телеграмму, извѣщавшую о случайномъ открытіи нетронутой гробницы въ курганѣ Карагодеуашхъ въ той-же мѣстности.

Курганъ Карагодеуашхъ находился на недалекомъ разстояніи отъ береговъ рѣки Адагума (лѣваго притока Кубани), верстахъ въ 2-хъ къ юго-востоку отъ станицы Крымской, и, приблизительно, въ такомъ-же разстояніи къ сѣверу отъ Крымской станціи Тихорѣцко-Новороссійской вѣтви желѣзной дороги. Конусообразный, съ усѣченною вершиной и покатыми боками, курганъ этотъ по высотѣ своей (5 саж. въ отвѣсѣ) и діаметру (въ 30 саж. 1 арш. у подошвы) долженъ былъ издавна обратить на себя вниманіе кладоискателей, тѣмъ болѣе что вокругъ него никакихъ другихъ сооруженій подобнаго рода не существовало и самъ онъ не былъ огражденъ каменнымъ укрѣпленіемъ. Къ счастью, однако, не считая тайной и неудачной раскопки, которая прекращена была во время мѣстнымъ станичнымъ атаманомъ и приставомъ, курганъ оставался до послѣдняго времени нетронутымъ. Случайный обвалъ, происшедшій въ курганѣ весною 1888 года и обнаружившій остатки древности, вызвалъ со стороны г. Фелицына намѣреніе немедленно приступить къ раскопкѣ этого сооруженія. «При предварительномъ осмотрѣ кургана на западной его покатости найдена была яма овальной формы глубиною не болѣе аршина и длиною около двухъ аршинъ. Вблизи ямы лежалъ вынутый изъ кургана дикій необдѣланный камень, а въ глубинѣ ея видна была широкая толстая и гладко отесанная плита, подъ которой можно было различить нѣчто въ родѣ дверей или входа въ какое-то сооруженіе, скрытое подъ насыпью кургана». Съ этого-то пункта 27-го апрѣля 1888 года и начаты были работы, увѣнчавшіяся столь блестящимъ успѣхомъ[3]). Осмотръ

---

[1]) Письмо Е. Д. Фелицына въ Императорскую Археологическую Коммиссію отъ 28-го мая 1886 г. при дѣлѣ Арх. Ком. 1886 г., № 16.

[2]) Мы осматривали эти вещи; онѣ повидимому прямого отношенія къ древностямъ, открытымъ въ курганѣ Карагодеуашхъ, не имѣютъ и, кажется, позднѣйшаго происхожденія.

[3]) При составленіи настоящаго описанія мы пользуемся отрывкомъ изъ дневника раскопокъ, составленнаго г. Фелицынымъ и нѣсколькими пояснительными замѣтками, какія онъ прислалъ въ отвѣтъ на посланные нами запросы. Не малую услугу при возстановленіи хода раскопокъ могла бы оказать нумерація предметовъ древности, найденныхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ, если бы эта нумерація велась по мѣрѣ нахожде-

ямы показалъ, что предстоитъ имѣть дѣло съ большою каменной гробницей, простирающейся къ центру кургана по направленію къ востоку на болѣе или менѣе значительное разстояніе отъ входа. Раскопка велась вообще довольно медленно. Правда, въ насыпи кургана никакихъ каменныхъ укрѣпленій не оказалось; но вслѣдствіе твердости насыпной и слежавшейся земли кургана, земля эта не поддавалась лопатѣ, такъ что большую часть работъ пришлось производить кирками и толстыми желѣзными ломами. Сообразуясь съ величиной и размѣрами монументальныхъ гробницъ, открытыхъ въ Крыму и на Таманскомъ полуостровѣ, и сопоставляя эти данныя съ тѣмъ, что оказалось при предварительномъ изслѣдованіи кургана Карагодеуашхъ, г. Фелицынъ счелъ возможнымъ, для обнаруженія гробницы, повести раскопку траншеей и начать эту послѣднюю въ разстояніи 25 аршинъ къ востоку отъ ямы, не придавая ей болѣе 8 аршинъ ширины. Соображенія эти почти вполнѣ оправдались на дѣлѣ; лишь для обнаруженія послѣдней погребальной камеры пришлось удлинить траншею еще на 8 арш. къ востоку. Во время производства этихъ работъ во многихъ мѣстахъ курганной насыпи, преимущественно около стѣнъ гробницы, попадались куски истлѣвшаго дерева. Кромѣ того, какъ оказалось впослѣдствіи, погребальныя камеры завалены были отесанными и неотесанными камнями, быть можетъ первоначально находившимися въ насыпи, непосредственно надъ гробницей. Возможно, что и толстый слой угля съ пепломъ и костями домашнихъ животныхъ, которымъ покрыта была первая комната, занималъ такое-же положеніе, какъ и означенная выше груда камней. Никакихъ вещей, однако, въ насыпи найдено не было.

Самая гробница оказалась не въ центрѣ, а въ западной половинѣ кургана: она расположена была аршина на 3 надъ верхоземкой такъ, что задняя стѣна послѣдней погребальной комнаты находилась аршинахъ въ 3-хъ отъ центральной оси кургана и аршинахъ въ семи отъ западной полы кургана, если представить его въ разрѣзѣ съ востока на западъ, какъ это видно на прилагаемомъ планѣ. Несмотря на такое расположеніе, большіе размѣры кургана доставили возможность строителямъ придать гробницѣ значительные размѣры: общая длина ея, вмѣстѣ со стѣнами, доходила до 29 арш., причемъ она на этомъ протяженіи состояла изъ трехъ погребальныхъ камеръ и одной галлереи, стягивавшей первыя двѣ комнаты съ послѣдней (см. таб. I, черт. 2).

Наружный входъ въ гробницу (разрѣзъ по линіи АВ) сдѣланъ былъ весьма тщательно, съ

пія самихъ предметовъ. Къ сожалѣнію и этого нѣтъ: предметы перенумерованы г. Фелицынымъ, очевидно, послѣ того, какъ закончились работы и искусственно разбиты на группы по матеріалу, изъ котораго сдѣланы. Во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній, отрывокъ изъ дневника г. Фелицына (хранящійся при дѣлѣ Имп. Археологич. Коммиссіи за 1886 г., № 16) воспроизводится нами почти дословно, за исключеніемъ незначительныхъ редакторскихъ поправокъ и кое-какихъ передѣлокъ въ расположеніи свѣдѣній. Къ сожалѣнію г. Фелицынъ въ присланныхъ имъ замѣткахъ описываетъ лишь устройство насыпи и архитектурныя особенности гробницы; о расположеніи вещей въ различныхъ ея помѣщеніяхъ мы узнаемъ изъ сообщеній, помѣщенныхъ въ газетѣ «Кавказъ» за 1888 г., въ № 183-мъ (по статьѣ г. *Ж.*: Археологическія находки въ Кубанской области). Тѣже извѣстія перепечатаны были въ «Правительств. Вѣстникѣ» за 1888 г., въ № 181-мъ, въ статьѣ неизвѣстнаго автора, написанной по поводу «Путеводителя по Кавказу» Е. Вейденбаума, Тифл. 1888 г. Краткія указанія на результаты раскопокъ, произведенныхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ можно также найти въ соч. гр. И. Толстаго и Н. Кондакова: Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. II, стр. 61, Спб. 1889 и, наконецъ, въ Отчетѣ Имп. Археол. Ком. за 1882—1888 г. (Спб. 1891 г.), стр. CCXVI—CCXX.

большимъ искусствомъ изъ толстыхъ каменныхъ плитъ гладко отесанныхъ и прекрасно оштукатуренныхъ. Верхніе камни входныхъ дверей украшены были выступавшими наружу карнизами; надъ этими камнями лежала длинная четырехаршинная плита, вѣнчавшая двери; такая-же точно плита внизу служила порогомъ. Высота этого входнаго отверстія не превышала 2-хъ аршинъ.

Внутреннее помѣщеніе первой камеры было нѣсколько менѣе остальныхъ: длина его была не болѣе 5 арш., ширина — 4 арш. и 2 верш., а вышина 2 арш. 13 верш. Продольныя стѣны этой комнаты сложены были изъ массивныхъ, грубо отдѣланныхъ, каменныхъ плитъ, положенныхъ въ два ряда на извести; на внутренней поверхности стѣнъ признаковъ штукатурки не было замѣтно, да ихъ по всей вѣроятности и совсѣмъ не было. У самыхъ дверей означеннаго помѣщенія, заваленныхъ обрушившимися съ потолка камнями, стали попадаться куски сильно проржавленнаго желѣза въ видѣ полосъ, шириною въ 8 сантиметровъ (№ 110)[1]) съ маленькими сквозными дырочками по краямъ, очевидно, предназначенными для гвоздей; далѣе внутри комнаты, вмѣстѣ съ такими-же кусками желѣза, найдены были обломки полуистлѣвшихъ деревянныхъ реекъ или плоскихъ брусковъ, окованныхъ съ двухъ сторонъ желѣзными полосками и скрѣпленныхъ между собою наглухо заклепанными гвоздями; тамъ-же оказалась желѣзная втулка отъ колеса (№ 109) и нѣкоторыя другія принадлежности разрушенной колесницы. По срединѣ камеры, боковыя стѣнки которой обставлены были столь разнообразными предметами древности, лежали въ безпорядкѣ кости двухъ или трехъ лошадей, причемъ между челюстями одного лошадинаго черепа оказались удила; нѣкоторыя кости носили на себѣ несомнѣнные признаки дѣйствія огня. Въ правой половинѣ той-же комнаты, между камнями обрушившагося потолка, оказались пепелъ, древесные угли и остатки костей домашнихъ животныхъ, а въ правомъ (отъ входа) заднемъ ея углу — большая глиняная амфора, вышиною въ 46 сантиметровъ (№ 126). Около амфоры стоялъ полуистлѣвшій серебряный сосудъ; рядомъ лежали остатки мѣдной ложки и глиняная глазированная чашечка (№ 50?). Здѣсь-же найдено до 150 различныхъ бусъ: каменныхъ, стекляныхъ и сдѣланныхъ изъ стекловидной массы. Между бусами оказались три стеклянные медальона, оправленные въ серебро. На одномъ изъ нихъ изображенъ левъ (Таб. IV, № 6), на другомъ человѣческая голова (Ibid., № 8), а на третьемъ воинъ въ латахъ со шлемомъ, щитомъ и копьемъ (Ibid., № 9). Вдоль лѣвой боковой стѣны того-же перваго помѣщенія, головою на востокъ, лежалъ остовъ молодой женщины; около ея черепа оказалась тонкая треугольная золотая пластина съ рельефнымъ изображеніемъ царицы и ея людей, тріумфа на колесницѣ и, быть можетъ, Побѣды (Ники?); по краямъ пластинки сохранились дырочки, благодаря которымъ она, вѣроятно, была пришита къ головному остроконечному убору покойной (Таб. III, № 1). Около этого украшенія найдено было 16 золотыхъ прорѣзныхъ пластинокъ въ видѣ голубя, величиною каждая около полудюйма (Ibid., №№ 4 и 5) и до 50 круглыхъ бляшекъ тонкаго листового золота съ

[1]) Нумера выставлены въ текстѣ предположительно и соотвѣтствуютъ нумерамъ, которыми г. Фелицынъ снабдилъ самые предметы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ не трудно пріурочить вещи, описываемыя въ вышеуказанныхъ сообщеніяхъ изъ газеты «Кавказъ» и «Правительственнаго Вѣстника», къ вещамъ, которыя присланы были въ Коммиссію; въ другихъ — приравнивать однѣ къ другимъ можно лишь предположительно; тогда № вещи въ текстѣ сопровождается вопросительнымъ знакомъ. Наконецъ бываютъ случаи, когда вещи, перечисленныя въ означенныхъ извѣстіяхъ, приходится оставлять безъ №№ за невозможностью признать въ нихъ тѣ, которыя намъ дѣйствительно извѣстны. Ср. опись и рисунки предметовъ, помѣщенные ниже, въ текстѣ.

тисненымъ изображеніемъ Медузы на каждой изъ нихъ (Ibid., №№ 2 и 3?). Судя по имѣющимся на краяхъ дырочкамъ, всѣ эти пластинки пришиты были къ шапочкѣ или головному покрывалу царицы. Близь височныхъ частей черепа оказались двѣ золотыя серьги превосходной филигранной работы съ подвѣсками (Ibid., №№ 6 и 7). Шея скелета украшена была толстымъ золотымъ обручемъ (Таб. V, № 1?) и богатымъ ожерельемъ, такой-же хорошей филигранной работы съ амфоровидными подвѣсками и художественно исполненной головкою быка по срединѣ (Таб. IV, № 1). Рядомъ лежали: золотая цѣпочка съ львиною головкою на одномъ изъ ея концовъ (Ibid., № 4) и изящное плетеное ожерелье изъ того же металла съ тоненькими сердцевидными подвѣсками (Ibid., № 3). Массивные золотые браслеты, сдѣланные въ видѣ змѣи, съ рельефно изображенными гиппокампами на оконечностяхъ (Таб. III, №№ 8 и 9) украшали кисти рукъ умершей, а на одномъ изъ пальцевъ правой руки царицы отысканъ большой золотой перстень съ врѣзанною вглубь на его щиткѣ женщиною, играющей на лирѣ (Ibid., №№ 10 и 11). Вокругъ остова лежало сгнившее дерево и гвозди, быть можетъ, остатки саркофага.

Вторая камера Карагодеуашхской гробницы отличалась болѣе тщательною архитектурною отдѣлкой, чѣмъ первая, но была несравненно бѣднѣе ея содержаніемъ. Входъ въ эту комнату имѣлъ видъ простой дверной рамы, составленной изъ четырехъ большихъ каменныхъ плитъ, какъ это изображено на прилагаемомъ чертежѣ (Таб. I, разрѣзъ CD). Ширина входа достигала 2-хъ аршинъ, высота — 3-хъ аршинъ. Плиты, очень правильной формы, были гладко отесаны и тщательно оштукатурены. Вторая погребальная камера, длиною въ 6 арш., шириною въ 4 арш. 11 верш. сложена была изъ разномѣрныхъ по своей длинѣ, но одинаковыхъ по высотѣ и ширинѣ плитъ правильной формы, съ наружной стороны гладко отесанныхъ. Длина плитъ простиралась отъ 2-хъ четвертей до 1 арш. 14 верш.; встрѣчались впрочемъ плиты и большихъ размѣровъ, длиною въ $2\frac{1}{2}$ аршина. Стѣны въ этой комнатѣ, такъ-же какъ и въ предшествовавшей, были прекрасно оштукатурены, а каменный полъ былъ залитъ известью. Несмотря на такую архитектурную обстановку, содержаніе этого помѣщенія оказалось ничтожнымъ. Лишь въ дверяхъ второй комнаты нашлись обломки амфоры; самая комната, однако, была совершенно пустою.

Входныя двери въ галлерею (Таб. I, разрѣзъ EF), примыкавшую ко второй камерѣ, въ общемъ устроены были такъ-же, какъ и прочія въ этой гробницѣ, съ тою лишь разницею, что двери эти оказались нѣсколько шире и ниже другихъ и отличались инымъ характеромъ кладки боковыхъ камней, примыкавшихъ къ вертикальнымъ плитамъ. Самая галлерея была длиною въ 9 аршинъ, шириною въ 3 аршина; стѣны ея состояли изъ широкихъ и узкихъ плитъ, положенныхъ чередующимися рядами (см. планъ). На сохранившейся штукатуркѣ стѣнъ галлереи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказались слѣды фресковаго орнамента, которымъ въ видѣ бордюра, полосами отъ верху до низу, были обведены верхніе и нижніе края стѣнъ и наружныя поверхности дверей. На правой сторонѣ, немедленно вслѣдъ за производствомъ раскопки, можно было еще усмотрѣть изображеніе пасущагося оленя съ большими вѣтвистыми рогами и опущенною головой. Къ сожалѣнію, во время дальнѣйшихъ работъ, штукатурка тотчасъ-же отдѣлялась отъ камней и разсыпалась на мелкіе куски; поэтому предохранить фрески отъ разрушенія не было никакой возможности. Галлерея изслѣдуемой гробницы отличалась, однако, такимъ же бѣднымъ содержаніемъ, какъ и вторая камера; въ ней, повидимому, ничего не было, за исключеніемъ развѣ лежавшихъ въ концѣ ея, у правой боковой, стѣны лошадиныхъ костей съ желѣзными и бронзовыми принадлежностями конской сбруи.

Наконецъ, послѣдняя камера оказалась выше всѣхъ прочихъ ($3\frac{1}{2}$ арш.); она сдѣлана была изъ очень большихъ массивныхъ плитъ, длиною въ 2 арш., шириною въ 1 арш., положенныхъ на ребра въ два ряда и чередовавшихся съ тремя рядами узкихъ и длинныхъ камней. Плиты были тщательно прилажены другъ къ другу и съ наружной стороны очень гладко отесаны; всѣ стѣны, какъ это можно было заключить по оставшимся кое-гдѣ кускамъ штукатурки, были покрыты фресками, но о содержаніи ихъ нельзя было составить себѣ никакого понятія; изъ того немногаго, что сохранилось на камняхъ, возможно было отдѣлить лишь нѣсколько кусковъ штукатурки со слѣдами цвѣтныхъ орнаментовъ и полосъ[1]). У входа въ это послѣднее помѣщеніе разбросаны были обломки нѣсколькихъ большихъ глиняныхъ амфоръ, по всей вѣроятности, раздавленныхъ упавшими сводами постройки. Параллельно правой боковой стѣнѣ этой крайней камеры лежало нѣсколько поврежденныхъ сосудовъ: одинъ очень большой мѣдный «въ видѣ кувшина» (№ 121), другой меньшихъ размѣровъ (№ 125), два мѣдныхъ котла и глиняная лампочка, а въ углу — большая цѣльная амфора. Около нея найдено было громадное мѣдное блюдо, на которомъ лежало два крестообразно положенныхъ другъ на друга серебряныхъ ритона; позолоченый ободокъ одного изъ нихъ украшенъ изображеніями летящихъ птицъ, а нижнія части обоихъ снабжены наконечниками въ видѣ бараньихъ головокъ[2]). Рядомъ съ ритонами стояла серебряная чашечка съ ручками; далѣе еще такой же серебряный сосудъ и остатки мѣдной доски, повидимому, щита[3]), разсыпавшагося при его извлеченіи. На щитѣ лежало два ритона, положенныхъ на крестъ. Широкій позолоченный ободокъ одного изъ нихъ заполненъ летящими птицами, а оконечность другаго представляетъ баранью головку (Ср. таб. VI, № 1). Вмѣстѣ со всѣми этими предметами лежали: серебряная черпательная ложка и серебряное ситечко съ ручками въ видѣ лебединыхъ головокъ (Ibid., №№ 2 и 3). Параллельно лѣвой боковой стѣнѣ той-же крайней погребальной камеры покоился мужской остовъ, головою на востокъ. Рядомъ съ черепомъ оказались золотыя пластинки съ изображенными на нихъ звѣздочками и «масками» грубой работы, а на шеѣ костяка все еще висѣлъ толстый золотой обручъ, оконечности котораго были украшены весьма искусно вырѣзанными львами, терзающими кабановъ (Таб. II, №№ 7—9). Вокругъ погребеннаго воина-царя расположено было его оружіе: у лѣваго бока остова оказался желѣзный короткій мечъ съ золотою рукояткою (Таб. V, № 4) и оселокъ цилиндрической формы (Таб. VII, № 7). Почти у самаго черепа усопшаго лежали истлѣвшіе остатки колчана, украшеннаго серебряною пластиной; покрытая листовымъ золотомъ, пластина эта снабжена была художественными изображеніями человѣческихъ фигуръ (Таб. IX, №№ 1—7). Въ колчанѣ было около 50 мѣдныхъ стрѣлъ. По лѣвую сторону костяка найдены были остатки другого колчана съ золотыми бляшками (Таб. VII, № 9?) и болѣе 100 мѣдныхъ-же стрѣлъ (Таб. VIII, №№ 5—7). Наконецъ, у стѣны надъ головою и по правую сторону остова оказалось до 12 желѣзныхъ наконечниковъ

---

[1]) Въ данномъ случаѣ г. Фелицынъ въ своемъ дневникѣ не означилъ нумеромъ упоминаемыхъ имъ обломковъ. На кускахъ штукатурки, присланныхъ г. Фелицынымъ въ Коммиссію и соотвѣтствующихъ описанію, сдѣланному въ текстѣ, выставленъ № 108.

[2]) Эти ритоны присланы были г. Фелицынымъ въ Коммиссію, но безъ №№. Ср. ниже гл. II, § 2, b.

[3]) Не отвѣчаемъ за это послѣднее предположеніе; оно приведено въ вышеуказанной статьѣ, напечатанной въ газетѣ «Кавказъ» и въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Сомнительно также ниже высказанное опредѣленіе пластинокъ, найденныхъ подлѣ черепа мужского остова; онѣ названы «масками». Подъ ними, быть можетъ, слѣдуетъ разумѣть горгонейоны.

отъ копій (№ 98). Трудно сказать — лежалъ ли одинъ остовъ въ саркофагѣ или вмѣстѣ съ усопшимъ въ гробъ помѣщены были и всѣ только-что перечисленные нами предметы. Во всякомъ случаѣ остатки сгнившаго дерева и гвозди, найденные около остова, указываютъ намъ на существованіе здѣсь, въ третьей камерѣ, такого же саркофага, какой, вѣроятно, служилъ погребальнымъ ложемъ и для останковъ царицы.

Таково было устройство гробницы, открытой въ курганѣ Карагодеуашхъ. Во всѣхъ ея камерахъ потолки провалились. Поэтому самыя помѣщенія завалены были камнями и землею, а вещи, заключавшіяся въ нихъ, далеко не всѣ вполнѣ сохранились: многія изъ нихъ оказались раздробленными и испорченными настолько, что о первоначальной формѣ ихъ судить было трудно; къ тому-же мѣдные, желѣзные и серебряные предметы сильно окислились и подвергались разрушенію при маломальски неосторожномъ прикосновеніи къ нимъ. Само собою разумѣется, что паденіемъ камней, провалившихся съ потолковъ внутрь гробницы, нарушено было и самое расположеніе вещей. Все это не давало возможности установить вполнѣ опредѣленное представленіе объ обстановкѣ погребальнаго обряда въ изслѣдованной гробницѣ.

Раскопки, описанныя выше, производились, какъ видно, въ земляной насыпи кургана Карагодеуашхъ. Была-ли разслѣдована верхоземка, прикрытая курганною насыпью и дѣлались ли попытки проникнуть далѣе въ глубь материка, мы не знаемъ. Извѣстно лишь то, что работы, доставившія столь обильный и любопытный матеріалъ для изученія быта мѣстнаго населенія Прикубанья въ древнѣйшее время, закончились 14-го мая того-же 1888 года.

Приходится поэтому, къ сожалѣнію, довольствоваться вышеприведенными скудными показаніями о внѣшнемъ видѣ кургана Карагодеуашхъ и его строеніи, о характерѣ найденнаго въ немъ сооруженія и расположеніи вещей въ гробницѣ. Скудость этихъ показаній не восполняется значительнымъ богатствомъ и разнообразіемъ вещей, присланныхъ въ Коммиссію. Вырванныя изъ среды, въ которой онѣ находились и которую за недостаткомъ данныхъ нѣтъ возможности возстановить съ желательною полнотой, эти вещи даютъ намъ менѣе матеріала, чѣмъ можно было бы ожидать, для бытовой исторіи края. По кусочкамъ красокъ и оборваннымъ лоскутамъ холста приходится возстановлять цѣлую картину древняго и чуждаго намъ быта; неудивительно поэтому, что и самая реставрація окажется во многомъ далеко несовершенной.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бытовое значеніе древностей, открытыхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ.

I. ПРЕДМЕТЫ ДРЕВНОСТИ ИЗЪ КУРГАНА КАРАГОДЕУАШХЪ.

Въ курганѣ Карагодеуашхъ найдено было 83 различныхъ вида предметовъ въ 413 экземплярахъ, не считая нѣсколькихъ костей, обломковъ желѣза и штукатурки. Видимое разнообразіе этихъ предметовъ нѣсколько устраняется ихъ раціональной классификаціей; подводя ихъ подъ болѣе или менѣе общія категоріи, возможно достигнуть и условнаго однообразія. Характеръ матеріала и техники въ этомъ отношеніи служитъ болѣе широкимъ принципомъ дѣленія, чѣмъ назначеніе самихъ вещей; по назначенію же вещи эти естественно распадутся на второстепенныя группы, каковы: одежда и украшенія, утварь и вооруженіе. Разсмотримъ всѣ эти предметы въ указанномъ порядкѣ.

1. Матеріалъ.

По матеріалу вещи, найденныя въ курганѣ Карагодеуашхъ, возможно разбить на нижеслѣдующія группы:

	Число экземпляровъ и обломковъ.
Золотыхъ	125
Серебряныхъ	17
Мѣдныхъ и бронзовыхъ	210
Желѣзныхъ (не считая нѣсколькихъ обломковъ)	32
Стеклянныхъ (изъ пасты)	5
Глиняныхъ	15
Костяныхъ	2
Каменныхъ	1
Смѣшаннаго состава [1])	6
Итого вещей	413

Какъ видно по выше приведенному перечисленію, изъ драгоцѣнныхъ металловъ золото играетъ здѣсь наиболѣе видную роль. Правда, что по вѣсу золота окажется менѣе серебра почти вдвое, ибо перваго — всего около 3-хъ фунтовъ (2 фунт. 95 зол. 80 дол.), второго — 6 фунт. 64 зол. Золото, однако, и въ древности, вѣроятно, цѣнилось болѣе серебра: почти всѣ украше-

[1]) Сюда причислены №№ 13, 22 и 33—38 описей по нумераціи г. Фелицына.

нія, найденныя въ нашемъ курганѣ, сдѣланы изъ золота, часть утвари — изъ серебра. Соотношеніе цѣнностей того и другого металла во время сооруженія кургана Карагодеуашхъ, разумѣется, нельзя приравнивать къ нынѣшнему. Не имѣя, однако, болѣе раннихъ извѣстій, приходится довольствоваться позднѣйшими: судя по теперешнему курсу (29 августа 1892 г. на московской биржѣ), цѣнность золотыхъ вещей Карагодеуашхскаго кургана во много разъ превосходитъ цѣнность серебряныхъ, ибо золота (круглымъ числомъ 288 зол.) окажется на 1699 р. 20 к., а серебра всего лишь на 133 р. $33^{1}/_{3}$ коп. Кромѣ того золотыхъ вещей гораздо болѣе серебряныхъ; наконецъ, если имѣть въ виду по всей вѣроятности разновременное ихъ происхожденіе, то и окажется, что лица, погребенныя въ курганѣ, чаще пріобрѣтали вещи золотыя, чѣмъ серебряныя. Такимъ образомъ, золото въ курганѣ Карагодеуашхъ, по своей цѣнности и по количеству сдѣланныхъ изъ него предметовъ, занимаетъ едва-ли не первое мѣсто. Изъ неблагородныхъ металловъ такую-же роль играетъ мѣдь и родственная ей бронза: большинство металлическихъ предметовъ утвари и часть вооруженія (почти всѣ стрѣлы, всего 186 штукъ трехъ видовъ) сдѣланы изъ этихъ матеріаловъ. Желѣзныхъ вещей въ курганѣ Карагодеуашхъ найдено было сравнительно довольно мало: только мечи, копья, нѣкоторыя принадлежности колесницы и всего 4 стрѣлы изъ двухсотъ сдѣланы были изъ этого металла. Матеріалъ остальныхъ предметовъ, кромѣ глины, былъ, очевидно, довольно случайнаго происхожденія и едва-ли можетъ характеризовать содержаніе нашей гробницы съ этой точки зрѣнія.

Золото, изъ котораго сдѣланы наши древности, далеко не однородно. Разныя украшенія оказываются совершенно различныхъ пробъ. Возьмемъ для примѣра нѣсколько вещей, принадлежавшихъ мужчинѣ и женщинѣ, погребеннымъ въ курганѣ Карагодеуашхъ: небольшое число чеканныхъ пластинокъ неизвѣстнаго назначенія, вѣроятно украшавшихъ царское платье; обломки отъ меча и одного изъ ритоновъ, треугольную чеканную пластинку отъ женскаго колпака и маленькую бусу отъ прекраснаго женскаго ожерелья. Предметы эти оказались слѣдующихъ пробъ[1]):

	Проба:
Чеканная пластинка (Таб. VII, № 1)	44
Рукоятка царскаго меча (Таб. IV, № 4)	62
Оконечность ритона (Таб. VI, № 1)	$66^{1}/_{6}$
Три четыреугольныя чеканныя пластинки (Таб. VII, № 9)	$66^{1}/_{6}$; $67^{1}/_{3}$; $67^{1}/_{2}$
Чеканная пластинка, украшавшая, по всей вѣроятности, мужской головной уборъ (Таб. VIII, № 1—2)	69
Треугольная чеканная пластинка (Таб. VIII, № 9)	69
Треугольная чеканная пластинка отъ женскаго колпака (Таб. III, № 1)	$92^{1}/_{6}$
Буса отъ женскаго ожерелья (Таб. IV, № 1)	$94^{1}/_{3}$
Чеканная пластинка (Таб. II, № 5)	$94^{2}/_{3}$
Браслеты царицы (Таб. III, №№ 8—9)	$94^{2}/_{3}$

[1]) Опредѣленія пробы перечисленныхъ предметовъ сдѣланы г. Фаберже по порученію Археологической Коммиссіи, провѣрены, исправлены и дополнены трудами Д. А. Сабанѣева. Къ сожалѣнію въ виду художественной цѣнности всѣхъ этихъ вещей на анализъ невозможно было удѣлить вполнѣ достаточнаго количества матеріала, котораго, по словамъ г. Сабанѣева, нужно было бы имѣть не менѣе 0.6 грам. Поэтому означенныя пробы не были провѣрены повтореніемъ.

Какъ видно, золото древностей карагодеуашхскихъ настолько различно по достоинству, что предметы болѣе высокихъ пробъ въ этомъ отношеніи оказываются слишкомъ въ 2 раза болѣе цѣнными, чѣмъ тѣ, которые относятся къ наиболѣе низкопробнымъ. Такое несоотвѣтствіе, быть можетъ, указываетъ и на разновременное или разномѣстное происхожденіе этихъ предметовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ ниже, высокопробные золотые предметы отличаются и другою техникою, чѣмъ низкопробные: первые вышли изъ мастерскихъ греческихъ художниковъ, вторые могли выдѣлываться варварскими мастерами, или греками по образцу варварскихъ издѣлій.

Трудно сказать откуда и въ какомъ видѣ явилось золото, найденное въ гробницѣ Карагодеуашхъ. Возможно предполагать, что оно добывалось на сѣверо-востокѣ (изъ Уральскихъ и Алтайскихъ горъ), а отсюда перевозилось въ греческія колоніи и въ область Прикубанья. Однородность выраженій, употребляемыхъ для означенія понятій «золото», «сталь» въ нарѣчіяхъ пермскихъ и иранскихъ, въ томъ числѣ и осетинскомъ, а также одинаковый составъ сплавовъ золота съ нѣкоторыми другими металлами, встрѣчаемый на истокахъ Чусовой и въ Экбатанѣ [1]), придаетъ долю вѣроятія этому предположенію. Извѣстно также, что Скиѳы бывали у народовъ, жившихъ на сѣверо-востокѣ Европы, вплоть до Аргиппэевъ, и что предметы скиѳо-сарматскихъ могилъ, а также стиль, въ какомъ они трактованы, нерѣдко обнаруживаютъ родство съ сибирскими древностями [2]). Все это даетъ намъ право предполагать, что золото могло попадать въ область прикубанья съ сѣверо-востока.

Другимъ источникомъ богатствъ могла служить средняя Азія. Уже Иродотъ указывалъ на то, что широкая песчаная пустыня, лежавшая на востокъ отъ страны Саковъ и на сѣверъ отъ Индіи, богата золотомъ. Страна Масагетовъ, какъ извѣстно, также славилась обиліемъ золота, которое было въ большомъ употребленіи у ея жителей [3]). Средневѣковые и новѣйшіе путешественники, вплоть до настоящаго времени, единогласно указываютъ на (верхній) Тибетъ, какъ на страну, въ которой красное и бѣлое золото водилось чуть-ли не на верхоземкѣ и, слѣдовательно, легко добывалось, даже при отсутствіи какихъ бы то ни было усовершенствованныхъ пріемовъ горнаго дѣла [4]). Переселенческіе и торговые пути, которыми Индія и средняя Азія черезъ Оксъ и Яксартъ, быть можетъ, еще до временъ Стравона связывались съ сѣверными побережьями Чернаго моря, могли способствовать распространенію этихъ богатствъ и далѣе на западъ.

---

[1]) W. Tomaschek, Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden въ Sitzungsberichte d. K. A. Wien, Phil. Hist. Cl. B. CXVII, ss. 41, 42. Сплавы состояли изъ «Goldteilchen in Verbindung mit Zinnober und Demantoid».

[2]) Herod., Hist., IV, 24. А. Лаппо-Данилевскій, Скиѳскія Древности, Спб. 1887 г., стр. 21—24. W. Tomaschek, Ibid., ss. 48—49.

[3]) Herod., Hist., I, 215; III, 98, 102 sq. Strab., XI, 8, 6.

[4]) Свѣдѣнія эти собраны у W. Tomaschek'a: Ibid. B. CXVI, ss. 750—755. Автору остались неизвѣстными русскія извѣстія подобнаго рода. Такъ напр., въ одной изъ рукописей первой половины XVIII в., сообщавшей способы къ введенію коммерціи въ государствахъ великаго Могола и проч., мы читаемъ между прочимъ слѣдующее: «всѣ мѣста (Бухарія и Туркестанъ) — богатые золотомъ, серебромъ и прочими металлами, не весьма знаемыми тамошнимъ народомъ; понеже за неискусствомъ своимъ пользуются токмо тѣмъ металломъ, который находятъ или блещется передъ ихъ глазами поверхъ земли». (Н. Поповъ, В. Н. Татищевъ и его время, М., 1861 г., стр. 563—564). Несмотря на эти данныя и теперь еще продолжаютъ ука-

Наконецъ, третья область, въ которой еще ближе къ устьямъ Кубани добывалось золото, лежала въ Закавказьѣ. Стравонъ клянется Зевсомъ, что разсказы о волшебницѣ Медеѣ достовѣрны и что Колхида, страна дѣйствительно богатая золотомъ [1]). Соаны (быть можетъ нынѣшніе Сванеты), по словамъ того-же автора, живутъ въ мѣстности надъ Діоскуріадой, мѣстности, «горные потоки которой несутъ золото; его добываютъ варвары помощью просверленныхъ корытъ и косматыхъ шкуръ» [2]). Тѣже Соаны (Θοᾶνες) упоминаются и позднѣйшими писателями, какъ народъ богатый золотомъ [3]). Сосѣди Соановъ, Иверы, во времена Стравона, занимали страну столь-же извѣстную обиліемъ золота, какъ и Сванетія [4]). Такимъ образомъ, Аппіанъ (II в. по Р. Х.) имѣлъ полное право сказать, что во многихъ изъ кавказскихъ рѣкъ находится золото въ видѣ маленькихъ зернышекъ; туземцы кладутъ въ рѣки бараньи кожи съ густою шерстью и добываютъ такимъ образомъ попавшія сюда золотыя зерна [5]).

Изъ высказанныхъ нами предположеній о происхожденіи золота, найденнаго въ курганѣ Карагодеуашхъ, первое удобнѣе всего могло бы разъяснить намъ, откуда туземцы добывали золото, послѣднее—откуда получали они сдѣланныя изъ него готовыя вещи. Первая изъ этихъ гипотезъ давала бы намъ право предполагать, что туземцы отдавали свое золото для обработки въ греческія мастерскія, послѣдняя, что изъ этихъ мастерскихъ они покупали заранѣе отдѣланныя вещи.

Серебряныя вещи, найденныя въ курганѣ Карагодеуашхъ, по цѣнности своей имѣютъ гораздо менѣе значенія, чѣмъ золотыя, но отличаются такимъ-же разнообразіемъ состава. Анализъ, какому возможно было подвергнуть нѣкоторые изъ обломковъ отъ сосудовъ, найденныхъ въ погребальныхъ каммерахъ гробницы Карагодеуашхъ [6]), далъ слѣдующіе результаты:

	Проба:
Обломокъ отъ сосуда	Ag. $46\frac{1}{3}$ Au $\frac{2}{3}$
Обломокъ отъ сосуда (по нумераціи г. Фелицына № 69)	Ag. 62 Au $\frac{1}{6}$
Обломокъ отъ сосуда (по нумераціи г. Фелицына № 59)	Ag. $73\frac{1}{3}$ Au $\frac{1}{6}$
Обломокъ отъ ритона съ изображеніемъ львовъ, пожирающихъ оленей въ видѣ фриза	Ag. 85 Au $\frac{1}{6}$.

зывать на Сибирь и на Уралъ, какъ на единственные источники золота, которое употребляли Скиѳы. См. S. Reinach, Antiquités du Bosphore Cimmérien, Par., 1892, p. 25.

[1]) Strab., Geogr., I, 2, 39. Русскій переводъ тѣхъ извѣстій Стравона, которыя касаются Скиѳіи и Кавказа, такъ же, какъ и вообще извѣстій древнихъ писателей объ этихъ странахъ см. въ сборникѣ В. Латышева: Извѣстія древнихъ писателей, греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. Собралъ и издалъ В. Латышевъ, Спб. 1890 г. въ Прилож. къ Запискамъ Императ. Рус. Археол. Общ., т. V, вып. 3 и 4 (Спб. 1892 г.). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Колхида все еще извѣстна была обработкою рудъ. См. Gamba, Voyage dans la Russie méridionale etc. fait 1820 à 1824, Par. 1826, Vol. II, p. 266.

[2]) Strab., Ibid., XI, 2, 19.

[3]) Eusthat., Comment. ad Dionys. Orb. Descript., vers. 689.

[4]) Strab., Geogr., XI, 2, 19. Cp. Plutarch., Pomp., XXXVI. Судя по описанію великаго географа, (Ibid., XI, 3, 2) страна Иверовъ расположена была приблизительно въ предѣлахъ нынѣшней Имеретіи. Ср. также Plin., Hist. nat., VI, 15, 4.

[5]) Appian, De Mithridat., 103 (ed. F. Didot, 1840, p. 260).

[6]) Анализъ этихъ обломковъ произведенъ Д. А. Сабанѣевымъ.

Разнообразіе состава означенныхъ вещей приводитъ насъ къ такимъ же заключеніямъ, какія высказаны были ранѣе и относительно предметовъ, сдѣланныхъ изъ золота, тѣмъ болѣе, что это разнообразіе сопровождается различіемъ въ отдѣлкѣ и формахъ вещей, быть можетъ указывающимъ и на разное происхожденіе ихъ. Самый матеріалъ можно было добывать изъ тѣхъ же странъ, какія извѣстны были обиліемъ золота. Не говоря о сѣверо-восточной и средней Азіи[1]), Колхида богата была, по словамъ Стравона, не только золотомъ, но и серебряными рудниками, въ странѣ Халивовъ, «въ прежнее время» (до Стравона) также находили серебро[2]). Да и теперь Закавказье богато этимъ металломъ[3]). Такъ же, какъ и золото, серебро прошло, по крайней мѣрѣ отчасти, черезъ греческія руки и въ произведеніяхъ греческаго искусства попало въ гробницу царя, похороненнаго въ курганѣ Карагодеуашхъ; серебряные ритоны, съ животнымъ орнаментомъ на одномъ изъ нихъ и бытовою сценой на другомъ, обломокъ отъ сосуда (Таб. VI, № 4) и пластина, украшавшая колчанъ, не могли быть иного происхожденія.

Найденныя въ курганѣ Карагодеуашхъ мѣдныя и бронзовыя издѣлія довольно многочисленны. Опредѣлить составъ ихъ оказалось дѣломъ нелегкимъ: вещи большею частью окислились настолько, что первоначальный составъ сплава пришлось возстановлять предположительно, сообразуясь съ добытыми при анализѣ цифрами. «Въ виду этого полученные такимъ образомъ окончательные результаты могутъ считаться лишь болѣе или менѣе вѣроятными и указываютъ только на общій типъ сплава»[4]). Сплавы эти не отличаются однородностью. Располагая ихъ по мѣрѣ осложненія ихъ состава, мы получимъ слѣдующіе типы:

		Мѣдь.	Олово.	Свинецъ.	Желѣзо.	Цинкъ.
1. Большая ваза съ ручкой[5]) (22)		99,5	—	—	слѣды большіе	—
2. Донышко отъ сосуда		90,1	9,3	—	слѣды	—
3. Обломки сосуда съ отложными краями (16):	наличный составъ сплава въ видѣ окисловъ и солей	72,0	9,4	0,2	слѣды	—
	вѣроятный составъ первоначальнаго сплава. . . .	88,7	11,0	0,3	—	—
4. Зеркало (36).	наличный составъ сплава въ видѣ окисловъ и солей	69,9	8,1	1,3	—	—
	вѣроятный составъ первоначальнаго сплава . . .	89,0	9,0	2,0	—	—
5. Ваза съ отпавшею ручкою (23)		92,8	6,2	слѣды	слѣды	0,3
6. Стрѣла трехгранная (6).		75,5	8,2	16,4	—	—

---

[1]) W. Tomaschek, Ibid., B. CXVI, s. 755.

[2]) Strab., Geogr., I, 2, 39; XII, 3, 19.

[3]) J. de Morgan, Mission scientifique au Caucase, t. I, Par. 1889, p. 84. Авторъ самъ былъ на Кавказѣ и производилъ любопытныя раскопки на южныхъ склонахъ Кавказскаго хребта.

[4]) Эти техническія замѣчанія принадлежатъ Д. А. Сабанѣеву; онъ-же обязательно взялъ на себя и анализъ бронзовыхъ обломковъ, которые возможно было удѣлить для этихъ цѣлей.

[5]) Цифры, помѣщенныя въ скобкахъ, означаютъ нумера, подъ которыми эти предметы помѣщены въ составленныхъ нами описяхъ предметовъ роскоши, утвари и вооруженія.

		Мѣдь.	Олово.	Свинецъ.	Желѣзо.	Цинкъ.
7. Бляшка отъ конскаго убора (51 ср. Таб. VII, № 3):	наличный составъ сплава въ видѣ чистаго металла, окисловъ и солей	77,4	16,6	2,9	0,2	0,2
	вѣроятный составъ первоначальнаго сплава . . .	78,6	17,5	3,5	0,2	0,2

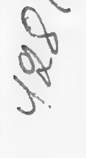
Мы не станемъ сравнивать здѣсь состава нашихъ сплавовъ съ результатами доселѣ произведенныхъ анализовъ древнихъ бронзъ вообще; такихъ анализовъ сдѣлано уже нѣсколько тысячъ, начиная съ китайскихъ бронзъ и кончая американскими; тѣмъ не менѣе вопросъ о древнѣйшемъ центрѣ производства бронзы все еще остается не рѣшеннымъ. Ограничимся указаніемъ ближайшихъ аналогій между нашими сплавами и доселѣ извѣстными, имъ сопредѣльными, не придавая, однако, этимъ сопоставленіямъ значенія конечныхъ выводовъ.

Сплавъ № 1 ближе всего подходитъ къ сибирскимъ сплавамъ, хотя послѣдніе и имѣли иное назначеніе, чѣмъ выше приведенный карагодеуашхскій. Таковы, напримѣръ:

	Мѣдь.	Олово.	Свинецъ.	Желѣзо.	Цинкъ.
Сплавъ № 1.	99,5	—	—	слѣды	—
Топоръ изъ Уфимской губ.	99,78	—	—	—	—
Топоръ изъ Енисейской губ.	99,20	—	—	—	—
Серпъ изъ Уфимской губ.	99,83	—	слѣды	—	—
Ножъ изъ Сибири	99,60	0,32	—	0,34	—[1])

Сплавъ № 2, повидимому, довольно хорошо извѣстенъ намъ по издѣліямъ сибирскимъ, кавказскимъ, скиѳскимъ (вѣроятно греческаго происхожденія) и греческимъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

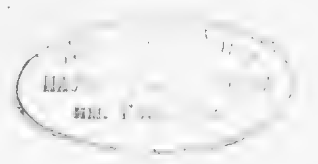
		Мѣдь.	Олово.	Свинецъ.	Желѣзо.	Цинкъ.
Сплавъ № 2.		90,10	9,3	—	слѣды	—
Ножъ	изъ Сибири[2])	90,20	9,64	—	0,05	—
Кривой ножъ	изъ Сибири[2])	88,67	10,10	—	0,28	—
Ножъ	изъ Сибири[2])	93,00	6,35	—	0,18	—
Фибула	изъ Кобани (Кавказъ)[3])	90,20	9,10	—		—
Пряжка отъ пояса	изъ Кобани (Кавказъ)[3])	90,30	9,70	—	—	—
Фибула	изъ Кобани (Кавказъ)[3])	89,96	9,14	—	—	—

[1]) E. v. Bibra, Die Bronzen und Kupferlegirungen der alten und ältesten Völker, Erlang., 1869, s. 106, №№ 96—98.

[2]) И. Архиповъ, Анализы доисторическихъ бронзъ въ Изв. Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, т. XXXV, М., 1880 г., Ч. I, вып. 1—3, стр. 197—204. E. v. Bibra, l. l., ss. 88 и 106. Древность этихъ бронзъ въ точности неизвѣстна; но даже въ томъ случаѣ, если эти бронзы и сравнительно поздняго происхожденія, самые сплавы могли употребляться издавна. Ср. E. v. Bibra, Ibid., s. 173.

[3]) E. Chantre, Ibid., t. II (texte), p. 97, note 1. Авторъ замѣчаетъ при этомъ: «Les alliages contiennent en outre des traces d'argent de fer et de plomb, mais en proportion trop minime pour être dosées». Въ числѣ сплавовъ, анализъ которыхъ приведенъ у автора, можно подыскать еще нѣсколько болѣе или менѣе подходящихъ къ нашему типу. Бронзы, найденныя г. Филимоновымъ въ Казбекѣ (17 штукъ), также содержали

	Мѣдь.	Олово.	Свинецъ.	Желѣзо.	Цинкъ.
Украшеніе отъ сбруи изъ Александропольскаго кургана	90,76	9,17	—	слѣды	—
Тоже изъ Чертомлыцкаго кургана	90,89	8,90	слѣды	0,13	слѣды
Тоже изъ скиѳскаго (?) кургана при Днѣпрѣ	90,93	8,51	—	слѣды	—
Тоже изъ Большой Близницы	90,34	9,43	—	—	—
	90,96	8,77	слѣды	слѣды	—
Тонкая пластинка, найденная въ одномъ изъ крымскихъ греческихъ кургановъ I ст. до Р. Х.[1]	90,10	9,07	слѣды	0,21	0,52
Монета изъ Пантикапеи	90,20	9,59	—	—	—
Монета изъ Ольвіи	90,00	9,82	—	—	—
Монета Птолемея	90,75	9,25	—	—	—

Сплавы №№ 3 и 4 принадлежатъ къ типу, быть можетъ, еще болѣе распространенному, чѣмъ предшествующіе. Нѣсколько сибирскихъ, кавказскихъ, мерянскихъ и греческихъ бронзъ оказались такого-же состава, какъ и наши вещи. Таковы, напримѣръ:

	Мѣдь.	Олово.	Свинецъ.	Желѣзо.	Цинкъ.
Сплавъ № 3.	88,7	11,0	0,3	—	—
Поясное украшеніе съ Алтая	88,69	11,02	—	слѣды	—
Ножъ изъ с. Никольскаго Енисейской губ.	87,19	12,09	0,41	—	—
Предметъ изъ мерянскаго кургана подлѣ Княжьей могилы	88,19	8,43	1,52	—	—
Фибула изъ развалинъ Тапапса (М)	88,00	11,80	0,20	—	—
Заклепка отъ фляги изъ Казбека	87,10	7,46	5,44	—	—
Цѣпь изъ Казбека	89,15	8.06	3,30	—	—
Привѣска изъ Кобани (М)	88,80	11,30	—	—	—
Тоже (М)	88,07	11,53	—	—	—
Конскія удила изъ конской гробницы 4-го Семибратьняго кургана	88,49	11,51	—	—	—
Украшеніе отъ сбруи изъ Большой Близницы (М)	89,38	9,00	0,55	—	—

на 100 частей до 6—14% олова (E. Chantre, Recherches etc., t. II, pp. 97 et 137. R. Virchow, Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, Kaukasus, Berl., 1883, s. 127). Эти соединенія, какъ видно, отличаются умѣреннымъ процентомъ олова; они, слѣдовательно, сплавлялись при сравнительно высокой температурѣ (напр. до 900° С. при 8%) и отличались довольно значительною твердостью. (Ср. L. Beck, Geschichte des Eisens, B. I, 2-te Aufl., ss. 47 u. 49).

[1]) E. v. Bibra, Ibid., ss. 98—102. Эти анализы перепечатаны въ трудахъ коммиссіи по производству химико-техническихъ анализовъ древнихъ бронзъ, вып. I, стр. 34—40. (Извѣстія Спб. Археол. Общ., т. X, Спб., 1884 г. и отд.). Въ составъ этихъ сплавовъ входили также: никкель, кобальтъ, сурьма и мышьякъ, впрочемъ въ весьма незначительномъ количествѣ; эти элементы не имѣютъ особенно важнаго значенія для опредѣленія типа сплава, такъ что нѣкоторые изъ химиковъ ими даже пренебрегаютъ (E. v. Bibra, Ibid., ss. 108, 171, 172). Буквою М, помѣщенною въ скобки, мы будемъ означать тѣ сплавы, въ которыхъ отмѣчено присутствіе означенныхъ элементовъ; къ нимъ еще рѣже присоединяются золото, серебро и сѣра. Послѣдующіе примѣры взяты изъ тѣхъ-же пособій, какіе указаны въ примѣчаніяхъ 1—4.

Сплавъ № 3, какъ видно, обнаруживаетъ нѣкоторое сходство съ сибирскими, казбекскими и греческими бронзами. Въ большинствѣ сибирскихъ бронзъ, однако, присутствіе свинца не замѣтно; казбекскія, наоборотъ, содержатъ сравнительно большое количество этого металла. Остаются, слѣдовательно, однѣ греческія бронзы, съ которыми нашъ сплавъ, быть можетъ, и состоялъ въ ближайшемъ родствѣ[1]).

Сплавъ № 4 сходенъ съ предшествующимъ; слѣдовательно, онъ находится въ такихъ-же отношеніяхъ къ составамъ доселѣ извѣстныхъ сопредѣльныхъ съ нимъ бронзъ. Въ виду, однако, большей примѣси свинца, онъ ближе подходитъ къ казбекскимъ предметамъ, вылитымъ изъ того-же металла, чѣмъ сплавъ № 3, родственный съ греческими. Поясимъ это замѣчаніе нѣсколькими примѣрами:

	Мѣдь.	Олово.	Свинецъ.	Желѣзо.	Цинкъ.
Сплавъ № 4.	89,0	9,0	2,0	—	—
Кольцо изъ кургана Богородицкаго уѣзда Московской губерніи	89,23	9,07	1,48	—	—
Предметъ, найденный въ одномъ изъ мерянскихъ кургановъ	89,19	8,43	1,52	—	—
Ручка отъ сосуда изъ Казбека	90,00	8,00	2,00	—	—
Украшеніе отъ сбруи изъ Чертомлыцкаго кургана (М)	90,89	8,90	слѣды	—	слѣды
Обломки отъ сосудовъ изъ Новеркасска	91,28	7,80	0,10	—	—
	91,55	7,86	0,51	—	—
	91,58	8,42	слѣды	—	—
Украшеніе отъ сбруи изъ Большой Близницы	90,96	8,77	слѣды	—	—
Двѣ тонкія пластинки изъ греческихъ крымскихъ кургановъ I до Р. Х.	89,37	10,48	слѣды	—	—
	89,48	10,00	0,07	—	—

Такимъ образомъ, большое сходство между карагодеуашхскимъ сплавомъ № 4 и однимъ изъ казбекскихъ становится менѣе значительнымъ при сравненіи этого сплава съ греческими издѣліями того-же рода.

Сплавъ № 5 обнаруживаетъ болѣе сложный составъ, чѣмъ предшествующіе; возможно поэтому, что составныя его части добыты были съ трудомъ и потребовали большихъ усилій при плавленіи[2]).

Къ этой-же группѣ сплавовъ можно отнести и типъ № 5, нѣсколько болѣе сложный по своему составу, такъ какъ на ряду съ мѣдью, оловомъ и свинцомъ здѣсь оказались слѣды желѣза и цинкъ въ незначительномъ количествѣ. Сходные съ нашимъ типомъ составы находимъ мы въ южно-русскихъ греческихъ бронзахъ, каковы напримѣръ:

	Мѣдь.	Олово.	Свинецъ.	Желѣзо.	Цинкъ.
Сплавъ № 5.	92,8	6,2	слѣды	слѣды	0,3
Зеркало изъ греческой гробницы I в., открытой въ Крыму (М)	92,65	7,10	слѣды	слѣды	слѣды

[1]) Анализъ одной изъ древнихъ аттическихъ монетъ, приведенный въ соч. E. v. Bibra (s. 84, № 51) далъ слѣдующіе результаты: Cu 88,5 St 10 Pb 1,5.

[2]) Ch. Hostmann, Studien zur vorgeschichtlichen Archäologie, Braunschweig, 1890, s. 95.

	Мѣдь.	Олово.	Свинецъ.	Желѣзо.	Цинкъ.
Воспорская монета ц. Савромата II (174/5—210/11 г. по Р. Х.) (М).	92,14	6,80	0,73	слѣды	—
Обломокъ изъ Большой Близницы на Тамани (М)	93,45	6,04	слѣды	слѣды	—

Такого-же типа и нѣкоторые предметы (скиѳскіе?), какъ напримѣръ, стрѣлы изъ днѣпровскихъ могилъ [1]); они лишены, однако, примѣси цинка, который и въ выше приведенныхъ сплавахъ, вѣроятно, случайнаго происхожденія. Сюда-же можно отнести кое-какіе предметы изъ мерянскихъ могилъ [2]); въ этихъ составахъ, однако, не только слѣдовъ цинка, но и желѣза не замѣтно. Слѣдовательно, на основаніи извѣстныхъ намъ матеріаловъ можно сказать, что нашъ сплавъ ближе всего стоитъ къ греческимъ южно-русскимъ бронзамъ.

Наконецъ, къ послѣднему типу карагодеуашхскихъ бронзъ принадлежатъ сплавы №№ 6 и 7. Оба они содержатъ мѣдь въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ предыдущіе; за то въ первомъ довольно много свинца, во второмъ олова.

Сплавы, аналогичные съ № 6-мъ, можно подыскать среди греко-скиѳскихъ. Таковы, напримѣръ:

	Мѣдь.	Олово.	Свинецъ.	Желѣзо.	Цинкъ.
Сплавъ № 6.	75,5	8,2	16,4	—	—
Монета Савромата I (93/4—123/4 г. по Р. Х.).	75,22	9,03	14,55	1,40	—
Наконечники отъ стрѣлъ изъ Чертомлыцкой могилы (М).	78,66	14,01	7,21	слѣды	—
	78,24	16,26	5,20	слѣды	—
Наконечники отъ стрѣлъ изъ скиѳской могилы при Днѣпрѣ (М)	77,09	15,10	7,15	слѣды	—

Любопытно, что наконечники отъ стрѣлъ, найденные въ сырцевой гробницѣ второго Семибратняго кургана, оказались гораздо менѣе сходными съ нашими по составу, чѣмъ вышеприведенные скиѳскіе, такъ какъ на 77,23—77,88% мѣди содержали до 22,77—22,12% олова безъ всякихъ постороннихъ примѣсей.

Сплавы, сходные съ № 7-мъ, встрѣчаются не только въ числѣ южно-русскихъ греческихъ, но и среди казбекскихъ бронзъ, какъ это видно по нижеслѣдующимъ примѣрамъ:

	Мѣдь.	Олово.	Свинецъ.	Желѣзо.	Цинкъ.
Сплавъ № 7.	78,6	17,5	3,5	0,2	0,2
Пластинчатая привѣска отъ фибулы (изъ Казбека)	78,69	12,76	8,47	—	—
Спиральная плотная трубка . . . . (изъ Казбека)	77,24	13,06	9,70	—	—

Сходство между карагодеуашхскими и казбекскими бронзами, какъ видно, не полное, такъ какъ въ послѣднихъ недостаетъ (по всей вѣроятности случайной, непреднамѣренной) примѣси желѣза и цинка.

Итакъ, описанные нами сплавы отличаются довольно значительнымъ разнообразіемъ: одни содержатъ, главнымъ образомъ, мѣдь, другіе мѣдь съ небольшою примѣсью олова, третіе еще

---

[1]) E. v. Bibra, Ibid., ss. 100—105, №№ 22, 28, 29, 33, 36, 39 и 44.

[2]) И. Архиповъ, Ibid., стр. 201, №№ 31 и 32.

менѣе мѣди, при большемъ количествѣ олова и свинца. Въ виду того, что главною составною частью нашихъ сплавовъ оказывается мѣдь, можно сказать, что плавленіе ихъ происходило при высокой температурѣ, нужной для приведенія смѣсей въ жидкое состояніе (напр. 900° C при 8% олова или 786° C въ случаѣ примѣси 25% того-же металла). Олово примѣшивалось къ мѣди, какъ извѣстно, для того, чтобы придавать ей большую твердость и получать сплавы, внѣшнія поверхности которыхъ отличались бы большею гладкостью[1]). Въ карагодеуашхскихъ бронзахъ олова находилось отъ 6 до 17%; слѣдовательно, однѣ изъ нихъ (съ небольшою примѣсью олова въ сущности до 5%) принадлежатъ скорѣе къ числу такъ называемыхъ мягкихъ, тягучихъ и не ломкихъ бронзъ, другія, содержащія не менѣе 17% олова, отличаются твердостью и хрупкостью издѣлій подобнаго рода[2]). Существованіе примѣсей въ карагодеуашхскихъ сплавахъ показываетъ, что обработка нашихъ бронзъ не отличалась тѣми совершенными пріемами, которыми древніе отстраняли постороннія примѣси и достигали сравнительно чистыхъ соединеній[3]).

Всѣ эти техническія наблюденія къ сожалѣнію недостаточны для того, чтобы сдѣлать какія либо опредѣленныя заключенія о мѣстной бронзовой культурѣ. Крайне грубая спайка на одномъ изъ царскихъ шейныхъ обручей вѣроятно мѣстнаго происхожденія; она показываетъ намъ, что туземцы едва-ли хорошо знакомы были съ простѣйшими пріемами литейнаго дѣла. Въ вышеприведенныхъ сопоставленіяхъ между нашими сплавами и до селѣ извѣстными составами русскихъ бронзъ можно видѣть намеки на разнородное происхожденіе этихъ сплавовъ; но эти сопоставленія на столько случайны и намеки такъ слабы, что ими воспользоваться для дальнѣйшихъ заключеній едва-ли возможно.

Историческія свидѣтельства по интересующему насъ вопросу также не отличаются желательною полнотою.

Мѣдь могла добываться на востокѣ: въ странѣ Массагетовъ, напримѣръ, гдѣ металлъ этотъ находили въ изобиліи[4]). Позволительно думать, что мѣдь, подобно серебру, привозилась и съ юга. Кардухи употребляли мѣдную посуду[5]); есть подобнаго-же рода извѣстіе объ Аланахъ, правда, довольно позднее. По словамъ Лаоника Халкокондила, Аланы, жившіе въ сосѣдствѣ съ городами верхней Иверіи, «изъ мѣди (χαλκοῦ) изготовляютъ оружіе подъ названіемъ аланскаго»[6]).

---

[1]) G. de Mortillet, Les Origines du bronze, Par., 1876, p. 4—5. Чистая мѣдь плавится, какъ извѣстно, при температурѣ въ 1096° C или 1100° и даже 1179° C.

[2]) L. Beck, Geschichte des Eisens, I B., 2 Auf., s. 47.

[3]) Любопытный текстъ Филона Византійскаго (De telorum constr., IV, cap. 43) показываетъ, что для этихъ цѣлей мѣдь и олово переливали по нѣскольку разъ. См. Ch. Hostmann, Ibid., s. 96—97.

[4]) Herod., Hist., I, 215. Strab., XI, 8, 6.

[5]) Xenophon., Anab., IV, 1, 8.

[6]) В. Миллеръ, Терская область въ Матеріалахъ по Археологіи Кавказа, собранныхъ экспедиціями Московскаго Археол. Общ., снаряженными на Высочайшее соизволеніе, М., 1888 г., стр. 118. Laonik. Chalkokondyl., Ἀποδείξεις ἱστορικαί, lib. IX, p. 467: τὰ Ἀλανικὰ καλούμενα ὅπλα ἀπὸ χαλκοῦ. Рубриквисъ слыхалъ разсказы о томъ, что Аланы хорошіе кузнецы (E. Chantre, Recherches etc., t. V, p. 226). Въ средніе вѣка Кубечи, въ Дербентской области, изготовляли латы, пользовавшіяся извѣстностью. См. Sammlung Russischer Geschichte, B. II (1736), ss. 1—5: Von dem Dorffe Kubeschah auf den Caucasischen Gebürgen gelegen. Авторъ между прочимъ пишетъ о жителяхъ этой деревни слѣдующее: «Sie fast ingesammt Künstler sind und das beste Feuergewehr sowohl glatt, als gezogen im gleichen Sebel und Pantzer verfertigen, insonderheit aber in Gold und Silberarbeit excelliren, welche ihnen von weit und breit zugesandt wird». (S. 3). W. Tomaschek, Ibid., B. XCVII, s. 40. Они и теперь извѣстны, какъ хорошіе кузнецы.

Наконецъ, и современныя извѣстія указываютъ намъ на существованіе богатыхъ мѣдныхъ рудниковъ въ различныхъ мѣстностяхъ Кавказа и Малой Азіи[1]). Ближайшимъ центромъ, откуда бронзовыя издѣлія могли проникнуть и въ область р. Адагума, можно считать Новороссійскъ[2]); здѣсь найдено было довольно много плоскихъ бронзовыхъ топоровъ и кривыхъ ножей, а главное — нѣсколько выдолбленныхъ камней для отливки подобнаго рода орудій; бронзовые топоры находили также въ Абхазіи и въ Урупѣ на Кубани[3]). Такимъ образомъ, бронзовыя издѣлія изъ кургана Карагодеуашхъ нельзя считать археологическою новинкой: всѣ могильники, открытые у главнаго хребта и далѣе на югъ, содержали множество такихъ-же вещей. Признавать однако за древнимъ населеніемъ Кавказа самостоятельное открытіе бронзы, пока еще нѣтъ основаній[4]); по этому существованіе центровъ, изъ которыхъ привозилась бронза на Кавказъ, приходится предполагать или въ Средней или въ Малой Азіи. Въ виду распространенности бронзовыхъ издѣлій въ Закавказьѣ, а не на сѣверныхъ склонахъ Кавказскаго хребта, послѣднее предположеніе вѣроятнѣе[5]).

На ряду съ предметами мѣдными и бронзовыми въ гробницѣ оказалось нѣсколько издѣлій изъ желѣза. Желѣзо встрѣчалось на сѣверо-востокѣ. Въ данномъ случаѣ, однако, возможно приписывать ему и южное происхожденіе. Если вѣрить преданію, Колхида уже въ древности богата была желѣзомъ; оно добывалось также въ странѣ Халивовъ (южнѣе Колховъ); эта мѣстность въ древности славилась изобиліемъ желѣза. Есть прямыя указанія на то, что Халивы не только добывали желѣзо[6]), но даже обработывали[7]) и мѣняли его на разные припасы съ другими народами[8]). Амазонки, будто-бы жившія по берегамъ Ѳермодонта, уже въ V в. до Р. Х.

---

[1]) J. de Morgan, Ibid., t. I, p. 10. «Les mines de cuivre de Tchorok, du Lelwar, de Dilidjan, du Karabakh et de l'Araxe ont été connues de toute antiquité...». E. Chantre. (Recherches etc,, t. I, p. 80) указываетъ на 5 группъ. Мѣдные рудники Синопа и теперь еще даютъ ежегодно до 1.200.000 kgr руды (W. Tomaschek, Ibid., B., CXVI, s. 729).

[2]) Химическій составъ бронзовыхъ издѣлій этой мѣстности еще не подвергался обстоятельному изученію. Анализъ древнихъ бронзъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которыя найдены были въ Семибратнихъ могилахъ, можно найти въ Извѣстіяхъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, т. XXXV, М. 1880 г., вып. 1—2, стр. 201—203. Составъ бронзовыхъ вещей изъ Семибратнихъ кургановъ довольно разнообразенъ: мѣди въ нихъ отъ 25,5% (въ наконечникахъ отъ стрѣлъ) до 98,7% (въ круглыхъ бляхахъ).

[3]) E. Chantre, Ibid., t. I, p. 88. Atlas, Pl. VI, № 2.

[4]) Е. Шантръ, напр., прямо отрицаетъ существованіе оловянныхъ рудниковъ на Кавказѣ (Ibid., t. I, p. 82), а слѣдовательно и выдѣлку бронзы. Ср. J. de Morgan, Ibid., t. II, p. 32. R. Virchow, Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, Berl. 1883, s. 22. Въ половинѣ XVIII в. Гилянь и Мазандеранъ славились обиліемъ свинца, олова и желѣза (Н. Поповъ, В. Н. Татищевъ и его время, М, 1861 г., стр. 395: Письмо Эльтона Татищеву 10 іюля 1743 г.).

[5]) C. E. von Baehr, Von wo das Zinn zu den ganz alten Bronzen gekommen sein mag? въ Archiw für Anthropolog. 1876, B. IX, № 4, ss. 263—267. Его-же: Откуда добывалось олово, входящее въ составъ древнѣйшей бронзы? въ Древностяхъ Моск. Арх. Общ., т. VII, вып. III, стр. 234—240.

[6]) Xenoph., Anab., V, 5, 1. Strab., Geogr., I, 2, 39; XII, 3, 19.

[7]) Ammian. Marcel., XXII, 8, 21. Dionys. Orb. Descr., vers. 768—771.

[8]) Apollon. Rhod., Argonautica, II, 1005—1006 (am. R. Merkel, Lips. 1854, p. 121). Eusthat., Comment. ad Dionys. Orb. Descrp. vers. 767. Современные Курды и Тюркмены также добываютъ и обрабатываютъ желѣзо и сталь столь-же примитивными способами (Ritter, Erdkunde, VIII, 849).

извѣстны были тѣмъ, что «носили желѣзное оружіе»[1]). Въ современномъ Закавказьѣ находятъ также весьма богатые залежи желѣзной руды въ Чатакхѣ на Лелварѣ[2]).

Итакъ, не только происхожденіе золота, изъ котораго сдѣланы карагодеуашхскія древности, остается не вполнѣ опредѣленнымъ, но и родина остальныхъ металловъ того-же собранія едва-ли можетъ быть указана съ желательною точностью. Если означенныя вещи проникли въ Кубанскую область не съ Урала, а съ Кавказа или Закавказья, то придется предположить, что онѣ прошли, большею частью, черезъ греческія руки; иначе трудно разъяснить почти полное отсутствіе золота, серебра и даже мѣди въ могильникахъ Кавказа, поскольку они намъ доселѣ извѣстны[3]). Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что среди описаннаго нами матеріала преобладающее значеніе имѣютъ: золото и мѣдь съ бронзой. Это придаетъ гробницѣ Карагодеуашхъ архаическій характеръ. Золотомъ, какъ извѣстно, весьма богаты были такъ называемые древніе скиѳскіе курганы (царскіе): въ одной изъ катакомбъ Александропольскаго кургана найдено было до 700 золотыхъ вещицъ; въ недавно открытомъ Рыжановскомъ курганѣ оказалось до 449 золотыхъ предметовъ[4]). Съ другой стороны преимущественное употребленіе мѣди предполагаетъ малое знакомство съ желѣзомъ, сближаетъ въ этомъ отношеніи племя, соорудившее курганъ Карагодеуашхъ, съ нѣкоторыми мало развитыми древними племенами Малой Азіи, какъ напр., Кардухами. Невольно припоминаются также разсказы Иродота о Массагетахъ, которые, по его словамъ, «для всѣхъ надобностей употребляютъ золото и мѣдь: золото для украшенія головныхъ уборовъ, поясовъ и перевязей, мѣдь для приготовленія копій, стрѣлъ и сѣкиръ»[5]); естественно приходитъ на умъ и то, что древніе авторы нерѣдко смѣшивали Массагетовъ съ Аланами[6]), а послѣднихъ современные изслѣдователи приравнивали къ Осетинамъ, которые еще въ 1742 году считались народомъ, богатымъ золотомъ и серебромъ[7])....

Въ числѣ разновидностей матеріала, изъ котораго сдѣланы карагодеуашхскія древности, кромѣ металловъ нѣкоторую роль играетъ глина различнаго достоинства: одни изъ сосудовъ сдѣланы изъ плохо просѣянной глины, смѣшанной съ пескомъ и дресвой (№№ 113 и 113 а); въ другихъ, напротивъ, она высокаго качества. Это различіе въ матеріалѣ, какъ увидимъ ниже, оттѣняется еще болѣе различіемъ техники и формъ. Грубая глина, очевидно, служила матеріа-

---

1) Lysias, 'Επιτάφιος τοῖς Κορινθίων Βοήθοις, § 4 (ed. C. Scheibe, Lip., 1852, p. 11): Ἀμαζόνες... μόναι μὲν ὡπλισμέναι σιδήρῳ...

2) J. de Morgan, Ibid., t. I, p. 10.

3) Въ Кобанскомъ могильникѣ, напр., этихъ металловъ почти вовсе не было найдено. Ср. R. Virchow, Ibid., ss. 99, 127.

4) Древ. Герод. Скиѳіи, вып. 1, Спб. 1872 г., стр. 11. G. Ossowski, Wielki Kurhan Ryżanowski według badań dokonanych w latach 1884 i 1887. Krakow. 1888, Str. 44.

5) Herod., Hist., I, 215 χρυσῷ δὲ καὶ χαλκῷ τὰ πάντα χρέωνται. Strab., XI, 8,6.

6) Ammian. Marcell., XXIII, 5, 16 и XXXI, 2, 12. Dio Cas. LXIX, 15 (ed. L. Dindorfii, Lip. 1864, IV, 160) говоритъ объ Ἀλβανοί, что они εἰσὶ δὲ Μασσαγέται. Быть можетъ, тутъ текстъ неисправенъ. Новѣйшіе изслѣдователи не отрицаютъ возможности этническаго родства Массагетовъ и Аланъ (W. Tomasckek, Ibid., ss. 46 u. 48), Аланъ и Осетиновъ (В. Миллеръ, Осет. этюды, М., 1887, вып. III, стр. 39—70. K. Mullenhoff, D. A., B. III, s. 103).

7) В. Миллеръ, Терская Обл., стр. 118. J. Klaproth, Reise in den Kaukasus und nach Georgien etc., Halle u. Berlin, 1814, Bd. III, s. 359.

ломъ для мѣстныхъ издѣлій, тогда какъ лучшая проникала сюда, повидимому, въ готовыхъ формахъ греческаго ремесла.

Слѣдовательно, различный составъ глины, какъ и разнообразіе остальныхъ матеріаловъ, указываетъ на двойственность карагодеуашхской культуры, слагавшейся изъ различныхъ, не слившихся между собою элементовъ.

2. Разновидности предметовъ древности, открытыхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ.

Если матеріалъ, изъ котораго сдѣланы карагодеуашхскія древности, отчасти уже обнаруживаетъ ихъ архаическій характеръ и разнообразіе, то анализъ ихъ разновидностей покажетъ намъ, въ какія формы выливалась эта древность; одежда, утварь и вооруженіе лицъ, погребенныхъ въ курганѣ, разумѣется, еще ближе матеріала ознакомятъ насъ съ ихъ бытомъ. Подобнаго рода знакомство возможно достигнуть путемъ изученія частью самихъ предметовъ древности, частью-же и изображеній, начертанныхъ на немногихъ изъ этихъ предметовъ.

Къ первому разряду данныхъ принадлежатъ нижеслѣдующія вещи (не считая нѣсколькихъ неполныхъ экземпляровъ и обломковъ, въ настоящемъ случаѣ мало пригодныхъ):

	Въ количество	
	Видовъ.	Экземпляровъ.
Пластинки	17	114
Предметы роскоши.	17	19
Сосуды	31	41
Принадлежности конской упряжи	3	12
Принадлежности колесницы (не считая петель) . .	4	15
Оружіе	6	205
Итого[1])	78	406

Ко второму разряду данныхъ относится въ сущности всего лишь одна треугольная пластина, но за то эта пластина произведеніе единственное въ своемъ родѣ; нижняя часть ея занята изображеніемъ трехъ женскихъ фигуръ и, повидимому, двухъ мужскихъ (Таб. III, № 1). Здѣсь впервые встрѣчаемся мы съ несомнѣнно реальнымъ изображеніемъ женскихъ типовъ и одеждъ, доселѣ почти вовсе неизвѣстныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, не считая маленькихъ и довольно незначительныхъ пластинокъ съ изображеніемъ женщины и стоящаго передъ нею ребенка, найденныхъ въ курганахъ Кульобскомъ и Чертомлыцкомъ, а, также женской фигуры на обломкѣ украшенія отъ колчана, случайно пріобрѣтеннаго Имп. Археологической Коммиссіей и пока неизданнаго, до сихъ поръ ничего подобнаго мы не знали. Пластину эту, если не по работѣ, то по бытовому значенію можно поставить на ряду съ знаменитымъ Кульобскимъ сосудомъ и Чертомлыцкою вазою съ изображеніями сценъ изъ скиѳскаго быта. Она, подобно означеннымъ фризамъ,

---

[1]) Настоящій итогъ не сходится съ предыдущимъ, приведеннымъ на стр. 12, такъ какъ здѣсь понятіе вида расширено и обломки нѣсколькихъ предметовъ оставлены безъ вниманія; эти обломки, большею частью, принадлежатъ къ предметамъ, вошедшимъ въ приводимое перечисленіе.

въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разъясняетъ намъ значеніе древностей, которыя безъ нея остались бы для насъ мало понятны, въ другихъ пополняетъ наши свѣдѣнія о бытѣ туземцевъ, слѣдовательно, даетъ намъ вообще болѣе или менѣе цѣльное представленіе о томъ, что безъ нея намъ извѣстно было бы лишь по частямъ.

Такимъ образомъ, данныя, на основаніи которыхъ возможно составить себѣ понятіе о нѣкоторыхъ изъ сторонъ туземнаго быта, довольно удачно пополняютъ другъ друга. Количественный анализъ этихъ данныхъ, сдѣланный выше, приводитъ насъ къ заключенію, что число разновидностей предметовъ, открытыхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ, обратно пропорціонально количеству ихъ экземпляровъ. Видовъ пластинокъ и оружія меньше, чѣмъ разновидностей сосудовъ, между тѣмъ какъ число экземпляровъ пластинокъ или оружія значительно превосходитъ численность сосудовъ, которыхъ оказывается почти столько-же, сколько и ихъ разновидностей. Такое соотношеніе, быть можетъ, указываетъ на то, что виды пластинокъ и оружія отличались большею устойчивостью, чѣмъ типы сосудовъ и что, слѣдовательно, украшеніе и вооруженіе для лица, погребеннаго въ курганѣ Карагодеуашхъ, было гораздо болѣе постоянною и опредѣленною потребностью, чѣмъ остальная его домашняя обстановка. Детальный обзоръ тѣхъ-же предметовъ, расклассифицированныхъ на группы по ихъ употребленію, дастъ намъ еще болѣе ясное представленіе объ особенностяхъ этого быта.

a) Одежда, ея украшенія и предметы роскоши.

Довольно отрывочныя показанія, какія мы имѣемъ объ одеждѣ лицъ, погребенныхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ, почерпаются частью изъ непосредственнаго знакомства съ самими предметами, частью изъ представленныхъ на бляхахъ изображеній.

1) Предметовъ древности, относящихся къ настоящему отдѣлу, въ гробницѣ найдено было не мало. Сообщаемъ точное перечисленіе этихъ предметовъ:

№№	Предметы.	Число экземпляровъ.	Измѣренія въ сантиметрахъ.			Матеріалъ [2]).	Проба.	Вѣсъ въ золотникахъ и доляхъ.	Нумерація г. Фелицына [3]).	Таблицы и №№, подъ которыми изображены предметы.
			Длина [1]).	Ширина.	Діаметръ.					
1	Пластина съ изображеніями пальметокъ и крылатыхъ коней	1	15—17	4,8—5	—	AV	69	4,35	10	VIII, 1 и 2

[1]) На длину и ширину отведено по двѣ графы, такъ какъ нѣкоторые изъ описываемыхъ предметовъ даютъ на верхнихъ и нижнихъ оконечностяхъ разныя измѣренія. При описаніи треугольныхъ пластинъ, высоты принимаются за длины, основанія за широты.

[2]) Для означенія золота употребляемъ знакъ AV, серебра — AR, мѣди — Æ, бронзы — AM, желѣза — F, глины — AL, стекла — V, лигнита — L, кости — O.

[3]) Въ этой графѣ (для большей точности) означены тѣ №№, которые выставлены были на предметахъ г. Фелицынымъ. Нумерація эта сохранилась, однако, не на всѣхъ предметахъ.

№№	Предметы.	Число экземпляровъ.	Измѣренія въ сантиметрахъ. Длина.	Ширина.	Діаметръ.	Матеріалъ.	Проба.	Вѣсъ въ золотникахъ и доляхъ.	Нумерація г. Фелицына.	Таблицы и №№, подъ которыми изображены предметы.
2	Дугообразная накладная пластинка . .	1	—	—	16,2	AV	—	2,22	16	VIII, 3
3	Пластинки съ изображеніями звѣрей и растеній	1	6,4	3,9	—	AV	—	4,6	4	VII, 9
4		1	6,4	3,9	—	AV	66¹/₆		5	
5		1	7,3	3,9	—	AV	67¹/₃		6	
6		1	6,3	3,9	—	AV	67¹/₂		7	
7	Трапецевидная пластинка съ изображеніемъ цвѣтка.	1	6,8	2—4,5	—	AV	44	0,84	8	VII, 1
8	Пластинка съ растительнымъ орнаментомъ.	1	—	—	3,1	AR	—	1,5	1	II, 1
9	Полуовальная гладкая пластинка	1	3	—	10	AV	(лигатура)	0,48	2	II, 2
10	Гладкая пластинка	1	17¹/₂	2	—	AV	—	2,12	3	Текстъ, рис. 4
11	Треугольная пластинка съ орнаментомъ.	1	3,6	2,9	—	AV	—	0,46	9	II, 3
12	Продолговатая пластинка со знакомъ . .	5	4,1 [[1]	1,7 [	—	AV	—	2,12 [2]	30	II, 4
13	Такія-же пластинки съ изображеніями розетки и человѣческой головы	17	3,8 [	1,6 [	—	AV	94²/₃	6,24	31	II, 5
14	Пластинки съ изображеніемъ человѣческой головы	13	—	—	1,4	AV	—	0,72	32	II, 6

[1]) Этимъ знакомъ нѣкоторая неправильность описываемыхъ предметовъ.

[2]) Въ томъ случаѣ, когда предметовъ одной и той-же разновидности нѣсколько, вѣсъ ихъ означенъ въ этой графѣ не каждаго въ отдѣльности, а всѣхъ вмѣстѣ.

№№	Предметы.	Число экземпляровъ.	Измѣренія въ сантиметрахъ. Длина.	Ширина.	Діаметръ.	Матеріалъ.	Проба.	Вѣсъ въ золотникахъ и доляхъ.	Нумерація г. Фелицына.	Таблицы и №№, подъ которыми изображены предметы.
15	Треугольная пластинка съ изображеніями людей и животныхъ	1	21	7	—	AV	92 1/6	4,21	24	III, 1
16	Пластинки въ видѣ розетки	15	—	—	1	AV	—	0,61	27	
17	Пластинки съ изображеніемъ головы медузы	17	—	—	1,4	AV	—	1,12	28	III, 2
18	Пластинки съ изображеніемъ головы горгоны	19	—	—	1	AV	—	0,72	29	III, 3
19	Пластинки въ видѣ птицы (голова влѣво).	12	—	—	1,6	AV	—	1,36	39	III, 4
20	Пластинки въ видѣ птицы (голова вправо)	4	—	—	1,4	AV	—	0,24	40	III, 5
21	Гривна со звѣринымъ орнаментомъ на конечностяхъ.	1	—	—	18,5	AV	—	106,48	25	II, 7
22	Серьги съ привѣсками	2	4,3	—	розетки: 1,1	AV	—	3,34	20	III,6 и 7;IV,10
23	Ожерелье изъ золотыхъ бусъ съ привѣсками	1	48,5	—	—	AV	94 1/3	34,74	19	IV, 1 и 2
24	Ожерелье плетеное съ привѣсками.	1	31,4	—	—	AV	—	3,84	21	IV, 3
25	Гривна полая съ геометрическимъ орнаментомъ на концахъ	1	—	—	19,6	AV	—	61,72	17	V, 1

№№	Предметы.	Число экземпляровъ.	Измѣренія въ сантиметрахъ. Длина.	Ширина.	Діаметръ.	Матеріалъ.	Проба.	Вѣсъ въ золотникахъ и доляхъ.	Нумерація г. Федицына.	Таблицы и №№, подъ которыми изображены предметы.
26	Ожерелье изъ цвѣтныхъ бусъ	1 (?)	50,5	—	—	*V*	—	—	45	
27	Браслеты витые со звѣринымъ орнаментомъ на конечностяхъ	2	54,8	—	—	*AV*	$94\frac{2}{3}$	29,24	15	III, 8 и 9
28	Перстень съ рѣзнымъ изображеніемъ женщины, играющей на лирѣ	1	—	—	2	*AV*	—	3,60	12	III, 10 и 11
29	Цѣпочка плетеная съ львиною головкою на одной изъ оконечностей	1	38,1	—	—	*AV*	—	5,48	18	IV, 4 и 5
30	Булавка	1	7	2	—	*O*	—	—	74	Текстъ, рис. 5
31	Медальонъ съ изображеніемъ льва [1]) . .	1	—	—	1,8 2,4	*L*	—	—	65	IV, 6
32	Медальонъ съ изображеніемъ Аѳины . .	1	—	—	2,2 2,9	*L*	—	—	65	IV, 7
33	Медальонъ съ изображеніемъ бородатой головы въ шлемѣ. . .	1	—	—	2,5 3,0	*L*	—	—	65	IV, 8
34	Медальонъ съ изображеніемъ воина. . .	1	—	—	1,7 2,4	*L*	—	—	45	IV, 9
35	Зеркало съ геометрическимъ орнаментомъ	1	—	—	16,5	*AM*	—	—	62	Текстъ, рис. 6
36	Зеркало съ геометрическимъ орнаментомъ.	1	—	—	16,5	*AM*	—	—	?	

[1]) Этотъ предметъ и слѣдующіе (№№ 33, 34 и 35) формы продолговатой, элипсоидной; вотъ почему въ четвертой графѣ означены два діаметра: продольный и поперечной.

Итакъ, на основаніи приведенной таблицы, можно насчитать свыше 30 видовъ принадлежностей одежды и ея украшеній, найденныхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ въ 132 экземплярахъ.

2) Изображенія одежды и украшеній встрѣчаются, какъ указано было выше, лишь на треугольной пластинѣ отъ колпака царицы (Табл. III, № 1); представленные здѣсь мужчины одѣты въ кафтаны и штаны, у женщинъ особаго рода головные уборы и длиннополыя верхнія одежды; послѣднія какъ мужскія, такъ и женскія снабжены украшеніями.

Пользуясь этими двумя разрядами источниковъ, попытаемся ближе ознакомиться съ одеждою мужчины и женщины, погребенныхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ.

I. Изъ только что перечисленныхъ предметовъ первый слѣдуетъ, вѣроятно, признать остаткомъ **мужского головного убора**; возможно, что и дугообразная накладная пластина (№ 2) принадлежитъ къ тому-же разряду предметовъ. Значеніе чеканной пластины съ изображеніемъ пальметокъ и крылатыхъ коней въ условномъ стилѣ, какъ кажется, разъяснится, если вспомнить подобнаго-же рода предметъ, найденный въ Кульобской гробницѣ[1]) (см. рис. 2). И тотъ и другой представляютъ изъ себя довольно широкую золотую пластину, нѣсколько скошенную къ концамъ; скрученная кольцеобразно, она, поэтому, пріобрѣтала не цилиндрическую форму, а скорѣе форму усѣченнаго конуса и, слѣдовательно, украшала собою поверхность такого-же рода, на что указываютъ, немногочисленныя впрочемъ, дырочки, сдѣланныя по краямъ. Правда, наша пластинка нѣсколько уже и легче Кульобской по вѣсу, но по длинѣ, діаметру кольца изъ нея образованнаго, его усѣченной формѣ и даже отдѣлкѣ обѣ пластины обнаруживаютъ между собою значительное сходство (см. рис. 1). Значеніе нашего предмета пока неясно; но употребленіе пластины Кульобской извѣстно: она служила украшеніемъ верхней части головнаго убора, въ родѣ персидской шапки, покрывавшей голову царя Кульобскаго[2]). Возможно предполагать поэтому, что и наше украшеніе служило для подобнаго-же рода цѣлей, тѣмъ болѣе, что на нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ, напр. персидскихъ монетахъ, голова царя покрывается уборомъ въ родѣ башлыка, съуживающаяся часть котораго дѣйствительно украшена, повидимому, кольцеобразною пластиною[3]), какъ и представлено на прилагаемомъ рисункѣ (см. рис. 3).

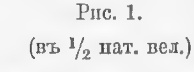

Рис. 1.
(въ $^1/_2$ нат. вел.)

Рис. 2.
(въ $^1/_2$ нат. вел.)

Кромѣ кольцеобразной пластины, головной уборъ царя Кульобскаго украшенъ былъ снизу узкой, длинной и дугообразной золотой пластинкой[4]); къ сожалѣнію мы не знаемъ, въ какомъ

[1]) Древн. Босф. Ким., т. I, стр. 16. Атласъ, Табл. II, № 1.

[2]) Древн. Босф. Ким., т. I, стр. XXIV.

[3]) Lévi, Beiträge zur Aramäischen Münzkunde Erans und zur Kunde der älteren Pehlewischrift въ Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, B. XXI, 1867, Taf. I, fig. 2. Голова коннаго воина, представленнаго на одномъ изъ рельефовъ Хорсабада, украшена колпакомъ, который недалеко отъ верхушки стянутъ довольно широкимъ кольцомъ; подобнымъ-же кольцомъ или лентою обведены и нижніе края убора. A. Demmin, Die Kriegswaffen etc., Gera-Untermhaus, 1891, s. 160.

[4]) Древн. Босф. Ким., Атласъ, Табл. II, № 2.

мѣстѣ гробницы найдена наша пластинка (Табл. VIII, № 3); судя по размѣрамъ и формѣ, она, быть можетъ, также украшала шапку лица, погребеннаго въ курганѣ Карагодеуашхъ.

Рис. 3.
(въ нат. вел.)

Трудно, конечно, по вышеприведеннымъ крайне неопредѣленнымъ даннымъ составить себѣ понятіе о головномъ уборѣ лица, покоившагося въ послѣдней камерѣ кургана Карагодеуашхъ, если такой уборъ въ дѣйствительности и покрывалъ голову усопшаго. Варвары, заселявшіе сѣверные и сѣверо-восточные берега Чернаго моря, носили, главнымъ образомъ, остроконечныя шапки и башлыки. Остроконечныя шапки найдены были въ разныхъ курганахъ, напр. въ одномъ изъ кургановъ Таманскихъ и Павловскомъ курганѣ[1]); такія-же предметы встрѣчаются на Керченскихъ терракоттахъ[2]), на медаляхъ, напр., извѣстной медали изъ электрума, сходной по изображенію лицевой стороны съ медалью Фанагора[3]); варвары, изображенные на фрескахъ открытой въ 1873 году Керченской катакомбы, носятъ нѣчто въ родѣ остроконечныхъ папахъ[4]), а головы воиновъ, представленныхъ на стѣнахъ другой гробницы, украшены коническими шлемами, которые извѣстны и по статуэткамъ и по одной изъ каменныхъ стэлъ, хранящихся въ Эрмитажѣ[5]). Коническія шапки попадались также на бронзовыхъ статуэткахъ, найденныхъ въ Казбекскомъ могильникѣ, прикрывали и головы Саковъ, изображенныхъ на персеполисскихъ рельефахъ[6]). Какъ видно, остроконечная шапка была въ большомъ употребленіи у племенъ, обитавшихъ вокругъ древней Пантикапеи. Не менѣе распространеннымъ былъ, однако, и башлыкъ; онъ былъ довольно простого покроя, поднимался остроконечною вершиною надъ головою вершка на четыре, снабженъ былъ наушниками и иногда подвязывался подъ подбородкомъ; къ задней части башлыка пришивался отдѣльный кусокъ кожи или войлока, прикрывавшій затылокъ и спускавшійся на спину. Такіе уборы изображены на рѣзномъ камнѣ, открытомъ въ одной изъ Анапскихъ гробницъ III в. до Р. Х., на статуэткахъ, найденныхъ въ насыпяхъ близъ станціи Сѣнной[7]), и на другихъ предметахъ древности[8]); почти сохранившіеся башлыки изъ верблюжьей шерсти удалось открыть въ Фанагорійскомъ городищѣ и въ курганѣ между Боровикомъ и Шимарданской бухтой[9]). Цари Кульобскій и, вѣроятно, Чертомлыцкій (не говоря о Скиѳахъ, изображенныхъ на Кульоб-

---

[1]) Отч. Археол. Ком. за 1859 г., стр. XIV. Отч. Археол. Ком. за 1876 г., Атласъ, Табл. II, № 1. Отч. Археол. Ком. за 1879 г. Атласъ, Табл. VI, № 2.

[2]) Отч. Археол. Ком. 1879 г., Атласъ, Табл. I, №№ 6, 7 и 8.

[3]) H. Köhler, Memoire sur quatre médailles du Bospore Cimmérien, SPt., 1808, p. XIII sq. Древн. Босф. Ким., т. I, стр. XLII.

[4]) Отч. Археол. Ком. за 1874 г., стр. 115.

[5]) В. Стасовъ, Описаніе Керченской катакомбы, открытой въ 1872 г., стр. 300. Табл. VI, IX, X, XVII, №№ 2 и 5. Варвары, представленные на Траяновой колоннѣ въ чешуйчатыхъ панцыряхъ, носятъ такіе-же шлемы. См. W. Fröhner, Colonne Trajane, 1872, Pl. XXXIII.

[6]) E. Chantre, Recherches etc., t. II, Atl., Pl. LVII, № 2; Pl. LX, № 2.

[7]) Отч. Археол. Ком. за 1882—1888 гг., стр. 60. Атласъ, Табл. V, рис. 1 и 1 а. К. Гёрцъ, Археол. разысканія, стр. 17.

[8]) Древн. Босф. Ким., Атласъ, Таб. XVII, № 9.

[9]) Отч. Археол. Ком. за 1859 г., стр. XIV. К. Гёрцъ, Топографія Таманскаго полуострова, стр. 287.

ской вазѣ) носили подобнаго рода башлыки[1]). Съ другой стороны среди кавказскихъ древностей изрѣдка попадаются аналогичные примѣры. Такъ напр., на обломкѣ (впрочемъ, едва-ли особенно древней) чаши, найденной на юго-восточномъ берегу Сухумской бухты, представлена мужская голова въ башлыкѣ, съуживающимся кверху и снабженномъ наушниками[2]). Извѣстія Иродота о существованіи подобнаго-же убора у восточныхъ Скиѳовъ — Саковъ, подъ наименованіемъ кирвасіи[3]), подтверждаются многими памятниками[4]). Обиліе приведенныхъ данныхъ показываетъ, что башлыкъ, какъ головной уборъ, былъ очень распространенъ среди варваровъ Черноморскаго побережья. Такъ какъ онъ при этомъ по устройству болѣе подходитъ къ вышеописаннымъ украшеніямъ изъ кургана Карагодеуашхъ, чѣмъ остроконечная шапка, и, какъ видно, употреблялся царями, погребенными въ Кульобскомъ и Чертомлыцкомъ курганахъ, то вѣроятнѣе предположить, что и голова лица, погребеннаго въ курганѣ Карагодеуашхъ, покрыта была такимъ-же башлыкомъ, нѣсколько сходнымъ съ соотвѣтствующими ему фригійскими[5]) и персидскими головными уборами[6]).

Мужская фигура въ правомъ углу треугольной пластины съ изображеніемъ людей и животныхъ (Табл. III, № 1) представлена, повидимому, также съ покрытою головой; но каковъ этотъ уборъ, нѣсколько сходный съ пареянскимъ круглымъ шлемомъ безъ забрала, по несовершенству рисунка, сказать трудно. Для насъ, однако, это изображеніе имѣетъ значеніе въ другомъ отношеніи: оно даетъ намъ понятіе о верхней одеждѣ варвара, прислуживающаго царицѣ. Одежда эта состоитъ изъ довольно длиннаго кафтана, нѣсколько съуженнаго въ тальѣ; рукава стеганные, узкіе, борты скошены и заложены одинъ на другой; полы кафтана короче на бокахъ и длиннѣе спереди, гдѣ онѣ спущены мыскомъ. Это платье, повидимому, не снабжено было крючками или пуговицами, а прямо сдерживалось у тальи довольно узкимъ поясомъ. Объ узкихъ штанахъ (анаксиридахъ) мужчины, изображеннаго на пластинѣ, мы не получаемъ точнаго представленія по несовершенству рисунка. Такимъ образомъ, верхнее платье нашего варвара почти во всѣхъ подробностяхъ обнаруживаетъ сходство съ такою-же одеждой Скиѳовъ, изображенныхъ на Кульобской и Чертомлыцкой вазахъ, да и на многихъ второстепенныхъ памятникахъ скиѳской древности[7]).

---

[1]) Древн. Босф. Ким., т. I, стр. XXIV и 16. Атласъ, Табл. II, №№ 1 и 2. Древн. Герод. Скиѳіи, вып. II, стр. 105.

[2]) Матеріалы по археологіи Кавказа, собранные экспедиціями Московскаго Археол. Общества, снаряженными на Высочайше дарованныя средства, вып. II, М., 1889 г.: В. Сизовъ, Восточное побережье Чернаго моря, стр. 22 и Табл. III, № 2.

[3]) Herod., VII, 64.

[4]) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія древности, вып. II, Спб., 1889 г., стр. 50 и 75. Rawlinson, History of the four great monarchies of the eastern world, Lond., 1862, vol. IV, p. 321. Ср. A. Demmin, Ibid., s. 162, № 6.

[5]) O. M. v. Stackelberg, Die Graeber der Hellenen, Berl., 1837, Taf. XI, № 1. A. Demmin, Ibid., ss. 195—196.

[6]) На вазахъ самъ Дарій иногда представляется въ башлыкѣ съ загнутымъ впередъ верхомъ. (Arch. Zeit., 1857, Taf. CIII).

[7]) Древн. Босф. Ким., Атласъ, Табл. XXXIII, №№ 1 и 2. Атласъ къ Отч. Археол. Ком. за 1864 г., Табл. III, № 1. Древн. Герод. Скиѳіи, Атласъ, вып. II, Табл. XXXIII, № 1. Отч. Археол. Ком. за 1882—1888 гг., Атласъ, Табл. V, рис. 1, 1 а.

Тѣмъ самымъ нашъ кафтанъ, такъ-же, какъ и скиѳскіе, вѣроятно сходные съ массагетскими[1]), нѣсколько напоминаетъ покрой персидскихъ кафтановъ.

На отворотахъ верхней части бортовъ и на лѣвой полѣ кафтана нашего варвара, такъ-же какъ и на поясѣ, виднѣются какія-то украшенія, изображенныя на кафтанѣ точками, на поясѣ— нарѣзками. Возможно, что и одежда лица, погребеннаго въ курганѣ, украшена была золотыми бляхами, найденными въ гробницѣ. Къ разряду этихъ бляхъ могли принадлежать пластины, перечисленныя въ вышеприведенной таблицѣ подъ нумерами: 8—15 (стр. 26—27); одна изъ нихъ (Табл. II, № 3) украшена точками, подобно вышеописанному кафтану царскаго слуги. Точнѣе опредѣлить назначеніе этихъ бляшекъ мы, къ сожалѣнію, не можемъ, за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній о ихъ мѣстонахожденіи. Обычай украшать себя золотомъ существовалъ у варваровъ, жившихъ на Кавказскомъ перешейкѣ, что извѣстно было намъ по замѣчанію, сдѣланному Страбономъ объ Аорсахъ[2]). Извѣстіе это, однако, слишкомъ неопредѣленно для того, чтобы пріурочивать его къ данному случаю. Какъ бы то ни было, дырочки, сдѣланныя во всѣхъ этихъ бляшкахъ по краямъ, явно указываютъ и на ихъ назначеніе, какъ украшеній, нашивавшихся на одежду, тѣмъ болѣе, что множество подобнаго рода примѣровъ можно подыскать въ области скиѳскихъ древностей; самихъ бляшекъ въ «скиѳскихъ» могилахъ и изображеній ихъ на одеждѣ варваровъ, представленныхъ на обломкѣ ритона изъ Кубанской области, а также на Кульобской и Чертомлыцкой вазахъ (опуская другіе, менѣе важные примѣры), въ настоящее время извѣстно не мало[3]). Впрочемъ, количество бляшекъ, найденныхъ въ такъ называемыхъ скиѳскихъ курганахъ, Кульобскомъ, Александропольскомъ и Чертомлыцкомъ, далеко превосходитъ число украшеній подобнаго-же рода, оказавшихся въ Карагодеуашхскомъ курганѣ. Такъ напр., тогда какъ при остовѣ царя Кульобскаго найдено было до 226 золотыхъ бляшекъ, при мужскомъ остовѣ, погребенномъ въ курганѣ Карагодеуашхскомъ, ихъ находилось всего 44[4]). Орнаментика этихъ брактей, какъ увидимъ ниже, за немногими исключеніями, также мало сходствуетъ съ украшеніями на бляшкахъ скиѳскихъ. Тотъ-же обычай носить разукрашенныя бляшками одежды (ἐσθῆτας χρυσοπάστας, καταστίκτας, ζῳδιώτας) существовалъ и на востокѣ. Массагеты, какъ извѣстно, украшали свои головные уборы и пояса золотомъ[5]), Персы, судя по древнимъ рельефамъ, изображающимъ преимущественно царскій бытъ, также не чуждались подобнаго рода украшеній. Обычай этотъ существовалъ, не только у Персовъ, но и у многихъ другихъ народностей, у Фригійцевъ, Ассиріянъ и даже у племенъ, обитавшихъ на Алтаѣ.

II. Принадлежности женской одежды, найденныя въ курганѣ Карагодеуашхъ, даютъ намъ возможность составить себѣ понятіе о головномъ покровѣ и верхнемъ платьѣ усопшей: головной уборъ представленъ треугольною пластиной и изображенъ на ней такъ-же, какъ и верхняя одежда, а украшенія передъ нами на лицо и помѣщены на прилагаемыхъ таблицахъ.

Головной уборъ царицы состоялъ, повидимому, изъ довольно высокаго клобука, который въ верхней своей части былъ нѣсколько загнутъ впередъ, плотно облегалъ голову и спускался до ушей

---

1) Herod., I, 215: Μασσαγέται δὲ ἐσθῆτα τε ὁμοίην τῇ Σκυθικῇ φορέουσι καὶ δίαιταν ἔχουσιν...

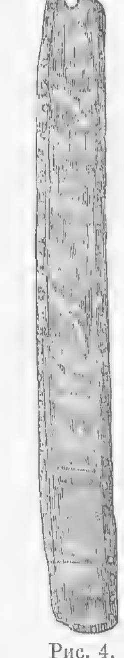
2) Strab., Geogr., XI, 5, 8: Ἐχρυσοφόρουν δὲ διὰ τὴν εὐπορίαν.

3) А. Лаппо-Данилевскій, Ibid., стр. 61—67. Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Ibid., вып. II, стр. 58.

4) Возможно, конечно, что часть ихъ затерялась; возможно также и то, что кое-какія изъ бляшекъ, которыя мы приписываемъ царевнѣ, принадлежали царю. Но и послѣднихъ немного: ихъ всего 67.

5) Herod., I, 215.

такъ, что передній нижній его край имѣлъ дугообразную форму. Лицевая сторона клобука украшена была продолговатой треугольною пластиной, которая лежала подлѣ черепа женскаго остова въ первой гробницѣ и снабжена была рядомъ дырочекъ по краямъ для того, чтобы нашивать ее на уборъ. Клобукъ, изображенный на самой пластинѣ, украшенъ такою-же бляхою (Таб. III, № 1). Поверхъ клобука царица носила легкую ткань, которая прямыми складками ниспадала на плечи; въ гробницѣ этой ткани, разумѣется, не сохранилось, но она, кажется, видна на клобукѣ сидящей женской фигуры, изображенной на извѣстной треугольной пластинѣ. Клобукъ царицы и покрывало, вѣроятно, украшены были золотыми бляхами съ изображеніями медузъ или горгонъ на каждой изъ нихъ и золотыми-же пластинками въ видѣ птицъ, лежавшими вокругъ женскаго черепа въ первой камерѣ нашей гробницы (Табл. III, №№ 2—5). Этотъ головной покровъ напоминаетъ намъ нѣсколько скиѳскіе женскіе колпаки и подобные-же уборы, найденные на Кавказѣ. Металлическіе остатки какого-то клобука покоились на головѣ царицы Кульобской; надъ черепомъ Чертомлыцкой царевны лежалъ рядъ бляшекъ, расположенныхъ въ видѣ треугольника съ закругленною вершиной; другіе ряды такихъ-же бляшекъ спускались къ плечамъ и доходили до кистей рукъ. Эти бляшки «очевидно представляли уборъ остроконечнаго скиѳскаго колпака или женскаго клобука съ длинными лентами»[1]). Онъ и по высотѣ своей (вершковъ 8 надъ черепомъ) приближается къ нашему убору (вершковъ 7). Предметы довольно сходные съ тѣмъ-же головнымъ покровомъ встрѣчались и въ древнихъ могилахъ Кавказа. На голову женскаго остова, найденнаго въ каменномъ ящикѣ подлѣ аула Дзивгиса (Зевгиса) въ урочищѣ Далекарте (въ Осетіи), надѣтъ былъ длинный остроконечный колпакъ изъ матеріи, обшитый надъ челомъ и затылкомъ толстой опушкой, изъ подъ которой на лицо свѣшивалось тонкое покрывало[2]). Женская голова, повидимому изображенная на обломкѣ плосковатой чаши (вѣроятно позднѣйшаго происхожденія), открытой на юго-восточномъ берегу Сухумской бухты, также покрыта чѣмъ-то въ родѣ клобука[3]). Болѣе отдаленное сходство представляютъ остатки головныхъ уборовъ, найденныхъ въ Кобанскомъ и смежныхъ съ нимъ могильникахъ. Въ этихъ могильникахъ подлѣ женскихъ череповъ постоянно находили вогнутые кружечки или трубочки изъ листовой бронзы, а у затылка спиральныя трубки изъ плоской, немного выгнутой къ центру, бронзовой проволоки; предметы эти украшали головной уборъ усопшихъ[4]). Что этотъ уборъ иногда бывалъ остроконечнымъ и довольно высокимъ, на это указываютъ любопытныя конусообразныя украшенія, найденныя въ могилахъ подлѣ нѣмецкой колоніи Николаевской Пятигорскаго округа; они, очевидно, вѣнчали собою

Рис. 4.
(въ $1/2$ нат. вел.)

---

[1]) Древн. Герод. Скиѳ., вып. II, стр. 104. Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, loc. laud. вып. II, стр. 110.

[2]) В. Антоновичъ, Дневникъ раскопокъ, веденныхъ на Кавказѣ осенью 1879 г., въ протоколахъ подготовительнаго комитета по V-му Археол. съѣзду въ Тифлисѣ, изд. подъ ред. И. Мансветова, М., 1879 г. стр. 245—252.

[3]) В. Сизовъ, Ibid., Табл. III, № 2.

[4]) E. Chantre, Recherches etc., t. II, pp. 23—35, 85. Каталогъ Собранія древностей гр. А. С. Уварова, М., 1887 г., №№ 208—209, стр. 45.

парчевыя шапочки, къ которымъ прикрѣплялись нижнимъ концомъ воронкообразной бляхи[1]). Всѣ эти аналогіи показываютъ намъ, что клобукъ, украшавшій голову царицы, далеко не единичный случай, что обычай носить подобнаго рода уборы въ древности былъ распространенъ довольно сильно среди женскаго туземнаго населенія Черноморскихъ степей, по крайней мѣрѣ въ высшихъ его слояхъ. Возможно даже, что такой уборъ служилъ знакомъ царскаго достоинства: женскія фигуры, изображенныя на нашей пластинѣ нѣсколько позади царицы, по правую и лѣвую сторону отъ нея, клобуковъ не имѣютъ; головы ихъ прикрыты чѣмъ-то въ родѣ покрывалъ или платковъ, которые полами своими свѣшиваются на плечи.

Верхняя одежда царицы, къ сожалѣнію, во всѣхъ подробностяхъ намъ неизвѣстна; изображеніе ея даетъ возможность судить лишь объ общемъ покроѣ платья. Это платье состояло изъ длинной и широкой одежды, похожей на накидку; надѣтая на плечи, она спускалась до низу и нѣсколько напоминала царскую порфиру. Края порфиры обшиты, повидимому, ремнемъ или какою-нибудь матеріей, къ которой прикрѣплены украшенія (бляхи), вѣроятно подобно тому, какъ это сдѣлано было и на верхнемъ платьѣ скелета, найденнаго въ каменномъ ящикѣ подлѣ аула Дзивгиса; воротъ этого платья, какъ извѣстно, также обшитъ былъ ремешкомъ съ насаженными на немъ металлическими пуговицами[2]). Кромѣ того, описываемая царская одежда снабжена и другими украшеніями, вѣроятно бляхами[3]), вдоль отворота, по краямъ и по полю. Подъ плащемъ-порфирой царица носила какое-то платье съ вырѣзкою на груди (такой-же выемъ, треугольный, виднѣется на груди прислужницы (?), стоящей вправо отъ царицы) и съ широкими рукавами, перехваченными у кистей рукъ; остальныя части, однако, скрыты отъ глазъ изслѣдователя порфирой, надѣтой поверхъ этого платья.

Рис. 5.
(въ нат. вел.)

Такимъ образомъ извѣстныя намъ принадлежности женской одежды, клобукъ и плащъ, изображенные на треугольной пластинѣ, быть можетъ, составляли атрибуты царскаго сана; предметовъ или изображеній, въ области скиѳской или кавказской древности, аналогичныхъ второй изъ этихъ принадлежностей, мы подыскать не можемъ; длиннополая одежда, накинутая на плечи женщины, изображенной на Кульобскихъ и Чертомлыцкихъ бляшкахъ[4]), едва-ли особенно напоминаетъ плащъ, описанный выше.

III. Кромѣ украшеній, нашивавшихся на одежду въ гробницѣ кургана Карагодеуашхъ, нѣсколько предметовъ роскоши на остовахъ или при нихъ дополняли погребальный уборъ усопшихъ. Большинство этихъ предметовъ, несомнѣнно греческой работы, принадлежитъ къ тому

---

[1]) Д. Самоквасовъ, Могильныя древности Пятигорскаго округа, въ Трудахъ V-го Археол. Съѣзда въ Тифлисѣ, М., 1887 г., стр. 44. Кабардинки и теперь еще носятъ высокія цилиндрическія шапки съ остроконечными украшеніями (E. Chantre, Ibid., t. IV, pp. 128—129, Pl. X).

[2]) Ср. прим. 2-ое на стр. 33.

[3]) Быть можетъ, сюда слѣдуетъ причислить 15 круглыхъ бляшекъ въ видѣ розетокъ съ 10-ю лучами. Мѣстонахожденіе ихъ намъ въ точности неизвѣстно.

[4]) Древн. Босф. Ким., Атласъ, Табл. XX, рис. 11. Древн. Герод. Скиѳіи, вып. II, стр. 104. Атласъ, вып. II, Табл. XXX, № 16.

періоду въ исторіи греческаго золотыхъ дѣлъ мастерства, когда обращали вниманіе не столько на стоимость матеріала, сколько на художественность техники, не украшали еще этого матеріала рѣдкими дорогими каменьями, но цѣнили въ его формахъ то могучее художественное творчество и законченность, какими отличалось греческое искусство цвѣтущаго періода.

На шеѣ мужского остова, погребеннаго въ курганѣ, оказался толстый золотой обручъ прекрасной работы (Таб. II, №№ 7—9). Нечего говорить намъ здѣсь о распространенности среди Черноморскихъ варваровъ самаго обычая носить подобнаго рода украшенія; ихъ находили во всѣхъ богатыхъ гробницахъ южной Россіи одной эпохи и, приблизительно, одного содержанія съ нашей[1]). По размѣрамъ и вѣсу обручъ изъ кургана Карагодеуашхъ (около 20 сант. въ діаметрѣ) напоминаетъ подобный-же извѣстный Кульобскій обручъ, съ изображеніями скачущихъ на коняхъ Скиѳовъ (около 22 сант. въ діаметрѣ и 108 зол. вѣсу)[2]). Впрочемъ, это украшеніе тяжеле многихъ другихъ издѣлій подобнаго рода; такъ, напримѣръ, золотое массивное, гладкое кольцо, найденное въ гробницѣ второго Семибратняго кургана, вѣсило всего 36 золотниковъ съ лишкомъ, т. е. менѣе Карагодеуашхскаго въ три раза. Нашъ обручъ гладкій, нѣсколько погнутый; оконечности его, однако, украшены восемью парами рельефныхъ колецъ, обнимающихъ наружную поверхность каждой изъ нихъ. Суженный въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его стягиваютъ эти кольца, прутъ какъ-бы вздувается въ промежуткахъ и образуетъ кривыя поверхности, которыя покрыты косыми нарѣзками. Самыя оконечности нашего обруча расширяются и сплющиваются; таже особенность встрѣчается нерѣдко на Кобанскихъ шейныхъ кольцахъ, состоящихъ изъ цилиндрической проволоки съ приплюснутыми и закрученными концами[3]). Художникъ, выдѣлывавшій Карагодеуашхское кольцо, воспользовался этимъ плоскимъ пространствомъ для того, чтобы заполнить его превосходнымъ рѣзнымъ изображеніемъ льва, пожирающаго вепря — художественный пріемъ, извѣстный намъ и по шейнымъ кольцамъ или браслетамъ, найденнымъ, напримѣръ, въ Кульобскомъ и Чертомлыцкомъ курганахъ, а также въ Амударьинскомъ кладѣ[4]). Другихъ украшеній, кромѣ гривны, на остовѣ царя, повидимому, не оказалось.

Рис. 6.
(въ $1/2$ нат. вел.)

Богаче, въ этомъ отношеніи, былъ украшенъ женскій остовъ, лежавшій въ первой камерѣ. У височныхъ частей черепа находились небольшія золотыя серьги, тонкой филигранной работы. Каждая изъ нихъ состоитъ изъ розетки съ крючкомъ, припаяннымъ къ ней сзади, и нѣсколько загнутыми впередъ, гранулированными краями. За ушко, расположенное у нижняго края розетки

---

[1]) Отч. Археол. Ком. за 1876 г., Спб. 1879 г., стр. 156, и Атласъ, Таб. IV, № 6.

[2]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. VIII, № 1.

[3]) E. Chantre, Ibid., t. II, Atlas, Pl. XIV, №№ 1—6 (premier âge du fer).

[4]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. VII, № 1. Древ. Герод. Скиѳіи, Атласъ, вып. II. Таб. XXXVII, №№ 2 и 4. Отч. Археол. Ком. за 1882—1888 г., стр. 78, и Атласъ, Таб. VII, № 11.

кольцомъ, прикрѣплена птичка; она снизу также снабжена колечкомъ, въ которое продѣтъ маленькій штифтикъ. Послѣдній проходитъ сквозь ушки, прикрѣпленныя къ центральной части плоскаго основанія ядерчатой (гранулированой) пирамидки, вершина которой окутана золотою нитью, а плоское четырехугольное основаніе украшено сверху маленькими пирамидками, изъ четырехъ зеренъ каждая; такихъ пирамидокъ стоитъ по три въ рядъ съ каждой стороны основанія. На нижнемъ краю розетки по обѣимъ сторонамъ ушка, къ которому прикрѣплена пирамидка, на колечкахъ висятъ когтеобразныя украшенія и двѣ цѣпочки съ сердцевидными привѣсками такъ, что оконечности ихъ находятся на одной линіи съ сфероидальною вершиною пирамидки (Таб. III, №№ 6—7 и Таб. IV, № 10). Вся эта сложная система колечекъ, цѣпочекъ и привѣсокъ, очевидно, предназначена была къ тому, чтобы придать возможно большую подвижность всему украшенію и такимъ образомъ увеличить его блескъ и разнообразіе. Наши серьги нѣсколько менѣе серегъ Кульобскихъ, которыя какъ извѣстно, вѣсили до 5,3 золотника. Розетки отъ серегъ, весьма схожія съ нашими, найдены были уже въ Кульобскомъ курганѣ [1]), а пирамидальныя привѣски, подобныя вышеописанной, встрѣчаются въ числѣ древностей, открытыхъ въ извѣстномъ могильникѣ Камынте [2]).

На шеѣ женскаго остова найдено было нѣсколько золотыхъ ожерелій и одна гривна-кольцо. Главнымъ изъ этихъ украшеній слѣдуетъ, конечно, признать роскошное ожерелье, составленное изъ чередующихся между собою розетокъ и бусъ, къ которымъ присоединены привѣски обычнаго типа репейковъ въ видѣ маленькихъ амфоръ (Таб. IV, №№ 1 и 2). Къ центральной бусѣ прикрѣплена головка быка хорошей работы; снизу виситъ обычный репейекъ. Аналогичные предметы уже извѣстны по болѣе раннимъ находкамъ: ожерелья, найденныя въ курганахъ Кульобскомъ, Ѳеодосійскихъ и въ одномъ изъ Таманскихъ, схожи съ нашимъ, хотя нѣкоторыя изъ ихъ принадлежностей, напримѣръ, плетеное основаніе и амфорообразные репейки, болѣе тонкой работы [3]). Такое-же сходство, впрочемъ болѣе отдаленное, обнаруживаетъ ожерелье, открытое въ курганѣ Рыжановскомъ; и оно состоитъ изъ пластинокъ съ выгнутыми боками, между которыми расположены розетки, имѣющія видъ какъ-бы совершенно сплюснутыхъ бусъ; эти розетки заполняютъ пустое пространство между вогнутыми противоположными боками сопредѣльныхъ между собою пластинокъ такъ, что края ожерелья вытягиваются въ сплошную кривую линію. Поэтому и амфорообразные репейки привѣшены къ нижнему краю ожерелья въ рядъ, по одной къ розеткамъ и по двѣ къ пластинкамъ. Рыжановское ожерелье снабжено, подобно нашему, пластинчатыми застежками, и, вообще, какъ видно, представляетъ типъ болѣе грубый, но тѣмъ не менѣе довольно близкій къ вышеописанному [4]) (см. рис. 7). Центральная привѣска нашего ожерелья, въ видѣ бычка — тоже не новость. Давно уже въ одномъ изъ кургановъ, близь

---

[1]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. VII, №№ 13, 15 и 16; Таб. XIIa, № 5, Таб. XIX, №№ 4—6.

[2]) E. Chantre, Ibid., t. III, pp. 92—93, Pl. XIV, №№ 1, 2, 3, 4 и 6. (Epoque Scytho-byzantine). Ср. Отч. Археол. Ком., за 1882—1888 г., стр. LXXXIX и CCLXXV.

[3]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. VI, № 2; Таб. XIIa, № 4. Отч. Археол. Ком., за 1865 г., Атласъ, Таб. II, № 3 и 4. Ожерелье, повидимому схожее съ Карагодеуашхскимъ, найдено было еще въ каменной гробницѣ имѣнія Чибечикъ подлѣ Керчи. Отч. Археол. Ком. за 1862 г., стр. XVI. Тоже за 1883 г., стр. XXXVIII.

[4]) G. Ossowski, Wielki kurhan Ryżanowski według badań dokonanych w latach 1884; 1887, Krak. 1888, Tab. III, № 9.

Керчи, найдено было «ожерелье изъ мелкихъ шариковъ, на которомъ висѣла маленькая золотая вазочка съ крышечкой—въ видѣ бычачьей головы»[1]). Акротеры царскаго ожерелья, служившіе застежками, встрѣчаются съ тѣмъ-же орнаментомъ, въ видѣ сканныхъ пальметокъ, и на многихъ другихъ предметахъ сходныхъ и даже несходныхъ съ нимъ по стилю[2]). Главная часть второго ожерелья — тесьма, сплетенная въ два ряда изъ золотыхъ нитей, и снабженная пластинчатыми застежками на оконечностяхъ; нижній край ожерелья обнизанъ маленькими сердцевидными привѣсками (Таб. IV, № 3). Предметъ этотъ вообще можно поставить на ряду съ украшеніемъ, найденнымъ въ одномъ изъ Таманскихъ кургановъ; плетеніе, подобное нашему, можно встрѣтить на ожерельяхъ изъ Керчи и Θеодосіи[3]). Къ числу ожерелій царскихъ, повидимому, слѣдуетъ причислить и золотую цѣпочку изъ тонкосплетенныхъ между собою золотыхъ нитей съ львиною головкою и колечкомъ на одной изъ ея оконечностей; другая, по всей вѣроятности, снабжена была такою-же головкой съ крючечкомъ (Таб. IV, №№ 4 и 5). Одно изъ Θеодосійскихъ плетеныхъ ожерелій заканчивалось львиными головками въ видѣ застежекъ; другое найдено было въ одной изъ могилъ г. Анапы въ 1881 г.; на оконечностяхъ его также оказались головки какого-то животнаго съ петелькою и крючкомъ[4]). Наконецъ, къ числу шейныхъ украшеній царицы принадлежало еще довольно толстое, въ одномъ мѣстѣ спаянное, кольцо изъ червоннаго золота; кольцо это лишено всякой орнаментаціи, за исключеніемъ развѣ двѣнадцати вырѣзанныхъ кружковъ, обнимающихъ каждую изъ его оконечностей и размѣщенныхъ группами по три въ каждой (Таб. V, № 1). Въ числѣ предметовъ, расположенныхъ въ заднемъ правомъ углу первой камеры, между прочимъ оказалось много бусъ отъ одного или нѣсколькихъ ожерелій. Бусы эти сдѣланы изъ пасты; большинство изъ нихъ цвѣтныя съ глазками, немногія въ видѣ головъ ассирійскаго типа. Такія бусы попадались въ Керченскихъ и скиθскихъ гробницахъ довольно поздняго происхожденія[5]), быть можетъ, еще чаще встрѣчались въ могильникахъ Кавказа, напримѣръ, въ Кобанскомъ, Дзивгизскомъ, Ладзскомъ, Беахни-купскомъ и Галіат-

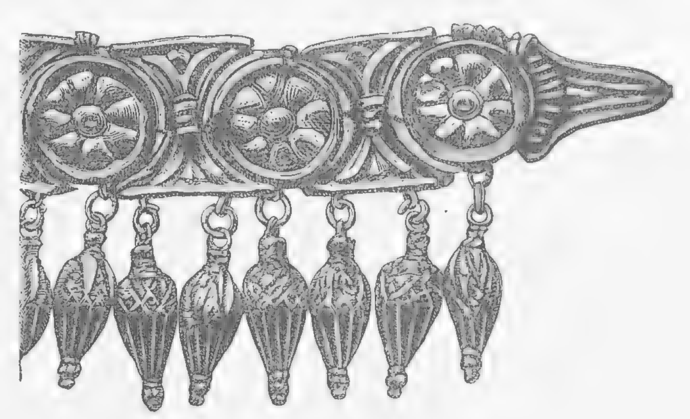

Рис. 7.
(въ нат. вел.)

---

[1]) А. Ашикъ, Ibid., ч. II, стр. 45—46 и ч. III, стр. 66 и рис. CLI.

[2]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. XXIII, № 7 и 9. Отч. Археол. Ком., за 1880 г., Атласъ, Таб. II, № 11. Тоже за 1882—1888 г., стр. 44, и Атласъ, Таб. II, № 16.

[3]) Отч. Археол. Ком., за 1859 г., стр. 11, и за 1865 г., Таб. II, № 5. F. Dubois de Montpéreux, Voyage, t. V, p. 148.

[4]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. XIIa, № 1. Отч. Археол. Ком., за 1882—1888 г., стр. 40, и Атласъ, Таб. II, № 10. Срав. тамъ-же, стр. 41 и Атласъ, Таб. II, № 11.

[5]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. LXXVII, №№ 17 и 18 (эти бусы имѣютъ видъ человѣческихъ головъ совершенно такого-же типа). Древ. Герод. Скиθіи, Атласъ, вып. I, Таб. XI, № 26; вып. II, Таб. XXVI, №№ 4 и 5.

скомъ[1]); нѣкоторыя изъ нихъ, какъ и наши, имѣютъ видъ человѣческихъ головъ того-же типа[2]). Пока еще трудно опредѣлить происхожденіе этихъ бусъ. Если подобнаго рода издѣлія съ одной стороны встрѣчаются въ западно-европейскихъ могильникахъ, то съ другой, ихъ не мало собрано и въ коллекціяхъ ассирійскихъ, а также египетскихъ древностей. Близость и родство Кавказа съ востокомъ сказывается во многомъ; возможно поэтому, что и эти бусы скорѣе восточнаго, чѣмъ западнаго происхожденія[3]). Вопросъ о томъ, какимъ образомъ эти бусы, извѣстныя намъ лишь по гробницамъ довольно-поздняго происхожденія римской эпохи, попали въ курганъ Карагодеуашхъ на ряду съ предметами древнѣйшими, пока еще рѣшить трудно. Иного греческаго происхожденія и иной работы лигнитовые медальоны, найденные въ той-же кучѣ; на одномъ изображенъ левъ, на другомъ воинъ, на третьемъ — Аѳина во весь ростъ, на четвертомъ голова бородатаго мужчины въ шлемѣ, къ сожалѣнію, крайне плохо сохранившаяся (Таб. IV, №№ 6—9). Снабженные пронизями, всѣ эти медальоны служили, вѣроятно, щитками для колецъ.

Кисти рукъ царицы украшены были золотыми браслетами, состоящими какъ-бы изъ двухъ, слегка вогнутыхъ и слитыхъ между собою, золотыхъ полосокъ; полоски раздѣлены другъ отъ друга и обрамлены зубчатыми каймами, а на оконечностяхъ украшены рѣзными изображеніями гиппокамповъ (Таб. III, № 8—9). Витые браслеты пока еще довольно рѣдко встрѣчались въ древнѣйшихъ воспорскихъ и скиѳскихъ могилахъ; украшенія такой-же формы найдены, напримѣръ, въ Керчи, Ѳеодосіи и на Тамани въ малой и большой близницахъ[4]). Наоборотъ, кавказскіе могильники, даже древнѣйшіе, какъ напр. Кобанскій[5]), содержали много предметовъ подобнаго рода[6]). Кобанскіе браслеты, однако, нѣсколько длиннѣе нашихъ и представляютъ, поэтому, большее количество заворотовъ; послѣдніе иногда сростаются вмѣстѣ такъ, что браслетъ представляетъ цилиндрическую сплошную поверхность какъ-бы сплавленныхъ между собою полосъ[7]). Завитки, какими снабжены оконечности подобнаго рода украшеній, находимыхъ на Кавказѣ, въ нашихъ браслетахъ замѣнены изображеніями гиппокамповъ; но эти мелкія отличія

---

[1]) E. Chantre, Ibid., t. II, pp. 80—81; t. III, Pl. XVIII, pass. В. Миллеръ, Терская область, въ Матеріалахъ и проч., изд. Москов. Археол. Общ., вып. I, стр. 54. Таб. XII, 1. Отч. Археол. Ком. за 1882—1888 г., стр. CCXXXIX и CCLII.

[2]) E. Chantre (Ibid., t. II, p. 143) сообщаетъ, что Ф. Байернъ нашелъ въ Казбекскомъ могильникѣ «des cylindres à masques de couleur bleu verdâtre ou vert marin clair». См. также t. III, Pl. XXIV, № 14 (Nécropole de Kasbek).

[3]) E. Chantre, Ibid., t. II, p. 81.

[4]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. XIIa, №№ 6 и 7; Таб. XIV, №№ 1 и 6. Отч. Археол. Ком. за 1882 г., стр. XVIII. Тоже за 1882—1888 г., стр. XXXVIII и стр. 78, Атласъ, Таб. VII, № 10.

[5]) Впрочемъ, вопросъ о возрастѣ Кобанскаго могильника доселѣ остается открытымъ. Гг. Филимоновъ, Шантръ и Вирховъ относятъ его чуть-ли не къ X-му в. до Р. Хр., тогда какъ гг. Тишлеръ и Морганъ считаютъ его гораздо болѣе поздняго происхожденія.

[6]) E. Chantre, Ibid., t. II, Atlas, Pl. XVII, №№ 1 et 2; Pl. XVIII, № 1. На рукѣ у одного изъ остововъ, отрытыхъ въ Акхтала (Akhtala въ Закавказьѣ), найдено до 23 бронзовыхъ браслетовъ (J. de Morgan, Mission, etc., t. I, p. 113). Подобныхъ-же, хотя и менѣе характерныхъ случаевъ, можно подыскать не мало въ той-же области.

[7]) E. Chantre, Ibid., t. II, Atlas, Pl. XV, № 11. (Koban).

не мѣшаютъ намъ въ общемъ признать довольно значительное сходство между формами нашихъ браслетовъ и кавказскихъ издѣлій подобнаго рода[1]).

Золотой перстень съ рѣзнымъ изображеніемъ (вглубь) женщины, играющей на лирѣ, высокой работы, извѣстной по многимъ предметамъ, найденнымъ въ предѣлахъ древняго Воспорскаго царства (Таб. III, № 10—11), два бронзовыя зеркала (рис. 6 на стр. 35), подобныя тѣмъ, какія такъ часто находили въ главнѣйшихъ могилахъ южной Россіи, лишенныя впрочемъ позолоты, украшавшей нѣкоторые изъ Керченскихъ предметовъ этого рода[2]) и, наконецъ, костяная булавка грубой работы (рис. 5 на стр. 34), не представляющая, однако, сходства съ тѣми, которыя во множествѣ встрѣчались въ кавказскихъ могилахъ, дополняли богатый уборъ женщины, лежавшей въ первой камерѣ кургана Карагодеуашхъ.

Всѣ эти украшенія отъ головныхъ уборовъ и одеждъ, а также предметы роскоши свидѣтельствуютъ о богатствѣ лицъ, погребенныхъ въ могилѣ, подлѣ станицы Крымской. Царь и царица, жившіе въ непосредственной близости къ главному очагу греческой цивилизаціи на берегахъ Чернаго моря, разумѣется, легче степныхъ варваровъ Приднѣпровья могли добывать себѣ предметы роскоши греческой работы. Въ этомъ отношеніи наша гробница, хотя и уступаетъ знаменитой Кульобской, но все-же ближе стоитъ къ послѣдней, чѣмъ къ другимъ доселѣ извѣстнымъ курганамъ Скиѳо-Сарматской эпохи.

b) Утварь.

Свѣдѣнія наши о предметахъ утвари, найденныхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ, почерпаются изъ двоякаго рода источниковъ: съ одной стороны сами предметы имѣются у насъ подъ руками; съ другой, нѣкоторые изъ нихъ изображены на извѣстной треугольной пластинѣ.

1) Къ первому разряду данныхъ относится значительное количество вещей, оказавшихся въ гробницѣ. Вотъ ихъ перечисленіе[3]):

№№	Предметы.	Число экземпляровъ.	Измѣренія въ сантиметрахъ.			Матеріалъ.	Вѣсъ въ золотникахъ и доляхъ.	Нумерація г. Фелицына.	Таблицы и №№, подъ которыми изображены рисунки.
			Длина или глубина.	Окружность.	Діаметръ.				
1	Плоское блюдечко съ ручками	1 [	—	—	4,5 13	Æ	51,6	60	

[1]) R. Virchow (Das Gräberfeld von Koban, ss. 40—42) указываетъ на распространенность подобнаго рода браслетовъ въ Венгріи, частью Германіи. Они попадаются на сѣверѣ Россіи и въ Италіи (S. Reinach, Antiquités du Bosphore Cimmérien, Par. 1892, Texte, Pl. XIV, №№ 1 et 6); менѣе древнія формы (съ арабскимъ орнаментомъ) встрѣчаются и въ Скандинавіи.

[2]) Отч. Археол. Ком. за 1859 г., стр. IX, X, XIV. Въ кавказскихъ могильникахъ бронзовыя зеркала встрѣчаются также довольно часто (Ср. В. Миллеръ, Ibid., стр. 53, 56; Таб. XI, №№ 2, 3, 4. E. Chantre, Ibid., t. III, Pl. VII, VIII et XIX, Kammunta). Эти зеркала, однако, меньшихъ размѣровъ, чѣмъ наши.

[3]) Довольно искусственное расположеніе перечисляемыхъ предметовъ объясняется тѣмъ, что мы почти вовсе ничего не знаемъ о точномъ мѣстонахожденіи большинства изъ нихъ въ гробницѣ.

№№	Предметы.	Число экземпляровъ.	Измѣренія въ сантиметрахъ. Длина или глубина.	Окружность.	Діаметръ.	Матеріалъ.	Вѣсъ въ золотникахъ и доляхъ.	Нумерація г. Фелицына.	Таблицы и №№, подъ которыми изображены рисунки.
2	Верхній край и дно чашки (съ ручками)	1	—	—	11,1	AR	41,72	69	
3	Чашка о двухъ ручкахъ	1	3,6	—	10,5	AR	41,33	61	Текстъ, рис. 12
4	Чашка безъ ручекъ и дна	1	$1\frac{1}{2}$—$1\frac{1}{3}$	—	10,2	AR	95,66	59	Текстъ, рис. 8
5	Нижняя часть сосуда	1	—	—	4 5,9	AR	8,12	72	
6	Обломки сосуда	1	—	—	21,5	AR	63,48	66	
7	Ложка съ ручкой въ видѣ лебединой головки	1	34	—	6,2	AR	26,90	55	VI, 2
8	Ритонъ съ изображеніями всадниковъ и птицъ	1 [	61,1	—	14,7	AR	145,72	?	
9	Ритонъ съ животнымъ орнаментомъ	1 [	20	—	10	AR-AV	36,55	?	
10	Ритонъ съ пальметками	1	29,2	—	10	AR	49,72	53	Текстъ, рис. 11
11	Сосудъ съ шаровиднымъ туловищемъ и широкимъ горлышкомъ	1 [	5	—	10,7	AR-AV	49, 6	57	V, 2
12	Сосудъ съ шаровиднымъ туловищемъ и широкимъ горлышкомъ	1	8	—	у отверст. 5,6	AR	26,78	?	Текстъ, рис. 10
13	Ситечко съ ручкой въ видѣ лебединой головки	1	(ручка) 6,7	—	9,9	AR	18,00	56	VI, 3
14	Обломки сосуда	1	—	—	—	Æ	—	97	
15	Обломки сосуда	1	—	—	—	Æ	—	68	
16	Верхній ободокъ и обломки большого сосуда съ отложными краями	1	—	—	—	Æ	—	95	
17	Массивный ободокъ (нижній) отъ сосуда	1	—	—	2,3	Æ	—	96	
18	Массивный ободокъ (нижній) отъ сосуда	1	—	—	2,5	Æ	—	96	

№№	Предметы.	Число экземпляровъ.	Измѣренія въ сантиметрахъ. Длина или глубина.	Окружность.	Діаметръ.	Матеріалъ.	Вѣсъ въ золотникахъ и доляхъ.	Нумерація г. Фелицына.	Таблицы и №№, подъ которыми изображены рисунки.
19	Верхняя часть котелка съ двойными ушками.	1	—	—	4,25	Æ	—	93	
20	Верхняя часть котелка съ дужкою въ одной изъ паръ двойныхъ ушковъ.	1	—	—	4,63	Æ	—	94	Текстъ, рис. 13
21	Верхній ободокъ отъ сосуда	1	—	—	4,75	Æ	—	102	
22	Ваза съ ручкой.	1	44,3	111,5	—	Æ	—	121	Текстъ, рис. 14
23	Ваза съ ручкой	1	25,6	69	—	Æ	—	125	Текстъ, рис. 15
24	Плоское блюдо съ приподнятыми краями, въ обломкахъ	1	—	—	7,13	AL	—	105	
25	Плоское блюдо на подножкѣ	1	—	—	3,67	AL	—	63	Текстъ, рис. 17
26	Обломки патеры	1	—	—	—	AL	—	?	
27	Обломки сосуда въ видѣ патеры.	1	—	25,25	—	AL	—	113	Ср. текстъ, рис. 18 (27–28)
28	Обломки сосуда въ видѣ патеры.	1 (?)	—	—	—	AL	—	?	
29	Обломки вазы.	1	—	—	—	AL	—	104	
30	Горло и обломки отъ амфоры.	1	—	—	—	AL	—	123	
31	Горло и обломки отъ амфоры.	1	—	—	—	AL	—	115	
32	Амфора.	1	44	71,5	—	AL	—	126	
33	Амфора.	1	66	108,4	—	AL	—	124	
34	Чашечка на подножкѣ . . .	1	3,5	23	6	AL	—	50	Текстъ, рис. 19
35	Вазочка съ узкимъ горлышкомъ объ одной ручкѣ, на подножкѣ	1	—	25,8	—	AL	—	49	Текстъ, рис. 20

№№	Предметы.	Число экземпляровъ.	Измѣренія въ сантиметрахъ.			Матеріалъ.	Вѣсъ въ золотникахъ и доляхъ.	Нумерація г. Фелицына.	Таблицы и №№, подъ которыми изображены рисунки.
			Длина или глубина.	Окружность.	Діаметръ.				
36	Вазочка съ узкимъ горлышкомъ о двухъ ручкахъ, на подножкѣ.	1	9,8	23,3	—	A⌋	—	86	Текстъ, рис. 21
37	Лампа, со слѣдами ручки, на подножкѣ	1	3,5	18,8	—	A⌋	—	48	Текстъ, рис. 22
38	Лампа съ ручкой, безъ подножки	1	6	ок. 22	—	A⌋	—	87	Текстъ, рис. 23
39	Алавастръ.	1	6,25	3,75	—	Lp	—	46—47	
40	Чеканная женская головка въ рельефѣ.	1	—	—	3,2	Æ̶R (AR)	0,78	79	III, 12
41	Трубочка съ расширенными оконечностями	1	—	—	1,50 1,85	O	—	47	Текстъ, рис. 24
42	Крышка отъ сосуда (?) быть можетъ леканы.	1	—	—	—	AR-AV	—	66	VI, 4
43	Ободокъ съ крышечкой. . .	1	—	—	1,6	Æ	28,33	?	
44	Ручка отъ сосуда	1	—	—	5,1	AR	7,66	73	
45	Ножка отъ сосуда.	1	высота 7	—	3,6 6,2	AR	15,30	70	Ср. текстъ, рис. 12
46	Подножка отъ сосуда. . . .	1	—	—	2,6 3,6	AR	2,42	?	
47	Оконечность ритона	1	длина 8,9	—	—	AV	2,21	41	VI, 1
48	Дужка отъ котелка	1	—	—	—	F	—	?	
49	Воронка отъ уздечки	1	—	—	—	F	—	?	
50	Пуговки (въ видѣ ведерца) отъ уздечки (?).	3	—	—	—	Æ	—	88	Текстъ, рис. 26—27
51	Пряжка отъ ремня.	1	6,2	—	4	Æ	—	?	Текстъ, рис. 28
52	Бляхи отъ уздечки.	8	—	—	—	Æ	—	88	
53	Гвозди отъ колесницы . . .	13	—	—	—	F	—	110	
54	Петли отъ колесницы. . . .	?	—	—	—	F	—	110	
55	Обоймище колеса.	1	—	—	9	F	—	109	
56	Обломки отъ колесницы (дышла ?).	1	—	—	—	F	—	99 (?)	

Такимъ образомъ, на лицо оказывается свыше 50 предметовъ и обломковъ утвари.

2) Ко второму разряду нашихъ свѣдѣній объ утвари лицъ, погребенныхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ, относятся изображенія двухъ сосудовъ на извѣстной треугольной пластинѣ: вазы съ шаровиднымъ туловищемъ и широкой шейкой, а также ритона. Изображенія эти не сообщаютъ намъ ничего новаго; они показываютъ только, какого рода сосуды находились въ употребленіи у царицы Карагодеуашхской.

Предметы утвари, извѣстные намъ по этимъ двумъ разрядамъ источниковъ, можно разбить на три группы. Одни изъ нихъ удовлетворяли потребностямъ царскаго стола, другіе служили для разнообразныхъ цѣлей домашняго обихода, третьи, наконецъ, составляли принадлежность конской упряжи и царской колесницы. Перейдемъ къ разсмотрѣнію важнѣйшихъ предметовъ каждой изъ этихъ группъ.

Первая группа, наиболѣе многочисленная, состоитъ изъ сосудовъ серебряныхъ, мѣдныхъ и глиняныхъ.

Изъ серебряныхъ сосудовъ, предназначенныхъ для пищи и питья, три типа обращаютъ на себя наше вниманіе: чашки, сосуды съ шаровиднымъ туловищемъ и ритоны. Чашки (№ 4) нѣсколько напоминаютъ наши современныя, но лишены подножекъ и ручекъ, снабжены полушарообразнымъ донышкомъ и сильнѣе расширяются къ верху. Грубая отдѣлка этихъ сосудовъ и отсутствіе какихъ-бы то ни было украшеній на поляхъ, быть можетъ, указываетъ на ихъ мѣстное происхожденіе (рис. 8). Форма ихъ, по всей вѣроятности, туземная, довольно близко подходитъ къ внѣшнимъ очертаніямъ тисненной глиняной чашки, найденной въ курганѣ на берегу Таманскаго залива, около древней Фанагоріи, впрочемъ довольно поздняго происхожденія (рис. 9), и золотой чаши изъ Закавказья, тоже едва-ли особенно древней работы [1]); наконецъ, сходные типы попадаются и въ числѣ Кобанскихъ издѣлій [2]). Всѣ эти разновидности напоминаютъ сосудъ, извѣстный древнимъ подъ наименованіемъ κύμβη, κύμβιον. Гораздо болѣе распространеннымъ типомъ можно считать второй изъ вышеуказанныхъ. Шарообразное туловище этихъ сосудовъ снабжено короткою и широкою шейкой, а объемъ едва-ли особенно превышаетъ вмѣстимость обыкновеннаго стакана. Одинъ изъ этихъ сосудовъ, болѣе сплюснутый, украшенъ по внѣшнему полю накладнымъ зо-

Рис. 8.
(въ $1/2$ нат. вел.)

Рис. 9.
(въ $1/2$ нат. вел.)

---

[1]) Отч. Археол. Ком. за 1876 г., стр. 184; гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія Древности, вып. III. Спб. 1890, стр. 105.

[2]) E. Chantre, Ibid., t. II, Pl. XXXII, №№ 1, 3.

лотомъ; вообще работа, судя по ея достоинствамъ, вѣроятно, греческая (Таб. V, №№ 2 и 3). Иного, быть можетъ, туземнаго происхожденія, другой сосудъ грубой отдѣлки, лишенный всякихъ украшеній. Онъ извѣстенъ намъ по сохранившемуся почти цѣльному экземпляру (рис. 10); такой-же предметъ держитъ въ правой рукѣ варваръ, изображенный на треугольной пластинѣ вправо отъ царицы (Таб. III, № 1). Сосуды этихъ размѣровъ и формъ уже ранѣе встрѣчались довольно часто. Такъ, напримѣръ, въ Фанагорійскомъ городищѣ, какъ извѣстно, разысканы были, повидимому, древніе глиняные сосуды, грубо отдѣланные въ такія-же формы, какъ и наша καλπίς. Извѣстная электровая ваза съ изображеніемъ варваровъ изъ Кульобской гробницы, а также нѣкоторыя изъ серебряныхъ вазочекъ, найденныхъ тамъ-же и покрытыхъ животнымъ орнаментомъ, внѣшнимъ видомъ своимъ сильно напоминаютъ нашъ сосудъ туземнаго происхожденія, хотя послѣдній и не украшенъ по внѣшнему полю какими-бы то ни было изображеніями[1]). Въ числѣ тѣхъ-же Кульобскихъ предметовъ древности найдены между прочимъ бляшки, на которыхъ представленъ варваръ съ подобнымъ-же сосудомъ въ правой рукѣ[2]); наконецъ, и Рыжановскую серебряную вазу можно причислить къ тому-же разряду предметовъ утвари[3]). Не менѣе извѣстны другія разновидности означенной группы. Сюда принадлежатъ: ритоны, весьма замѣчательные

Рис. 10.
(въ $^2/_3$ нат. вел.)

Рис. 11.
(въ $^1/_2$ нат. вел.)

по прекрасно-выполненной орнаментальной работѣ съ изображеніями на одномъ изъ нихъ львовъ, пожирающихъ оленей, на другомъ, къ сожалѣнію, сильно поврежденныхъ человѣческихъ фигуръ верхами, съ фризомъ изъ птицъ, на третьемъ пальметокъ (рис. 11), далѣе киликсъ

[1]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. XXXIII, № 12; XXXIV, №№ 1 и 3; XXXV, №№ 1, 3 и 5. Отч. Арх. Ком. за 1859 г., стр. XIV.
[2]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. XXXII, № 1.
[3]) G. Ossowski, Ibid., Tab. IV, № 1.

(рис. 12), ложка (κύαθος) и винное ситечко съ ручками въ видѣ лебединыхъ головокъ, типъ которыхъ извѣстенъ по многимъ находкамъ, ранѣе сдѣланнымъ въ гробницахъ южной Россіи[1]). Возможно, что всѣ эти предметы, довольно сходные съ утварью скиѳо-сарматскихъ могилъ, служили для непосредственнаго царскаго употребленія; по крайней мѣрѣ на треугольной пластинѣ (Таб. III, № 1) въ рукахъ царицы видимъ мы ритонъ, нижнюю оконечность котораго поддерживаетъ слуга; другой подноситъ ей сосудъ съ шарообразнымъ туловищемъ, весьма похожій на оригинальный экземпляръ, добытый изъ гробницы (рис. 10).

Рис. 12.
(въ $1/2$ нат. вел.)

Большая часть мѣдныхъ сосудовъ, составлявшихъ часть царской столовой утвари, къ сожалѣнію, дошла до насъ въ обломкахъ. Можно думать, что нѣкоторые изъ нихъ были довольно значительныхъ размѣровъ (№ 16), по формѣ, вѣроятно, напоминали скиѳскіе котлы или вазы на подножкахъ, хотя и лишены были этихъ послѣднихъ; по крайней мѣрѣ какихъ либо признаковъ подобнаго рода приспособленій въ гробницѣ не оказалось. Другіе, насколько можно судить по сохранившимся ободкамъ, были меньшихъ размѣровъ и вѣроятно имѣли форму котелковъ, иногда снабженныхъ парою заходившихъ въ двойныя ушки дужекъ. Такихъ «хитръ», какъ кажется, еще не попадалось въ скиѳо-сарматскихъ могилахъ. Судя по ободкамъ и дужкамъ, они напоминаютъ римскія ведерца, извѣстныя подъ наименованіемъ: situlus, situla, sitella или ahenum (aenum) (рис. 13). Наконецъ, третьяго рода сосуды — большія вазы, съ довольно выгнутыми боками, перехватомъ у широкой шейки и отложными краями, къ которымъ прикрѣплены были лентообразныя ручки съ маленькими трехгранными гребнями у верхушки, предназначенными для того, чтобы легче было

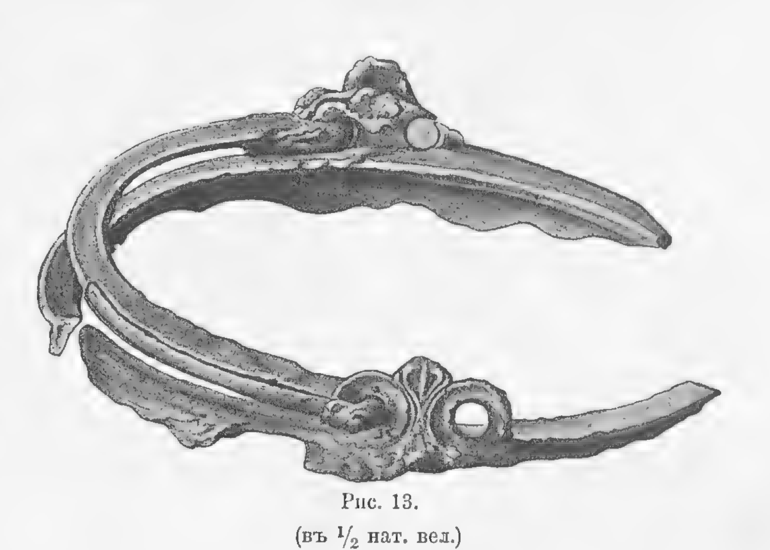

Рис. 13.
(въ $1/2$ нат. вел.)

---

[1]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. XXX, №№ 1 и 2; Таб. XXXI, № 5; Таб. XLIV, № 9. Древ. Герод. Скиѳіи, Атласъ, вып. I, Таб. VI, № 2.

браться за нихъ (рис. 14 и 15). Трудно сказать, какого происхожденія эти сосуды, тщательно отдѣланные; правда, они близко подходятъ къ греческимъ гидріямъ, но лишены боковыхъ ручекъ, которыми обыкновенно снабжены такія гидріи и сильно напоминаютъ глиняные горшки изъ Самтаврскаго могильника, по внѣшнему виду весьма сходные съ нашими (рис. 16)[1]). Возможно, что вся эта мѣдная утварь служила не столько для непосредственнаго царскаго употребленія, сколько для приготовленія или храненія пищи и питья лицъ, погребенныхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ.

Глиняные сосуды, кромѣ вазы въ обломкахъ съ чернымъ лакомъ (вѣроятно греческаго издѣлія), можно разбить на три группы. Къ первой принадлежатъ двѣ тарелки: одна плоскодонная съ загнутыми къ верху краями; другая нѣсколько вогнутая, на подножкѣ. Первая лишена всякихъ украшеній, вторая украшена въ центрѣ переплетающимся растительнымъ орнаментомъ, вокругъ котораго параллельно окружности сосуда идетъ двойной рядъ нарѣзокъ или черточекъ (рис. 17). Оба сосуда покрыты черною поливой и, вѣроятно, греческой работы. Вторая изъ намѣченныхъ выше категорій предметовъ въ бытовомъ отношеніи гораздо любопытнѣе. Сюда принадлежитъ не менѣе трехъ мисокъ. Грубая, черноватая и дурно просѣянная глина этихъ издѣлій плохо обожжена; хотя онѣ и сдѣланы, повидимому, съ помощью гончарнаго станка, но отличаются тяжелыми аляповатыми формами, напоминающими разложистые горшки, нѣчто среднее между патерами и леканами. Покрытыя какою-то черной поливой, но лишенныя какихъ-бы то ни было другихъ украшеній, насколько возможно судить объ этомъ по сохранившимся обломкамъ, миски эти напоминаютъ гончарныя издѣлія, найденныя въ могилахъ (f и k) Гермесовыхъ кургановъ и въ долгой могилѣ (d) при Гермесовомъ курганѣ[2]), а также не мало сходнаго имѣютъ въ этомъ отношеніи съ кавказскими горшками[3]). Послѣдніе, подобно нашимъ, нерѣдко бываютъ покрыты черною поливою, которую слѣдуетъ считать, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, окисью марганца, весьма распространеннаго на Кавказѣ; этимъ веществомъ, разведеннымъ на водѣ, покрывались стѣнки

Рис. 14.
(въ 1/3 нат. вел.)

---

[1]) В. Сизовъ, Ibid., стр. 128, рис. 46. F. Dubois de Montpéreux, Voyage, t. V, p. 159. В. Вырубовъ, Предметы древности etc., Табл. VIII, №№ 6 и 9; Ср. рис. 16. Тѣже изображенія перепечатаны въ Friedrich Bayern's Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde im Kaukasus, herausg. von R. Virchow, Berl. 1885, Taf. XIII, №№ 8 u. 11. Впрочемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что сосуды Самтаврскіе сдѣланы изъ глины, нѣсколько меньше Карагодеуашхскихъ и отличаются болѣе грубыми формами.

[2]) Древн. Герод. Скиѳіи, вып. II, стр. 34, 35, 39 и др.

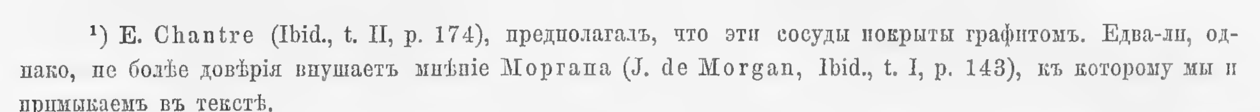
[3]) Часть кобанскихъ гончарныхъ издѣлій сдѣлана, какъ извѣстно, съ помощью гончарнаго станка. См. E. Chantre, Ibid., t. II, p. 92.

сосуда до обжиганія[1]), затѣмъ, вѣроятно, обсушивались и тогда только подвергались дѣйствію огня[2]). По формѣ своей наши сосуды также довольно близко подходятъ къ найденнымъ, напримѣръ, въ Раевскомъ городищѣ и въ могильникахъ Самтавро или Шейтанъ Тага[3]), хотя эти послѣдніе вмѣстимостью больше Карагодеуашхскихъ (рис. 18). И тѣ и другіе вѣроятно употреблялись для ѣды, какъ это можно видѣть по находкамъ, сдѣланнымъ въ могильникѣ «Рѣдкинъ лагерь»; здѣсь въ могилахъ при костякахъ найдено было много разложистыхъ горшковъ съ яствами[4]). Наконецъ, къ третьей категоріи глиняныхъ сосудовъ принадлежатъ амфоры. Минимальное ихъ количество опредѣляется двумя горлышками безъ ручекъ и двумя цѣльными, вполнѣ сохранившимися экземплярами. Эти сосуды греческой работы (?), хотя, къ сожалѣнію, отсутствіе какихъ-бы то ни было украшеній и надписей не даетъ возможности точно опредѣлить ихъ происхожденіе. Такіе-же предметы, какъ извѣстно, постоянно встрѣчались въ многихъ могилахъ южной Россіи. Предназначены онѣ были, вѣроятно, для храненія вина, которое такъ любили распивать и близкіе сосѣди нашихъ варваровъ, Скиѳы[5]).

Рис. 15.
(въ $1/4$ нат. вел.)

Таковы главнѣйшія разновидности той группы предметовъ утвари, которую мы назвали столовой. Наименованіе это разумѣется условно: тѣже предметы могли употребляться и для иныхъ цѣлей, которыя остаются намъ пока доподлинно неизвѣстными по недостатку прямыхъ письменныхъ или вещественныхъ показаній.

Сравнительное богатство вышеописанной группы еще болѣе оттѣняетъ незначительное количество остальныхъ предметовъ домашняго обихода, найденныхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ. Предметы эти сдѣланы изъ глины, камня и кости. Чашечка

1) E. Chantre (Ibid., t. II, p. 174), предполагалъ, что эти сосуды покрыты графитомъ. Едва-ли, однако, не болѣе довѣрія внушаетъ мнѣніе Моргана (J. de Morgan, Ibid., t. I, p. 143), къ которому мы и примыкаемъ въ текстѣ.

2) J. de Morgan, Ibid., t. I, p. 147. Ср. R. Virchow, Ibid., s. 109: «Man wird hier wohl annehmen dürfen, dass die Gefässe, nachdem sie hergestellt waren, zunächst mit einer Flüssigkeit abgestrichen und dann, sobald sie einigermaassen lufttrocken geworden, schwelendem Feuer ausgesetzt wurden, so dass die schwarze Farbe, wie es zuerst von Herrn F. Jagor in Indien beobachtet ist, dem eindringenden Russ zugeschrieben werden muss».

3) В. Сизовъ, Ibid., стр. 121, рис. 29 и 30. В. Вырубовъ, Предметы древности, Табл. X, №№ 10—12. Тоже перепечатано въ Friedrich Bayern's, Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde in Kaukasien herausg. von R. Virchow, Berl. 1885, Taf. XV, № 12; Ср. рис. 18. E. Chantre, Ibid., t. II, Atlas, Pl. LIII, № 1 (premier âge du fer). J. de Morgan, Ibid., t. I, Pl. IV, №№ 2, 6 et 6 a.

4) Д. Анучинъ, Доисторическая археологія Кавказа въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1884 г., январь, стр. 207.

5) А. Лаппо-Данилевскій, Ibid., стр. 27—29.

на подножкѣ (рис. 19) и вазочка, съ ушкомъ, покрытыя черною поливой, другая вазочка изъ красной глины съ двумя ручками (рис. 20 и 21), двѣ лампы (рис. 22) (одна изъ нихъ безъ по-

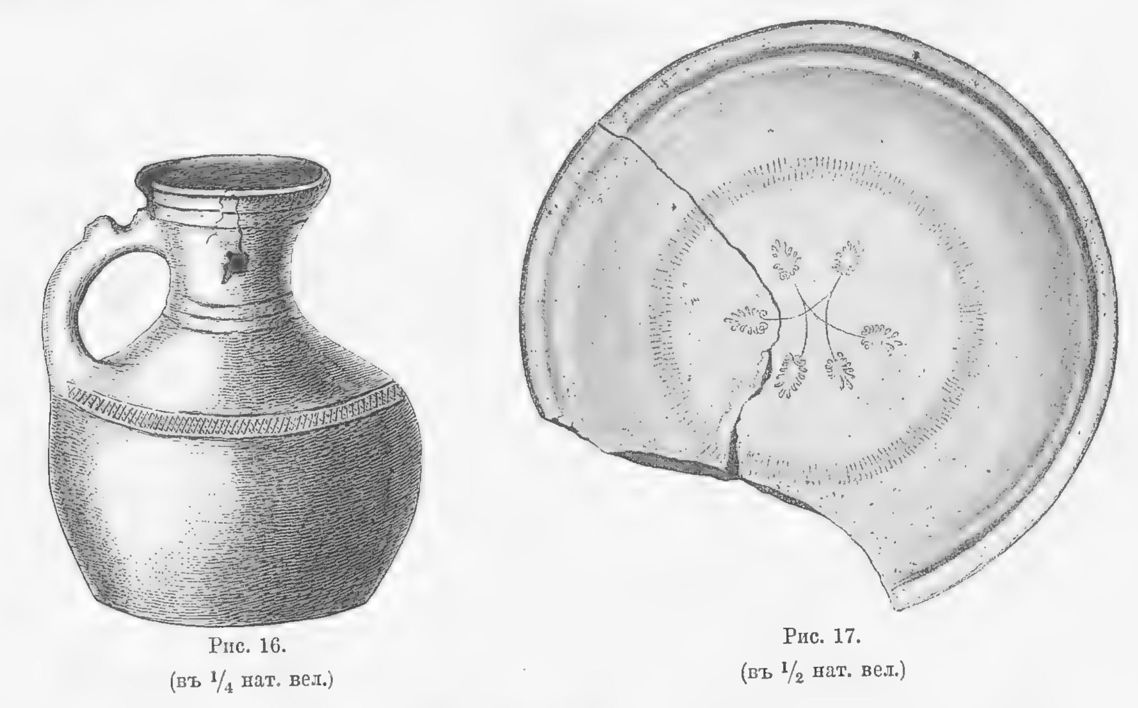

Рис. 16.
(въ 1/4 нат. вел.)

Рис. 17.
(въ 1/2 нат. вел.)

ливы) алавастръ, вырѣзанный изъ цѣльнаго куска какой-то каменистой породы, по примѣру точеныхъ изъ оникса восточныхъ алавастровъ (рис. 23)[1]), и, наконецъ, костяная трубочка неизвѣст-

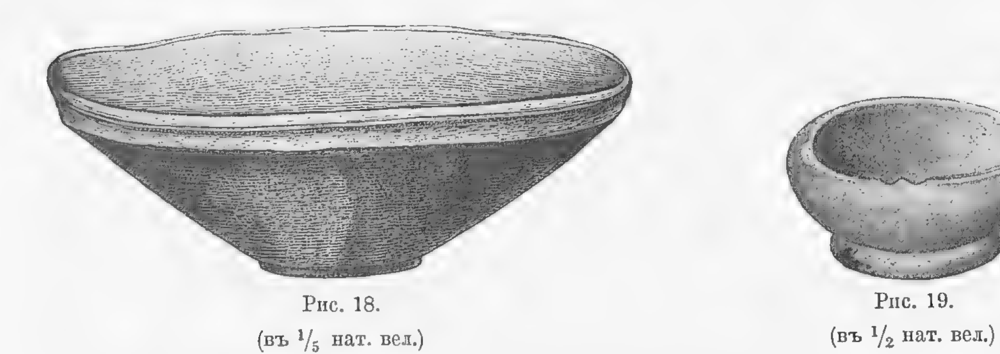

Рис. 18.
(въ 1/5 нат. вел.)

Рис. 19.
(въ 1/2 нат. вел.)

наго назначенія[2]) (рис. 24), таковы маловажные предметы этой категоріи. Хозяйственныя потребности лицъ, погребенныхъ въ курганѣ, очевидно, были не велики, если удовлетворялись такою скудною домашней обстановкой; она, какъ кажется, ничего характернаго не представляетъ и поэтому не можетъ долѣе останавливать на себѣ нашего вниманія.

---

[1]) Алавастры довольно часто встрѣчались въ керченскихъ гробницахъ. См. напр. Отч. Археол. Ком. за 1859 г., стр. IX; стр. 12. Тоже за 1860 г., стр. IV и V. Тоже за 1862 г., стр. X.

[2]) Костяныя трубки, будто бы остатки флейты, найдены были какъ извѣстно въ одной изъ могилъ подлѣ Глинища. Древ. Босф. Ким., стр. LXXVII.

Къ сожалѣнію тоже, хотя, быть можетъ, по другимъ причинамъ, слѣдуетъ сказать и о принадлежностяхъ конской упряжи и колесницы. Почти всѣ эти предметы дошли до насъ въ обломкахъ, по которымъ нѣтъ возможности реставрировать цѣлое. Отъ конской уздечки сохранилась лишь одна желѣзная воронка, въ родѣ той, что найдена была съ остатками ремня при лошадиномъ скелетѣ въ седьмой катакомбѣ Александропольскаго кургана. Далѣе, вмѣстѣ съ этой воронкой отысканы желѣзные обломки, вѣроятно, остатки удилъ, быть можетъ, подобныхъ тѣмъ, какія оказались въ курганахъ Семи братьевъ или кавказскихъ могилахъ[1]). Мѣдныя бляхи съ ушками въ видѣ литой лошадиной головки, или рельефныхъ изображеній головъ и фантастическихъ фигуръ, отзывающихся варварскимъ стилемъ (см. ниже), вѣроятно, украшали конскую сбрую, какъ это было въ обычаѣ у черноморскихъ варваровъ. Въ самомъ дѣлѣ, фалары, по назначенію схожіе съ нашими, найдены были въ гробницахъ второго и шестого кургановъ Семибратнихъ, въ Большой Близницѣ, въ Кульобской гробницѣ и Нимфейскихъ курганахъ, наконецъ, еще далѣе въ могилахъ Чертомлыцкой и Александропольской. Тотъ-же обычай былъ въ употребленіи у древнихъ жителей Сибири и Ирана[2]). О расположеніи карагодеуашхскихъ бляхъ можно догадываться по аналогіи. Одна изъ нихъ, съ изображеніемъ конской головки, служила вѣроятно налобникомъ (προμετωπίδιον), другія, быть можетъ, располагались надъ глазами (παρώπιον, ἀνθήλιον), третьи прикрѣплялись къ уздѣ по обѣимъ сторонамъ лошадиной морды (παρήϊα, παραγναθίδες, παραπλευρίδια). Слѣды такого расположенія можно видѣть на уздечкѣ коня, изображеннаго на большомъ серебряномъ ритонѣ (рис. 56); полный наборъ, какъ извѣстно, украшавшій одного изъ коней Александропольскаго кургана, встрѣчается также на нѣкоторыхъ изъ сибирскихъ бляхъ[3]). Возможно, что и означенная выше костяная трубочка принадлежала къ числу конскихъ украшеній; древніе употребляли предметы подобнаго рода для того, чтобы продѣтый въ нихъ пукъ лошадиныхъ волосъ держать стоймя надъ головою животнаго между ушей (cirrus in vertice).

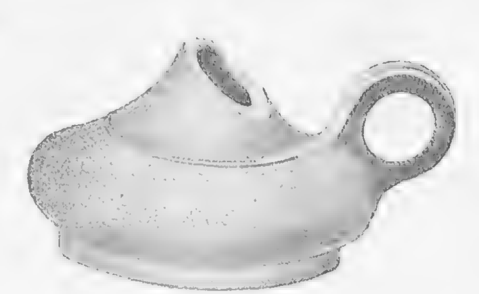

Рис. 20.
(въ 1/2 нат. вел.)

Рис. 21.
(въ 1/3 нат. вел.)

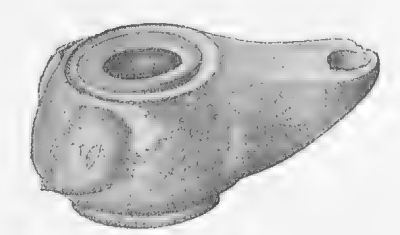

Рис. 22.
(въ 1/2 нат. вел.)

---

1) Отч. Арх. Ком. за 1876 г. стр. 123—138. Отч. Археол. Ком. за 1878—1879, стр. 150, прим. 2, B. Charvet, Freins de chevaux du Caucase, d'Osséthie et de Géorgie, étudiés sous le rapport de l'embouchure въ Bull. de la soc. anthr. de Lyon, 1884, t. III, p. 268. Статья эта извѣстна намъ лишь по ссылкѣ у Chantre'a.

2) Отч. Археол. Ком. за 1876 г., стр. 123—138. Древн. Босф. Ким., Атласъ, Табл. XXIX, №№ 8, 9, 10 и 13. Древн. Герод. Скиѳіи, Атласъ, вып. I, Таб. XIII, №№ 7 и 6; вып. II, Таб. XXIII, №№ 2 и 3.

3) В. Стасовъ, Описаніе Керченской катакомбы, открытой въ 1872 г., въ Отч. Археол. Ком. за

На ряду съ означенными бляхами найдены были, повидимому, и маленькія пуговки, по формѣ схожія съ ведерцами. Такія-же полушаровидныя украшенія съ плоскими полукруглыми и лентообразными ушками (Таб. VII, № 6) не рѣдко встрѣчались въ гробницахъ Кобанскаго могильника, хотя здѣсь они служили, по всей вѣроятности, принадлежностями платья усопшихъ (рис. 25)[1]); украшенія, подобныя нашимъ, попадались также и во многихъ другихъ могильникахъ Закавказья[2]). Болѣе затѣйливымъ стилемъ отличаются пуговки, поверхность которыхъ представляетъ нѣсколько лепесткообразныхъ кривыхъ плоскостей, сходящихся у центра (рис. 26 и 27). Если эти предметы, подобно кавказскимъ, не были принадлежностями одежды лицъ, погребенныхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ, то служили, быть можетъ, для украшенія конской упряжи. Тоже можно сказать и про обломокъ пряжки, (рис. 28), которая скрѣпляла царскій поясъ или какую-нибудь конскую подпругу.

Рис. 23. (въ 1/3 нат. вел.) Рис. 21. (въ нат. вел.)

Еще менѣе опредѣленныя представленія имѣемъ мы о царской колесницѣ. Отъ нея сохранилось всего лишь нѣсколько обломковъ, тринадцать желѣзныхъ гвоздей, такія-же петли и обоймище колеса; сюда-же, быть можетъ, слѣдуетъ причислить предметъ, ближайшее назначеніе котораго, однако, для насъ остается загадочнымъ: онъ представляетъ изъ себя какъ бы обломокъ толстаго стержня (окованнаго желѣзомъ или желѣзнаго) съ раздвоенною оконечностью; на самомъ стержнѣ насажена довольно толстая, круглая, нѣсколько вогнутая пластина (рис. 29). На основаніи этихъ данныхъ, разумѣется, нѣтъ возможности придти къ какимъ либо заключеніямъ о формѣ царской колесницы. Изображеніе двухколесной и двухконной колесницы, сходной съ греческими, можно видѣть на нашей треугольной пластинѣ (Таб. III, № 1), на свинцовыхъ бляшкахъ, найденныхъ въ одномъ изъ Таманскихъ кургановъ[3]) и на одной бляшкѣ отъ пояса, открытаго въ Ахталѣ, позднѣйшаго происхожденія[4]); маленькая двухколесная золотая колесница оказалось также среди вещей Аму-Дарьинскаго клада[5]). Поэтому воз-

---

1872 г., Таб. XVIII, № 39. Таже бляшка переиздана была Ch. de Linas'омъ (Origines de l'orfévrerie cloisonnée, t. II, p. 316, Pl. G.) и помѣщена въ изданіи Прохорова: Матеріалы по Исторіи русскихъ одеждъ, Спб., 1881 г., Таб. XII, № 3. — Ch. de Linas, Ibid., t. II, p. 229, Pl. B., № 3.

[1]) E. Chantre, Ibid., t. II, Atlas, Pl. XXX, № 18 (premier âge du fer, Koban).

[2]) J. de Morgan, Mission scientifique au Caucase, t. I, pp. 126—127, fig. 107: «Certaines sépultures (въ Закавказьѣ, главнымъ образомъ у истоковъ Куры) renfermaient plus de 200 boutons de ce genre.... Ils existaient dans toutes les nécropoles, dont nous avons donné la description...» Отч. Археол. Ком. за 1882—1888 г., стр. CCLXXXVIII.

[3]) Отч. Археол. Ком. за 1874 г., Атласъ, Табл. I, № 11.

[4]) J. de Morgan, Ibid., t. I, p. 141.

[5]) Н. Кондаковъ и гр. И. Толстой, Русскія древности, вып. III, стр. 15.

можно предполагать, что и наша колесница была двухколесной; впрочемъ это предположеніе, и другія, еще болѣе рискованныя, какія можно было бы высказать относительно ея устройства, по недостатку данныхъ, остаются голословными.

Такимъ образомъ, и эта третья группа предметовъ разсматриваемой категоріи, оказывается довольно незначительной, даже прямо бѣдной по своему содержанію. Гораздо богаче нашего кургана въ этомъ отношеніи могилы Семи братьевъ и, пожалуй, еще большимъ разнообразіемъ отличаются уборы Чертомлыцкіе. Наоборотъ, утвари въ курганѣ Чертомлыцкомъ найдено меньше,

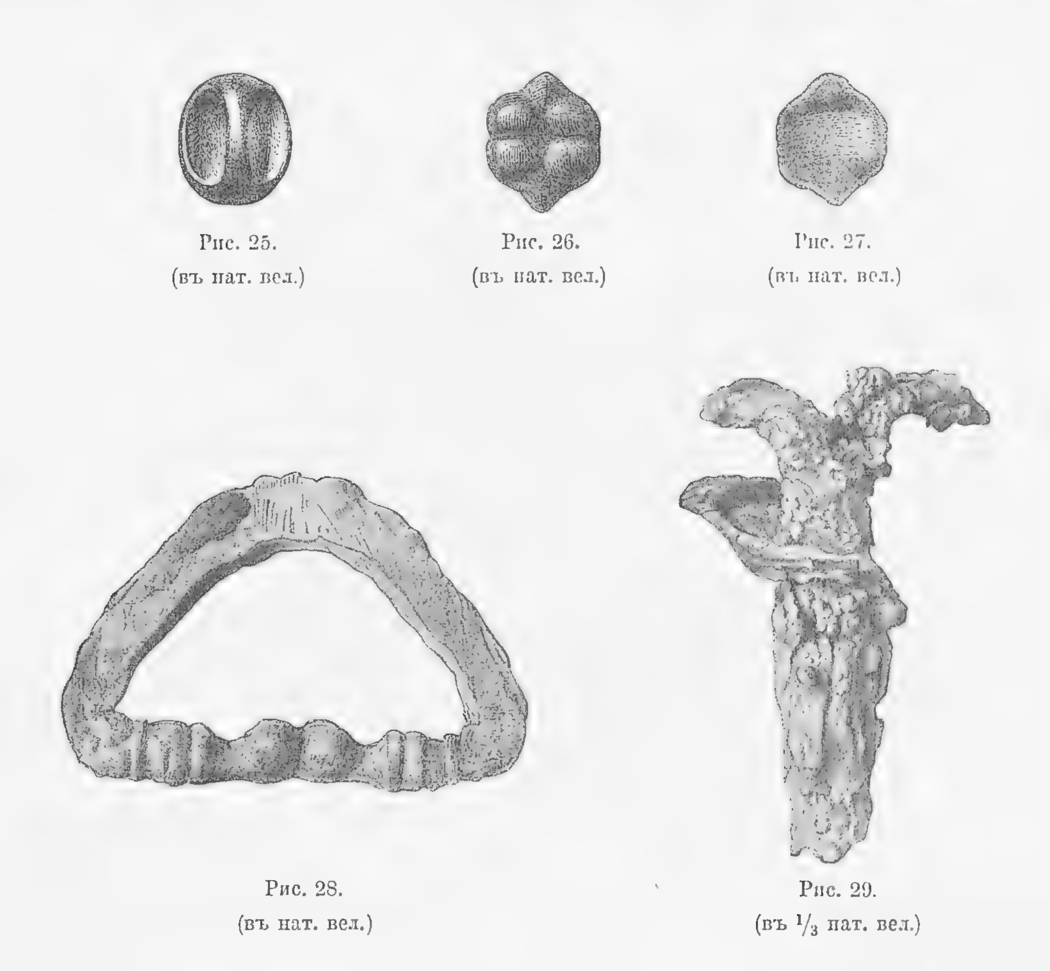

Рис. 25. (въ нат. вел.)

Рис. 26. (въ нат. вел.)

Рис. 27. (въ нат. вел.)

Рис. 28. (въ нат. вел.)

Рис. 29. (въ $^1/_3$ нат. вел.)

чѣмъ въ гробницахъ Кульобской и Семибратнихъ, а Карагодеуашхскій курганъ едва-ли не превосходитъ послѣдніе относительнымъ богатствомъ своего содержанія по этой части. Такая обратная пропорціональность, быть можетъ, и не случайнаго свойства. Конь, дорогой товарищъ степняка, далеко не такъ полезенъ въ горахъ, и, наоборотъ, большое количество утвари, которую возможно и желательно держать сравнительно осѣдлому горцу, становится излишнею обузой для вольнаго кочевника. Можно думать также, что и греческая цивилизація, съ трудомъ проникавшая въ далекую степь, гораздо сильнѣе дѣйствовала на недалекомъ разстояніи отъ устьевъ Кубани и смягчала здѣсь нѣкоторыя изъ проявленій грубаго образа жизни прикубанскихъ варваровъ.

c) Вооруженіе.

Оружіе лица, погребеннаго въ курганѣ Карагодеуашхъ, извѣстно намъ лишь по сохранившимся до нашего времени экземплярамъ. Число этихъ предметовъ и ихъ разновидности станутъ всего яснѣе послѣ краткаго ихъ перечисленія, которое поэтому и сообщаемъ здѣсь:

№№	Предметы.	Число экземпляровъ.	Измѣренія въ сантиметрахъ.			Матеріалъ.	Проба.	Вѣсъ въ золотникахъ и доляхъ.	Нумерація г. Фелицына.	Таблицы и №№, подъ которыми изображены рисунки.
			Длина или глубина.	Ширина.	Діаметръ.					
1	Мечъ въ обломкахъ .	1 [	—	—	—	F	—	—	92	
2	Ручка отъ меча. . . .	1 [	12,5	—	—	F—AV	62	—	22	V, 4
3	Точило	1	15,6	—	—	Lp-AV	—	—	13	VII, 7
4	Бляшка выпуклая (tutulus) (отъ щита?). . . .	1	1,0	—	2,7	AR	—	0,60	76	VIII, 4
5	Наконечники отъ копій въ обломкахъ	10 [	втулокъ: 16-18,1	клинковъ: 4—5,5	втулокъ: 2-3,3	F	—	—	98	Текстъ, рис. 31
6	Наконечники отъ стрѣлъ	186	2,9—3,3	—	—	Æ	—	—	77, 81, 84	VIII, 5—7
7	Наконечники отъ стрѣлъ	4	5	—	—	F	—	—	?	VIII, 8
8	Обломки пластины, украшавшей горитъ. . .	1 [	—	—	—	AR-AV	—	—	33—38	IX, 1—7
9	Треугольная пластина съ изображеніемъ птицъ.	1	12,4	11,5	—	AV	69	4,84	11	VIII, 9

Такимъ образомъ, наиболѣе существенными принадлежностями царскаго вооруженія можно считать мечъ, копья и лукъ со стрѣлами, т. е. тѣ виды оружія, которыя и у Скиѳовъ и у Роксоланъ (племени, быть можетъ, Сарматскаго) играли главную роль[1]). Слабое указаніе на возможность существованія щита видимъ мы въ конусообразной бляшкѣ съ отложными краями; остатковъ панцыря, повидимому, въ нашей гробницѣ вовсе не оказалось.

---

[1]) Strab., VII, 3, 17.

Отъ меча царскаго сохранилась рукоятка и обломки клинка. Рукоятка (Таб. V, № 4) небольшихъ размѣровъ, всего 12,5 сант. длиною и, слѣдовательно, по величинѣ сильно напоминаетъ нѣкоторыя изъ Чертомлыцкихъ, длиною, напр., въ 12, 12,1 и 13 сант.; весьма вѣроятно, поэтому, что и клинокъ Карагодеуашхскаго меча не превосходилъ размѣровъ лезвій только-что упомянутыхъ Чертомлыцкихъ мечей, доходившихъ до 36 и 40 сант. Форма нашей рукоятки — обычная, нѣсколько утолщенная посрединѣ; верхняя изъ ея оконечностей приближается къ эллипсоидальной формѣ, нижняя также расширена. Къ сожалѣнію, однако, эта нижняя часть пострадала настолько, что трудно сказать, снабжена-ли она была тѣмъ характернымъ сердцевиднымъ вырѣзомъ, который встрѣчается на Кульобскомъ, Чертомлыцкомъ и Веттерсфельдскомъ мечахъ, а также, въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ, на мечахъ сибирскихъ и кавказскихъ тамъ, гдѣ клинокъ соединяется съ рукояткой[1]). Возможно, однако, предполагать, что на рукояткѣ нашего меча такой вырѣзки и не было. Въ такомъ случаѣ, мечъ Карагодеуашхскій ближе стоитъ къ персидскому мечу (ξίλος)[2]), во многомъ сходному со скиѳскимъ, или къ оружію, изображенному на правомъ боку у конныхъ варваровъ Траяновой колонны[3]). Украшеній на рукояткѣ нашего меча, кромѣ двухъ параллельныхъ полосокъ по ея ребрамъ, мы не встрѣчаемъ. Клинокъ найденнаго меча, всаженный въ рукоятку, судя по обломкамъ, былъ обоюдоострымъ и постепенно суживался къ оконечности. Во всѣхъ этихъ подробностяхъ нашъ мечъ приближается къ формамъ мечей Черноморскихъ варваровъ, изображенныхъ на нѣкоторыхъ изъ монетъ царей Воспорскихъ, правда позднѣйшихъ[4]). Такіе-же предметы вооруженія найдены были въ могилахъ Кульобской, Чертомлыцкой (рис. 30), Краснокутской, въ Слоновской Близницѣ, Цымбалкѣ[5]) и даже въ сибирскихъ курганахъ[6]).

---

[1]) A. Furtwaengler, Der Goldfund von Wettersfelde (недалеко отъ г. Guben въ Nieder-Lausitz) Berl., 1883, ss. 34—35; Taf. III, №№ 1 и 5. I. Aspelin, Antiquités du Nord finno-ougrien, Helsingfors, 1877—1884, p. 52, №№ 165—167, 176 a, 416, 417, 419. Матеріалы по Археологіи Россіи, изд. Имп. Археол. Ком. № 5. В. Радловъ, Сибирскія Древности, т. I, вып. 2. Спб. 1891 г., стр. 48, 68, 69, 70 и таб. VII—XIV. Кавказскіе мечи снабжены подковообразными или треугольными вырѣзками. См. E. Chantre. Ibid., t. II, Pl. V, № 2 (Koban) и Pl. V[bis], №№ 1 et 2; Pl. VI, № 1; Pl. VI[bis] № 1 (Koban). Мечи ассирійской гвардіи также снабжены листообразными развѣтвленіями у ручки, но соотвѣтственнаго зубца на ножнахъ не замѣтно (L. Beck, Geschichte des Eisens, 1 Lief., 3 Aufl., s. 129, fig. 4).

[2]) G. Rawlinson, Ibid., Vol. III, p. 208.

[3]) Herod., Hist., VII, 54. Suidas, I, 84: ἀκινάκης. Ср. L. Beck., Ibid., 2-te Lief., S. 259. W. Froehner, Colonne Trajane, 1872, Pl. XXXIII.

[4]) Бр. Кёне, Описаніе Музея, кн. Кочубея, т. 2; Таб. XII, № 37; Таб. XIII, №№ 46, 50; Таб. XIV, 57 и 59. Мечъ, который держитъ пѣшій варваръ, изображенный на одной изъ фресокъ, открытой въ 1872 г. Керченской катакомбы (Отч. Археол. Ком. за 1872 г., В. Стасовъ, Ibid., Таб. VI), по клинку своему подобенъ Карагодеуашхскому. Мечъ, найденный въ гробницѣ второго кургана Семибратняго былъ большихъ размѣровъ (Отч. Археол. Ком. за 1876 г., стр. 120); онъ походилъ, быть можетъ, на мечъ, который виситъ на лѣвомъ бедрѣ коннаго варвара, изображеннаго на одной изъ фресокъ той-же Керченской катакомбы (В. Стасовъ, Ibid., Таб. X).

[5]) Древ. Герод. Скиѳіи, вып. II, стр. 66 и 49. Атласъ, Таб. XL, №№ 9, 12 и 14. Отч. Археол. Ком. за 1868 г., стр. XVII. Зала Скиѳскихъ древностей Имп. Эрмитажа, №№ 429, 436 и 482. Извѣстный мечъ Чертомлыцкаго царя съ украшеніями въ видѣ бараньихъ головъ былъ нѣсколько больше нашего.

[6]) Д. Анучинъ, О нѣкоторыхъ формахъ древнерусскихъ мечей, въ Трудахъ VI-го Арх. съѣзда въ Одессѣ, Од. 1886 г., т. I, стр. 235—251.

Копья лица, погребеннаго въ курганѣ Карагодеуашхъ, числомъ не менѣе 10-ти, извѣстны намъ лишь по сохранившимся наконечникамъ. Эти послѣдніе неодинаковыхъ размѣровъ: такъ, напр., діаметры найденныхъ втулокъ равны 2, 2,5, 3 и 3,3 сант.; длина двухъ изъ нихъ, сохранившихся цѣликомъ, доходила до 16 и 18,1 сант., а наибольшая ширина, сильно, впрочемъ, по-

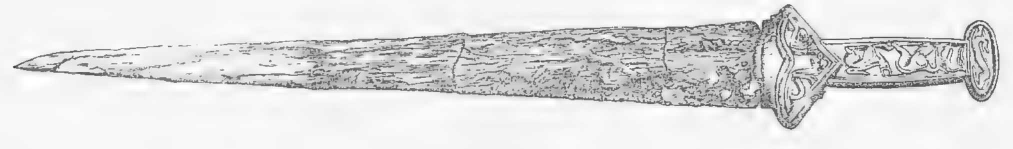

Рис. 30.
(въ 1/4 нат. вел.)

порченныхъ клинковъ, равнялась 3,3, 4, 5 и 5,5 сант. Такое разнообразіе наводитъ на мысль, что царь Карагодеуашхскій единовременно употреблялъ и дротики и копья. Форма клинковъ удлиненно листообразная (рис. 31). Обычай употреблять копья существовалъ, по свидѣтельству древнихъ писателей, у нѣкоторыхъ племенъ Кавказа, какъ напр., у Мосховъ, носившихъ копья съ «большими наконечниками», у Алвановъ, также у Амазонокъ и Сарматовъ[1]). Варвары, изображенные на стѣнахъ одной изъ Керченскихъ катакомбъ, снабжены копьями[2]), которыя, разу-

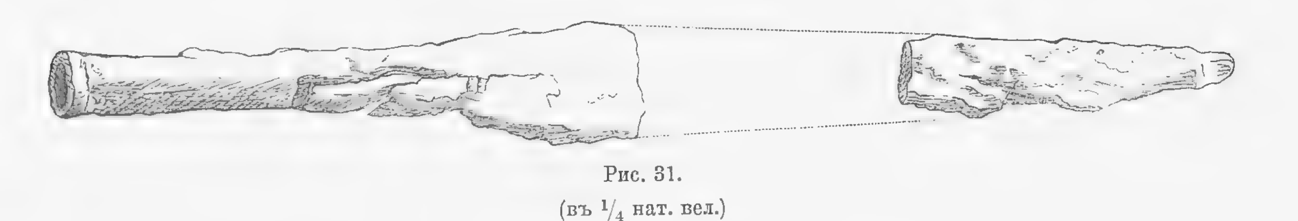

Рис. 31.
(въ 1/4 нат. вел.)

мѣется, знакомы были и Скиѳамъ, и Персамъ. Наши копья напоминаютъ копья варваровъ, погребенныхъ въ Керченской катакомбѣ и въ могилахъ Каменной, Томаковской, Краснокутской и Чертомлыцкой; типы, схожіе съ нашими, найдены были и на Кавказѣ, напр., въ могильникахъ «Рѣдкинъ Лагерь» и «Шейтанъ-Тагъ»[3]), а также на Чудскомъ сѣверѣ; эти послѣдніе (впрочемъ довольно поздняго происхожденія) нерѣдко достигаютъ такихъ-же значительныхъ размѣровъ, какъ и карагодеуашхскіе[4]).

Третью существенную принадлежность вооруженія варвара Карагодеуашхскаго составляли стрѣлы и лукъ, о существованіи котораго, впрочемъ, можно заключить лишь по найденнымъ наконечникамъ отъ стрѣлъ. Ихъ оказалось при остовѣ довольно много: почти всѣ они небольшихъ размѣровъ, трехгранной формы и надѣлены механически заостренными углами, кото-

---

[1]) Herod., VII, 78. Strab., XI, 4, 5 и XI, 5, 1.
[2]) В. Стасовъ, Ibid., Таб. VI, IX и X.
[3]) I. de Morgan, Ibid., t. 1., pp. 96—97. Наконечникъ Кульобскаго копья, не считая втулки, былъ величиною въ 9 верш.
[4]) I. R. Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, №№ 1323, 1369, 1464, 1544 и др.

рые затрудняли извлеченіе стрѣлы изъ раны. Большинство наконечниковъ безъ шеекъ и снабжено дырочками въ одномъ изъ боковъ (Таб. VIII, № 5). Два другіе вида нѣсколько большихъ размѣровъ, трехгранной формы съ такими-же нѣсколько удлиненными углами и шейкою (Таб. VIII, № 6—7). Наконецъ, четвертый типъ близко подходитъ ко второму или третьему. Разница состоитъ лишь въ томъ, что наконечники этого типа сдѣланы не изъ мѣди, а изъ желѣза, туловище ихъ нѣсколько толще и короче, а шейка, напротивъ, длиннѣе (Таб. VIII, № 8). Всѣ наконечники, найденные въ гробницѣ Карагодеуашхской, насаживались на древко. Размѣры послѣдняго намъ неизвѣстны; можно думать, однако, что, въ виду незначительнаго вѣса наконечниковъ, формы горита и лука, древки эти были небольшіе, подобно Кульобскимъ и Чертомлыцкимъ, не превышавшимъ аршина въ длину, и выдѣлывались изъ легкаго матеріала, напр., камыша, какъ стержни отъ стрѣлъ, найденные въ одной изъ керченскихъ гробницъ[1]). Обычай употреблять стрѣлы (и лукъ) существовалъ у племенъ кавказскихъ, напр., у Соановъ и Албановъ[2]), также у Сарматовъ[3]). Въ могилахъ Скиѳо-Сарматской эпохи найдены были типы, совершенно сходные съ нашими[4]). Аналогичныхъ предметовъ на Кавказѣ мы, однако, почти вовсе не встрѣчаемъ (рис. 32)[5]); въ Сибири попадаются наконечники такого-же рода: маленькіе трехгранные на Алтаѣ, большіе, второго и третьяго видовъ въ Пермской области и Ананьинскомъ могильникѣ[6]). Но, какъ въ наконечникахъ греческаго издѣлія, такъ и на кавказскихъ, найденныхъ напр. въ позднѣйшихъ гробницахъ Чечни и Терека (рис. 32 и 33)[7]), замѣчается любопытная особенность: это — дырочки съ одной изъ сторонъ. Объяснить ихъ значеніе довольно трудно: такое приспособленіе могло находиться въ связи съ обычаемъ Черноморскихъ варваровъ поражать врага ядовитыми стрѣлами. «Соаны, напр., для своихъ стрѣлъ употребляли какой-то страшный ядъ, одурявшій раненыхъ своимъ зловоніемъ»[8]). Въ войскахъ Помпея, кочующіе племена Скиѳовъ тоже

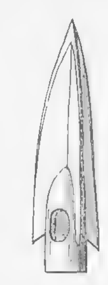

Рис. 32. (въ нат. вел.)

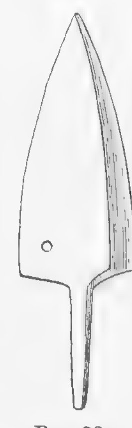

Рис. 33. (въ нат. вел.)

---

[1]) Отч. Археол. Ком. за 1861 г., стр. V.

[2]) Strab., XI, 2, 19 и XI, 4, 5.

[3]) Pausan., Descrip. Graeciae., I, 21, 5 (ed. Didot, 1845, p. 29). Tacit., Annal., VI, 35. Сарматскія стрѣлы по недостатку желѣза выдѣлывались изъ рога.

[4]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. XXVII, №№ 11 и 16. Древ. Герод. Скиѳіи, Атласъ, вып. I, Таб. I, № 22 (наконечникъ, сходный съ первымъ типомъ нашихъ наконечниковъ); Ibid., Таб. I, №№ 17—20 (подобные нашему второму типу); Ibid., Таб. I, № 16 — наконечникъ, схожій съ нашими желѣзными наконечниками. Отч. Археол. Ком. за 1876 г., Атласъ, Таб. II, № 21.

[5]) R. Virchow, Ibid., s. 89, fig. 32, 4. Желѣзный трехгранный наконечникъ отъ стрѣлы, найденной на берегахъ Терека (G. Virchow, Ibid., s. 96, fig. 39), напоминаетъ первый типъ нашихъ наконечниковъ; онъ однако вставлялся, а не насаживался на древко (рис. 33).

[6]) I. Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, №№ 262, 264, 265, 438, 439.

[7]) R. Virchow, Ibid., s. 89, fig. 32. Въ Hohen Bohrau (Schlesien) найдено 3 стрѣлы съ такими-же дырочками (R. Virchow, Ibid., ss. 91—92).

[8]) Strab., XI, 2, 19.

обмакивали свои стрѣлы въ ядъ[1]). Въ такомъ случаѣ, указанныя отверстія могли служить для того, чтобы запускать въ нихъ ядовитое вещество.

Лукъ, принадлежавшій царю Карагодеуашхскому, къ сожалѣнію, вовсе не сохранился. Судить о его небольшихъ размѣрахъ отчасти можно по незначительному вѣсу наконечниковъ отъ стрѣлъ и по гориту. Карагодеуашхскій лукъ, вѣроятно, имѣлъ форму, сходную со скиѳской, но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, былъ меньше кавказскихъ луковъ[2]).

Нѣсколько болѣе свѣдѣній имѣемъ мы о налучіи и колчанѣ, въ которые, вѣроятно, вкладывались лукъ и стрѣлы. Съ одной стороны мужского остова, какъ извѣстно, оказались остатки отъ горита, съ другой — обломки колчана со стрѣлами. Остатки горита или точнѣе серебряной пластины, съ накладнымъ листомъ изъ золота, украшавшей налучіе, сохранились, къ сожалѣнію, далеко невполнѣ. Эта пластина греческой работы. Сравнивая ея обломки съ соотвѣтствующими частями золотой пластины отъ чертомлыцкаго налучія, можно придти къ заключенію, что она, вѣроятно, представляла такое-же расположеніе орнамента, какъ и чертомлыцкая; это видно изъ прилагаемыхъ рисунковъ (рис. 34 и 35)[3]). Возможно поэтому предполагать, что форма и размѣры нашей пластины были болѣе или менѣе одинаковы съ Чертомлыцкой: наиболѣе длинная сторона этой послѣдней (ab) равна 47 сант., ей паралельная, противоположная (cd) — 40 сант., нижняя (у дна) не превосходитъ 25 сант., сторона трапецевиднаго выема сверху (kl) равна 16 сант., ей параллельная — 8,8 сант., тогда какъ боковыя не превышаютъ (ln) 14,5 и (km) 13,7 сант.[4]). Карагодеуашхская пластина могла достигать такихъ-же размѣровъ и, во всякомъ случаѣ, имѣла ту-же форму. Слѣдовательно, карагодеуашхское налучіе вообще напоминало скиѳскіе гориты, извѣстные по изображеніямъ на Чертомлыцкой или Кульобской вазахъ, а отчасти и по остаткамъ, найденнымъ въ могилахъ Скиѳо-Сарматскихъ. Прекрасныя рельефныя изображенія сражающихся воиновъ, какими украшена наша пластина, представлены въ размашистомъ эффектномъ стилѣ, которымъ отличалось греческое искусство временъ Скопаса и его преемниковъ. Чертомлыцкая пластина, сохранившаяся вполнѣ, какъ извѣстно, также украшена была фризами, изображающими аѳинское преданіе объ Алопѣ[5]). Отъ колчана, лежавшаго по другую сторону мужского остова, сохранилось нѣсколько золотыхъ бляхъ варварской работы или, по крайней мѣрѣ, отдѣланныхъ въ варварскомъ стилѣ. Изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе треугольная пластина съ чеканными изображеніями птицъ (?). Эта пластина, загнутая у основанія и снабженная дырочками по краямъ, вѣроятно, пришивалась къ верхнему борту внѣшней стороны колчана; въ противномъ

---

[1]) Lucan., Pharsal., III, 264 (rec. H. Weise, 1835). Агаріи, племя приазовское, какъ извѣстно, лѣчили раны змѣинымъ ядомъ (Appian., De bello Mith., LXXXVIII, ed. Didot, 1840. p. 253).

[2]) А. Лаппо-Данилевскій, Ibid., стр. 83—87. E. Chantre, Ibid., t. III, p. 112. J. de Morgan, Ibid., t. I, pp. 99—100. В. Стасовъ, Ibid., Таб. X. Здѣсь изображенъ конный варваръ безъ шлема, стрѣляющій изъ небольшого лука.

[3]) Форма карагодеуашхской пластины возстановлена на основаніи сходства ея обломковъ съ соотвѣтствующими частями чертомлыцкой пластины В. К. Мальмбергомъ, не смотря на то, что мѣстонахожденія этой пластины г. Мальмбергъ не зналъ.

[4]) Отч. Археол. Ком. 1864 г. Атласъ Таб. IV, № 1. — Древ. Герод. Скиѳіи, Атласъ, вып. II, Таб. XXXIV, № 1.

[5]) Л. Стефани, Объясненія и проч. въ Отч. Археол. Ком. за 1864 г., стр. 146—167.

случаѣ трудно разъяснить себѣ значеніе вышеуказаннаго загиба у ея основанія. Нѣсколько подобныхъ-же пластинъ найдено было въ Семибратнихъ курганахъ: ими также, вѣроятно, украшали деревянные или кожаные колчаны [1]).

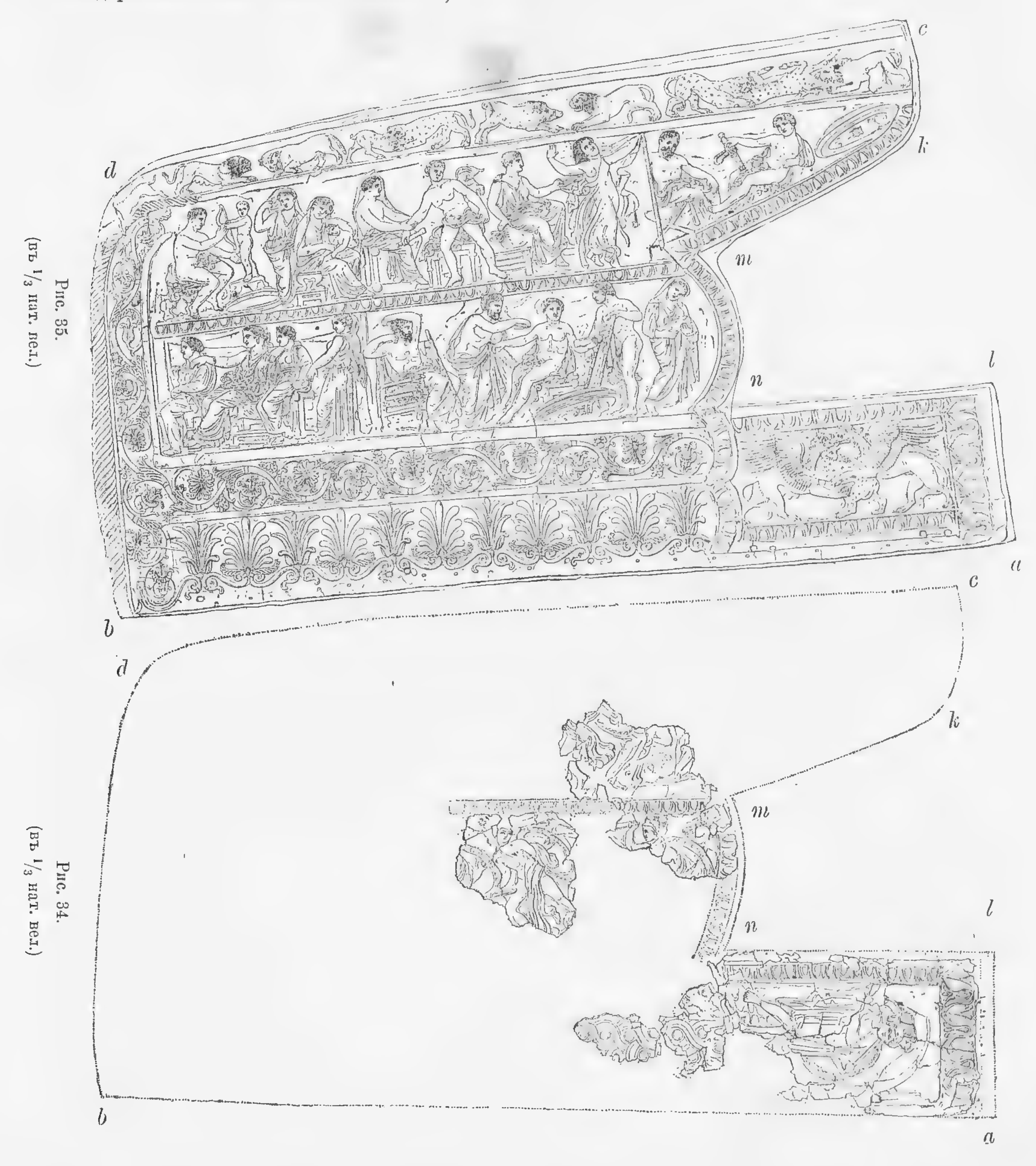

Рис. 35. (въ 1/3 нат. вел.)

Рис. 34. (въ 1/3 нат. вел.)

[1]) Отч. Археол. Ком. за 1875 г., стр. VIII. Отч. Археол. Ком. за 1876 г., стр. 120. Атласъ, Таб. IV, № 4. Отч. Археол. Ком. за 1877 г., Атласъ, Таб. I, № 8; Таб. II, №№ 3, 4, 5 и 6.

Желѣзный клинокъ меча, а также наконечники отъ копій и стрѣлъ скоро притуплялись. Точильный камень, найденный въ числѣ царскаго вооруженія въ курганѣ Карагодеуашхъ, вѣроятно, и служилъ для того, чтобы заострять ихъ. Нашъ осёлокъ цилиндрической формы, въ верхней своей части оправленъ въ листовое золото, украшенное ободками и штампованной человѣческой головой у оконечности (Таб. VII, № 7), а къ низу нѣсколько суженъ и притупленъ на разстояніи 10,7 сант. отъ рукоятки. Сквозное отверстіе въ ручкѣ предназначалось, вѣроятно, для того, чтобы привѣшивать это орудіе къ поясу. Предметы подобнаго рода встрѣчались въ большинствѣ могилъ Скиѳо-Сарматской эпохи, какъ напр., въ Кульобской и другихъ керченскихъ гробницахъ, въ Чертомлыцкой при царскомъ остовѣ, рядомъ съ мечемъ, и въ Веттерсфельдскомъ кладѣ[1]); изъ нихъ Чертомлыцкій ближе всего подходитъ къ нашему точильному камню. Такіе-же камни во множествѣ находились и въ кавказскихъ могильникахъ, напр. въ Ладзскомъ, при Дзивгисѣ, на Шейтанъ-Тагѣ и Мусиери (Mouçi-yéri), причемъ формы ихъ здѣсь болѣе архаичны; эти точила четырехгранныя, лишены рукоятокъ, безъ оправъ, и снабжены металлическимъ кольцомъ, продѣтымъ въ отверстіе у верхней оконечности орудія[2]). Обычай носить подобнаго рода оселки при оружіи распространенъ былъ и въ сѣверной части Ферганской области, на Уралѣ и на Алтаѣ[3]), тогда какъ на западѣ, въ Европѣ, его почти вовсе не знали[4]).

Къ числу принадлежностей или скорѣе украшеній вооруженія, быть можетъ, слѣдуетъ присоединить и маленькую серебряную конусообразную бляшку съ отложными краями, внѣшняя поверхность которой обведена спиралевидной линіей до вершины такъ, что самая поверхность представляется въ видѣ полосокъ, наложенныхъ другъ на друга (Таб. VIII, № 4). Предметы подобнаго рода, извѣстные подъ наименованіемъ tutuli, встрѣчаются на Кавказѣ; такъ, напр., въ Кобанскомъ могильникѣ и въ Хевсуріи найдены бляшки, сходныя съ нашей, впрочемъ, значительно бóльшихъ размѣровъ и съ гладкой внѣшней поверхностью (рис. 36)[5]). Скандинавія также богата подобными украшеніями; нѣкоторыя изъ нихъ (бронзовыя) по формѣ чрезвычайно близко подходятъ къ Карагодеуашхскому, только бóльшихъ размѣровъ. Tutuli попадались, наконецъ, и въ Германіи, въ Гальштадтскомъ могильникѣ[6]). Такъ какъ эти предметы обыкновенно считаются нагрудными

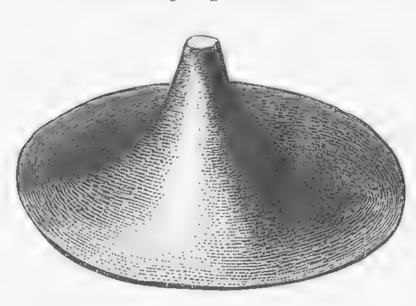

Рис. 36.
(въ 1/2 нат. вел.)

---

[1]) Древ. Босф. Ком., Атласъ, Таб. XXX, № 7. Древ. Герод. Скиѳіи, Атласъ, вып. II, XXXVII, № 1. Срав. вып. I, Таб. XI, № 27. Отч. Археол. Ком. за 1878—1879 г. Отч. Археол. Ком. за 1882—1883 г., Атласъ, Таб. VII, № 16. Тоже. за 1882 г. стр. XVIII. A. Furtwaengler, Ibid., Taf. II, № 2.

[2]) E. Chantre, Ibid., t. III, p. 37. В. Миллеръ, Ibid., стр. 53. J. de Morgan, Ibid., t. I, pp. 52, 53—54, 60, 133—136.

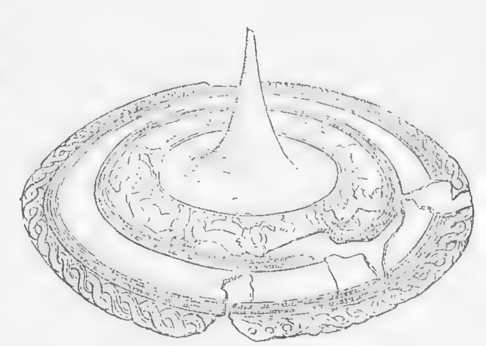
[3]) I. Aspelin, Antiquités etc., №№ 428—430. Отч. Археол. Ком. за 1865, стр. XVI. Dankel, Skizzen aus Kiew въ Mittheilung. der Anthrop. Gesellschaft, Wien, 1875, s. 9, № 9. Отч. Археол. Ком. за 1885, стр. LXIV и слѣд.

[4]) E. Chantre, Ibid., t. II, p. 94.

[5]) R. Virchow, Ibid., ss. 51—52. I. Вырубовъ, Предметы древности въ хранилищѣ Общества Любителей Кавказской Археологіи, Тиф., 1877, Таб. V, №№ 4 a и 4 b.

[6]) O. Montélius, Antiquités Suédoises, St. 1875, №№ 112, 180 b, 181. E. von Sacken, Das Gräberfeld von Hallstadt, Wien, 1868, Taf. XVIII, № 14.

украшеніями какого-нибудь воина, или чѣмъ-то въ родѣ umbo (ὀμφαλός) отъ его щита, какъ это видно хотя бы по прилагаемому изображенію маленькаго щита восточнаго стиля, найденнаго въ Амаоонтѣ[1]) (рис. 37), то и Карагодеуашхскую бляшку можно причислить къ тому-же разряду предметовъ. Ближайшее назначеніе ея, однако, опредѣлить трудно. Параллельно правой стѣнѣ послѣдней камеры, какъ извѣстно, найдены были будто бы обломки щита (см. выше, стр. 10). Но ни украшеній, ни формы его мы не знаемъ. Самый фактъ его существованія, впрочемъ, ничего невѣроятнаго не имѣетъ. Нѣкоторыя изъ племенъ кавказскихъ, напр. Алваны, носили большие щиты (θυρεούς)[2]). Варвары, изображенные на стѣнахъ извѣстной Керченской катакомбы, снабжены щитами: одни изъ нихъ ромбоидальны, другіе эллипсоидальны[3]). Обычай носить щиты распространенъ былъ также среди скиѳскихъ племенъ[4]). Возможно поэтому, что и варваръ, покоившійся въ крайней камерѣ нашей гробницы, имѣлъ щитъ. Но принадлежала-ли описанная выше бляшка къ числу его украшеній, или составляла другую какую-нибудь часть военнаго убора, остается неизвѣстнымъ.

Рис. 37.

Изъ представленнаго выше обозрѣнія предметовъ вооруженія видно, что лицо, погребенное въ курганѣ Карагодеуашхъ, употребляло главнымъ образомъ мечъ, копья и лукъ со стрѣлами, ближе всего подходившіе къ вооруженію царя Чертомлыцкаго. Въ самомъ дѣлѣ, размѣры и форма меча, копій и стрѣлъ, пластина отъ налучія и точильный камень — всѣ эти особенности вооруженія Карагодеуашхскаго и Чертомлыцкаго обнаруживаютъ настолько значительное сходство между собою, что невольно приходитъ въ голову мысль о томъ, не было-ли у того и другого одного общаго источника происхожденія въ какой-нибудь изъ греческихъ мастерскихъ. Такое-же сходство въ меньшихъ размѣрахъ замѣчается вообще между вооруженіемъ Карагодеуашхскимъ и соотвѣтствующими предметами древности, открытыми въ главнѣйшихъ могилахъ Скиѳо-Сарматской эпохи. Между ними, впрочемъ, есть и отличія. Такъ, напр., пластины, украшавшей ножны отъ меча, подобной тѣмъ, какія оказались въ Кульобской гробницѣ и Чертомлыцкомъ курганѣ, въ нашей гробницѣ не было. Остатки чешуйчатыхъ панцырей или кольчугъ, найденные во второмъ и шестомъ изъ Семибратнихъ кургановъ, встрѣчались и въ курганахъ Кульобскомъ, Нимфейскихъ, Цымбалкѣ и Александропольскомъ. Извѣстно, также, что нѣкоторые изъ племенъ кавказскихъ, напр. Алваны, носили панцыри[5]). Въ числѣ карагодеуашхскихъ древностей, однако, остатковъ панцыря не было найдено. Въ этомъ отношеніи лицо, погребенное въ курганѣ Карагодеуашхъ, напоминаетъ варваровъ «особаго типа», изображенныхъ на двухъ

---

[1]) Ch. Daremberg et E. Saglio, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, t. I, Par. 1878, p. 1250, fig. 1638.
[2]) Strab., XI, 4, 5.
[3]) В. Стасовъ, Ibid., Таб. VI, IX и X.
[4]) А. Лаппо-Данилевскій, Ibid., стр. 92—93.
[5]) Strab., XI, 4, 4 и 5.

Керченскихъ фрескахъ[1]): они такъ-же лишены какихъ-бы то ни было латъ или панцырей. Впрочемъ, отличіе карагодеуашхскаго вооруженія отъ извѣстныхъ доселѣ по находкамъ въ разныхъ могилахъ, не столько качественно, сколько количественно. Въ большинствѣ царскихъ «Скиѳскихъ» кургановъ (толстыхъ могилъ) было больше предметовъ вооруженія, чѣмъ въ Карагодеуашхскомъ. Объясняется-ли это разной степенью воинственности, болѣе или менѣе значительнымъ богатствомъ лицъ, погребенныхъ въ этихъ курганахъ, или, наконецъ, простою случайностью, рѣшить трудно.

3. Орнаментика предметовъ древности, открытыхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ.

Орнаментъ, которымъ разукрашены многіе изъ предметовъ древности, открытые въ курганѣ Карагодеуашхъ, довольно разнообразенъ и по техникѣ и по содержанію[2]): чеканный или литой геометрическій узоръ здѣсь нерѣдко замѣняется растительнымъ, встрѣчаются также изображенія животныхъ и человѣческихъ головъ или фигуръ; бываютъ, наконецъ, случаи, когда всѣ эти разновидности соединяются вмѣстѣ для того, чтобы смѣшаннымъ орнаментомъ придать художественную цѣнность какой-нибудь бляхѣ или другому предмету роскоши.

а) Геометрическій орнаментъ.

Одинъ изъ наиболѣе первобытныхъ пріемовъ геометрической орнаментаціи состоялъ въ томъ, чтобы поле предмета украшать косыми нарѣзками, какъ это видно, напр., на оконечностяхъ царской гривны (Таб. II, № 7). Расположеніе этихъ линій въ разныхъ направленіяхъ ведетъ къ образованію петель. Такой сѣтчатый орнаментъ встрѣчается уже на древнихъ керамическихъ издѣліяхъ каменнаго вѣка. Нѣчто подобное изображено и на одеждѣ варваровъ, представленныхъ на пластинѣ съ колпака царицы (Таб. III, № 1): край платья одной изъ женскихъ фигуръ, стоящихъ по правую руку отъ царицы, и поясъ варвара, помѣщеннаго въ правомъ углу пластины, снабжены такими украшеніями. Этотъ типъ уже встрѣчался намъ на скиѳскихъ большихъ бронзовыхъ сосудахъ съ подножкою, въ которыхъ варилась пища, и на древнихъ бронзовыхъ издѣліяхъ изъ Кобани[3]).

Веревочный орнаментъ въ нашемъ собраніи также представленъ довольно слабо, хотя, быть можетъ, отличается такою-же древностью, какъ и сѣтчатый. На краяхъ золотой продолговатой бляхи, вѣроятно, украшавшей мужской головной уборъ (Таб. VIII, №№ 1 и 2), и на пяти обломкахъ штукатурки со стѣнъ гробницы замѣчаемъ мы подобнаго рода украшеніе; оно извѣстно

---

[1]) В. Стасовъ, Ibid., Таб. VI и X.

[2]) Предлагаемый очеркъ не дастъ полнаго и детальнаго обзора греческой орнаментики, встрѣчаемой на предметахъ древности изъ кургана Карагодеуашхъ, такъ какъ вопросъ этотъ подвергнутъ подробному анализу спеціалистомъ по исторіи греческаго искусства, г. Мальмбергомъ. Представляя поэтому въ настоящемъ параграфѣ общій обзоръ разнообразныхъ типовъ орнамента, мы обратили спеціальное вниманіе лишь на нѣсколько бляшекъ, имѣющихъ бытовое значеніе.

[3]) E. Chantre, Ibid., t. II, Atlas, Pl. I, № 2 (желѣзный топоръ).

намъ и по немногимъ предметамъ, найденнымъ въ могилахъ скиоскихъ, встрѣчается, напр., на рукояти меча и на пластинѣ съ ноженъ того-же меча изъ Чертомлыцкаго кургана [1]).

На платьѣ царицы и на кафтанѣ ея слуги, а также на одной изъ треугольныхъ бляшекъ нашего собранія помѣщенъ другого рода орнаментъ, состоящій изъ точекъ или маленькихъ горошинъ, сложенныхъ рядами пирамидально такъ, что вся группа получаетъ видъ треугольника. Множество подобнаго рода треугольныхъ пластинокъ, заполненныхъ горошинами, найдено въ курганахъ Скиоо-Сарматской эпохи и среди сибирскихъ предметовъ древности [2]). Платье царицы, быть можетъ, украшено такими-же бляхами; на другой пластинкѣ нашего собранія (Таб. II, № 3), тотъ-же орнаментъ встрѣчается въ видѣ фигуръ, выдавленныхъ на гладкомъ ея полѣ.

Кольчатыя украшенія, вырѣзанныя на оконечностяхъ царскаго шейнаго обруча царицы карагодеуашхской и въ рельефѣ обнимающія оконечности царской гривны, встрѣчались и ранѣе, напр., на шейномъ кольцѣ женщины, погребенной въ Кульобской гробницѣ [3]). Не большее значеніе имѣютъ концентрическіе кружки, расположенные, напр., на оборотной сторонѣ бронзоваго зеркала изъ нашей гробницы (рис. 6), или на обломкахъ штукатурки (рис. 57), и извѣстные по многимъ образцамъ самаго разнообразнаго происхожденія.

Весьма распространеннымъ орнаментомъ въ древности была спираль. Она красуется на множествѣ вещей, открытыхъ въ Гиссарлыкѣ, Микенахъ, на Кавказѣ и далѣе на сѣверъ и на западъ [4]). Украшеніе это видимъ мы на нѣсколькихъ предметахъ древности изъ нашего собранія: розетки отъ серегъ царицы украшены спиралями, бляшки по краямъ ея платья расположены спиралевидно такъ-же, какъ и на штанахъ Скиоа, натягивающаго свой лукъ, на горитахъ Скиоовъ кульобской вазы и на одеждѣ двухъ варваровъ вазы Ксенофанта [5]). Этотъ орнаментъ, вѣроятно, проникъ въ область Кубани вмѣстѣ съ предметами греческаго издѣлія, каковы, напр., серьги царицы, схожія по орнаментикѣ съ кульобскими, или любопытный золотой медальонъ, украшенный драгоцѣнными камнями, съ изображеніемъ Афродиты Небесной [6]). Нельзя не признать, однако, что спиралевидный орнаментъ могъ имѣть и туземное происхожденіе, ибо въ томъ видѣ, въ какомъ мы его находимъ на платьѣ царицы, а также на скиоской одеждѣ, онъ встрѣчается и на различныхъ предметахъ древности, открытыхъ на Кавказѣ, какъ, напр., на ножахъ, топорахъ, поясныхъ бляшкахъ и статуеткахъ Кобанскаго и Степанъ-Цминдскаго могильниковъ [7]).

---

[1]) Отч. Археол. Ком. за 1864 г., Атласъ, Таб. V, р. 4. Древ. Герод. Скиоіи, Атласъ, вып. I, Таб. XXXV, №№ 2 и 4. Ср. Ibid., Таб. XV, pp. 1, 3, 4.

[2]) Древ. Босф.Ким., Атласъ, Таб. XXII, №№ 7 и 25. Отч. Археол. Ком. за 1865 г., Атласъ, Таб. III, № 19. Древ. Герод. Скиоіи, Атласъ, вып. I, Таб. IX, №№ 16 и 21; Таб. XL, №№ 3, 8 и 19. Отъ Археол. Ком. за 1882—1888 г., Атласъ, Таб. V, № 12. Зап. Одесск. Общ. Истор. и Древ. т. XV, Од. 1889 г., Таб. II, № 8. Нѣсколько замѣчаній объ этомъ орнаментѣ см. у Ch. de Linas, Ibid., t. II, pp. 391—396.

[3]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. VIII, № 2 (?).

[4]) R. Virchow, Das Gräberfeld von Koban, ss. 45, 124. Спиралевидными украшеніями особенно богатъ Кобанскій могильникъ (Ibid., s. 131).

[5]) Древ. Босф. Ком., Атласъ, Таб. VII, №№ 13 и 16; Таб. XXXIII, № 2. Отч. Археол. Ком. за 1866 г., Таб. IV, № 1.

[6]) Н. Кондаковъ и гр. И. Толстой, Рус. Древ., вып. II, стр. 45.

[7]) E. Chantre, Ibid., t. II, p. 61 et 142; Atlas, Pl. I, № 3; Pl. II, № 3; Pl. III, № 2; Pl. X, №№ 2 et 3;

Къ геометрическому орнаменту, быть можетъ, слѣдуетъ причислить и два рода украшеній на чеканныхъ золотыхъ бляшкахъ. Одно изъ нихъ вытиснуто на двухэтажной пластинкѣ, въ верхней части которой помѣщены два концентрическіе кружка, а въ центрѣ и пространствѣ между ними выдавлены горошины. Другое представлено въ видѣ какой-то фантастической фигуры (Таб. II, № 4). Основную схему этой фигуры, какъ кажется, составляетъ крестъ, поперечная перекладина котораго съ обѣихъ сторонъ снабжена вывороченными скобками, а самый центръ разросся въ кружокъ, заполненный горошинами. Простѣйшіе элементы этого рисунка мы и теперь еще находимъ у Лопарей, употребляющихъ его въ видѣ знака собственности (рис. 38)[1]). Возможно также отмѣтить нѣкоторое сходство нашей фигуры со стилемъ одного изъ древне-персидскихъ символовъ и тамгъ западно-кавказскихъ горцевъ; полнаго соотвѣтствія между нашимъ изображеніемъ и этими знаками намъ, однако, подмѣтить не удалось[2]).

Рис. 38.

Не менѣе своеобразнымъ характеромъ отличаются довольно потертые орнаменты, помѣщенные на двухъ бляхахъ съ ушками, вѣроятно, прикрѣплявшихся къ конскому убору. Нижняя часть первой изъ нихъ украшена центральной розеткой, вокругъ которой вьется спиралевидная полоска въ слабомъ рельефѣ; вслѣдъ за нею на поляхъ — полукругомъ рядъ маленькихъ горошинъ. Орнаментъ верхней части состоитъ изъ нѣсколькихъ кривыхъ линій непонятнаго для насъ назначенія (рис. 39). Въ общемъ эта бляха нѣсколько напоминаетъ по стилю верхнюю часть золотого конскаго нащечника изъ Цымбаловой могилы, а нижней своей частью, быть можетъ, по простой случайности, близко подходитъ къ золотымъ тисненнымъ бляшкамъ изъ кургана у села Россовы, Каневскаго уѣзда (Кіевской губ.)[3]). Вторая изъ бляхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, представляетъ какъ-бы выпуклую пуговку съ шейкой; пуговку обнимаетъ полоска, которая подлѣ шейки оканчивается завитками (рис. 40). Значеніе этихъ украшеній также остается для насъ неяснымъ; во всякомъ случаѣ стиль ихъ, вѣроятно,

Рис. 39.
(въ нат. вел.)

---

t. III, Pl. XI, № 1.—Ibid., т. II, Atlas, Pl. VIII, №№ 1, 3, 6; Pl. IX, № 1; Pl. IXbis, №№1 et 3; Pl. X, № 1; Pl. X^{bis}, № 1. Срав. также Ibid., Pl. XIIIbis, № 4. На статуэткахъ изрѣдка также встрѣчаются спиралевидныя украшенія; см. Ibid., t. II, Atlas, Pl. LVII, № 3. R. Virchow, Ibid., s. 64.

[1]) Е. Соловьевъ. Знаки собственности въ Россіи, Казань, 1885 г., Таб. 18, №№ 143, 145, 203, 207, 213. Знакъ этотъ, хотя и довольно простой формы, однако, не встрѣчается у другихъ инородцевъ и, наоборотъ, извѣстенъ у русскихъ (Ibid., Таб. 65). О наложеніи знаковъ собственности на движимости, между прочимъ на платье и на обувь, см. тамъ-же, стр. 155—157.

[2]) Е. Фелицынъ, Сборникъ тамгъ или фамильныхъ знаковъ западно-Кавказскихъ горцевъ и племени Кабертай Адигскаго народа въ Зап. Одесскаго Общ. Ист. и Древ., т. XV, Од. 1889 г., стр. 504. Нѣсколько сходна съ нашей тамга, изображенная подъ № 276. Ch. de Linas, Les origines de l'orfévrerie cloisonnée, t. II, p. 125. Symboles et monogrammes perses, № 11.

[3]) По формѣ своей эта бляшка напоминаетъ одну изъ Александропольскихъ въ видѣ какого-то животнаго (Древ. Герод. Скиө., Атласъ, вып. I, Таб. XIII, №№ 5 и 8), нѣсколько менѣе — уздечное украшеніе, найденное во второмъ Семибратнемъ курганѣ (Отч. Археол. Ком. за 1876 г., стр. 126); это послѣднее также представляетъ какое-то фантастическое животное. Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія древности, вып. II, стр. 116. С. Прохоровъ, Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ. Спб. 1881 г., Таб. XXV, №№ 1—4.

мѣстный туземный, или чужеземный восточный и не можетъ быть причисленъ къ извѣстнымъ типамъ греческой орнаментики.

Другого происхожденія и инымъ характеромъ отличается, вѣроятно происшедшій изъ спиральнаго — жгутообразный орнаментъ; его пустыя пространства, образуемыя перевивающимися на крестъ жгутами, заполнены глазками; этотъ орнаментъ, наравнѣ съ извѣстнымъ овоиднымъ, украшаетъ нѣкоторые изъ карагодеуашхскихъ предметовъ древности, напр., серьги царицы, пластины отъ ея колпака и отъ царскаго колчана (Таб. III, №№ 1, 6; Таб. VII, № 9; Таб. IX, №№ 1—2), а также большой серебряный ритонъ (рис. 56), и часто встрѣчается на предметахъ греческой работы, найденныхъ въ могилахъ и гробницахъ южной Россіи[1]). Не считая бляшекъ варварскаго стиля отъ колчана (?), эти типы служатъ обычными украшеніями вещей греческаго происхожденія и вмѣстѣ съ ними проникли въ область Прикубанья. Тоже слѣдуетъ сказать и о розеткахъ изъ кургана Карагодеуашхъ. Розетки небольшія, составлены изъ десяти лучей, слѣдовательно, сходны съ нѣкоторыми изъ подобнаго рода предметовъ, открытыхъ въ скиоскихъ могилахъ, напр., Александропольскими[2]) и вообще греческими; звѣзды, въ видѣ украшеній употреблявшіяся на востокѣ, напротивъ, надѣлены обыкновенно четырмя, пятью, шестью, семью, восемью, девятью, рѣже одиннадцатью, и чаще двѣнадцатью и четырнадцатью лучами[3]). Наши розетки могли, конечно, имѣть одно лишь орнаментальное значеніе; возможно, однако, что онѣ, какъ условныя изображенія свѣтилъ, служили символами вѣчности, особенно пригодными для украшенія одежды или погребальнаго покрова умершаго.

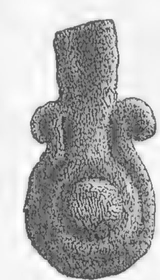

Рис. 40.
(въ нат. вел.)

b) Растительный орнаментъ.

Растительный орнаментъ въ нашемъ собраніи представленъ довольно слабо, большею частью въ обыденныхъ формахъ греческаго искусства. Но и здѣсь, все-же можно указать два ряда различныхъ типовъ. Къ первой группѣ слѣдуетъ причислить украшенія въ видѣ переплетающихся листьевъ, на донышкѣ глинянаго блюда съ подножкой (рис. 17), подобныя тѣмъ, какія изображены на керченскихъ чашахъ и на глиняныхъ обломкахъ, найденныхъ въ Сухумѣ[4]), а также трехлепестковый цвѣтокъ, представленный на золотой треугольной бляшкѣ, весьма грубой работы (Таб. VII, № 1), и извѣстный намъ уже ранѣе по обломку глиняной тарелки, открытой подлѣ казармъ на юго-восточномъ берегу Сухумской бухты[5]). Ко второй группѣ принадлежатъ общеизвѣстныя украшенія, несомнѣнно греческаго происхожденія, хотя, быть можетъ, родину нѣкоторыхъ изъ нихъ и слѣдуетъ искать на востокѣ. Таковъ, напр., орнаментъ въ видѣ плюща и пальметокъ, украшающій бляху отъ царскаго башлыка (Таб. VIII, №№ 1 и 2), ма-

---

[1]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. II, № 2. Древ. Герод. Скиоіи, вып. I, Таб. XI, №№ 6 и 10; вып. II, Таб. XXXVI, №№ 3, 4 и 8 и мн. друг.

[2]) Древ. Гер. Скиоіи, Атласъ, вып. I, Таб. IX, № 4.

[3]) В. Стасовъ, Ibid., стр. 275—279.

[4]) В. Сизовъ, Ibid., Таб. I, № 1,

[5]) В. Сизовъ, Ibid., Таб. V, № 16.

ленькую круглую пластинку съ цвѣткомъ въ центрѣ (Таб. II, № 1), ожерелье царицы (Таб. IV, № 1), ритонъ (рис. 41) и обломокъ отъ сосуда (Таб. VI, № 4); растительный орнаментъ встрѣчается также на бронзовомъ зеркалѣ (рис. 6), вѣроятно, принадлежавшемъ царицѣ, и на верхнемъ ободкѣ одного изъ ритоновъ; послѣдній видъ орнамента (рис. 56), сильно поврежденный, походилъ повидимому, на украшеніе, которое окаймляетъ верхнюю часть обруча отъ шапки царя Кульобскаго. Лавровый вѣнокъ раздѣляетъ тотъ-же ритонъ на двѣ половины. Множество предметовъ греческаго издѣлія, найденныхъ въ гробницахъ южной Россіи, носили подобнаго рода орнаменты, извѣстные и въ персидскомъ искусствѣ [1]).

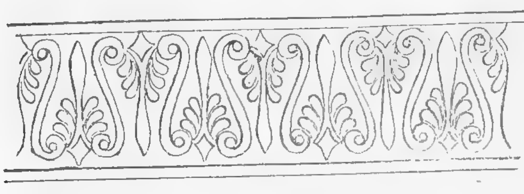

Рис. 41.
(въ нат. вел.)

c) Животный орнаментъ.

Бѣдность предшествующаго отдѣла нѣсколько вознаграждается богатствомъ и разнообразіемъ звѣринаго стиля, какой мы можемъ наблюдать на предметахъ древности, открытыхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ. Изображенія животныхъ или прорѣзной работы [2]), или, большею частью, представлены на глухомъ полѣ. Къ числу первыхъ принадлежатъ фигуры на бляшкахъ, въ видѣ летящихъ птицъ (Таб. III, №№ 4 и 5), и нѣкоторыя изъ украшеній отъ конскаго убора (Таб. VII, №№ 2—5), къ числу вторыхъ всѣ остальные орнаменты звѣринаго стиля. И тѣ и другіе предметы обнаруживаютъ различную технику, служатъ образцами чеканной работы, литейнаго дѣла или рѣзного искусства. По характеру своему звѣриный стиль тоже не отличается однообразіемъ: одни изъ изображеній, повидимому, туземнаго происхожденія, другія представлены въ формахъ греческаго искусства или созданы собственно греческимъ художественнымъ творчествомъ.

Къ первому разряду принадлежатъ нѣкоторыя фигуры на бляшкахъ отъ колчана и на пряжкахъ отъ конскаго убора. На треугольной пластинѣ отъ колчана, описанной выше, представленъ любопытный рисунокъ въ варварскомъ вкусѣ. Основнымъ мотивомъ этой фигуры чеканной работы служитъ голова какого-то звѣря съ раскрытою пастью, снабженная сзади двумя отростками; однимъ изъ нихъ, прямымъ, художникъ, быть можетъ, символически хотѣлъ означить туловище, другимъ, въ видѣ завитка, крылья загадочнаго животнаго. Изображенія такихъ головъ, числомъ 14, помѣщены вокругъ прямолинейнаго стержня, занимающаго срединную часть треугольника такъ, что шесть изъ нихъ упираются мордами или клювами въ правый его бокъ, шесть другихъ въ лѣвый, а два послѣднихъ, повидимому такого-же типа, но меньшихъ размѣровъ (вѣроятно неудавшіяся), находятся у обѣихъ его оконечностей. Такимъ образомъ, каждая изъ головъ расположена горизонтально одна надъ другой; всѣ онѣ идутъ въ

---

[1]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. II, № 3; Таб. XXIII, № 7. Древ. Герод. Скиѳіи, Атласъ, вып. II, Таб. XXXVI, № 5. Отч. Археол. Ком. за 1878—1879 г., Атласъ, Таб. III, № 2. Н. Кондаковъ и гр. И. Толстой, Русскія древности, вып. II, стр. 117. G. Ossowski, Ibid., Tab. III, № 3.

[2]) О прорѣзной работѣ у древнихъ Грековъ см. замѣчанія Л. Стефани въ Отч. Археол. Ком. за 1872 г., стр. 147—154.

одномъ направленіи вокругъ стержня и образуютъ два ряда, звенья которыхъ, однако, не совпадаютъ между собою. Вся фигура занимаетъ центральную часть треугольника, обведеннаго по краямъ пунктиромъ (Таб. VIII, № 9). Низкопробное золото, грубая техника и варварскій стиль рисунковъ достаточно ясно указываютъ на ихъ происхожденіе тѣмъ болѣе, что на нѣкоторыхъ изъ сибирскихъ древностей, напр., на одной изъ рукоятокъ отъ ножа Красноярскаго округа, встрѣчаются завитки подобные нашему для означенія, повидимому, птичьихъ туловищъ [1]). Значеніе этой фигуры остается для насъ непонятнымъ; она могла употребляться для профилактическихъ цѣлей. Такимъ-же варварскимъ стилемъ отличались и бляхи отъ колчана чеканной работы. На этихъ бляшкахъ (не вполнѣ одинаковыхъ по длинѣ) встрѣчаются грубые, едва намѣченныя рисунки разныхъ животныхъ.

На одной изъ нихъ видиѣется крайне несовершенное изображеніе оленя; его голова съ рогами и длинной раздвоенной мордой, слѣды туловища и двѣ ноги скомпанованы неискусной рукой; все это вмѣстѣ взятое не отличается художественною цѣльностью [2]) (рис. 42).

Рис. 42.
(въ нат. вел.)

Морда нашего оленя не только раздваивается; снизу, кажется, виденъ язычекъ, который для означенія бороды встрѣчается, напр., и на литыхъ изображеніяхъ козловъ съ Новочеркасской короны. Рога животнаго, представленнаго на пластинкѣ отъ колчана, снабжены петлеобразными развѣтвленіями; такой пріемъ употребленъ былъ для означенія козлиныхъ роговъ тѣхъ-же Новочеркасскихъ четвероногихъ, попадается и на сибирскихъ бляшкахъ, изображающихъ аналогичные сюжеты, напр. Минусинскихъ. Возможно поэтому, что художникъ, отдѣлывавшій описанныя нами пластины, хотѣлъ изобразить козла, а не оленя; впрочемъ, сходство этихъ животныхъ и крайне грубая несовершенная работа не даютъ возможности рѣшить этотъ вопросъ окончательно [3]).

Изображенія оленя часто встрѣчаются на различныхъ предметахъ Скиѳо-Сарматской эпохи. Одни изъ нихъ греческой работы, другія, подобно нашему, обнаруживаютъ явные слѣды варварскаго стиля: таковы, напр., рисунки на пластинкахъ одного изъ Семибратнихъ кургановъ (cervus elaphus), а также на бляшкѣ изъ Акмечетскаго кургана; голова оленя, представленнаго на этой послѣдней, нѣсколько приближается къ рельефамъ нашихъ пластинокъ [4]). Не менѣе распространеннымъ былъ подобнаго рода орнаментъ и на Кавказѣ: въ могильникахъ Кобанскомъ,

---

[1]) В. Радловъ, Сибирскія древности. Т. I, вып. 1, въ Матеріалахъ по археологіи Россіи, изд. Имп. Археол. Ком. № 3. Спб. 1888 г., стр. 18.

[2]) На стѣнахъ нашей гробницы также, повидимому, были изображенія оленей, которыя, къ сожалѣнію, не сохранились. Одна изъ стѣнъ Керченской катакомбы, открытой въ 1872 г., подъ штукатуркой покрыта была подобнаго рода рисунками. (В. Стасовъ, Ibid., Таб. XVI).

[3]) Извѣстно, что олени, такъ-же, какъ и козлы, могли встрѣчаться на Кавказѣ. «Au sud» пишетъ д'Орбиньи, «on voit des rennes dans le prolongement des monts Ourals, qui s'avancent entre le Don et le Volga jusqu'au 46e degré et ils parviennent ainsi au pied du Caucase sur les bords de la Kouma...» Ch. de Linas, Les origines de l'orfévrerie cloisonnée, t. II, p. 172.

[4]) Отч. Археол. Ком. за 1863 г., стр. 140; тоже за 1865 г., стр. 73, 89, 186, 189; тоже за 1868 г., стр. 6. Отч. Археол. Ком. за 1876 г., стр. 135, 145—146. Н. Кондаковъ и гр. И. Толстой. Ibid., вып. II, стр. 126.

Степанъ-Цминдскомъ, Самтаврскомъ и въ Хевсуріи олень — излюбленный мотивъ мѣстной орнаментики; его мы встрѣчаемъ на бляхахъ и въ пластическомъ видѣ, какъ привѣску; и тамъ и здѣсь онъ постоянно мѣняется въ формахъ, хотя эта измѣнчивость и держится въ предѣлахъ довольно грубаго реализма[1]). Наконецъ, много такихъ-же образцовъ можно подыскать въ числѣ сибирскихъ древностей[2]). Всѣ эти изображенія, быть можетъ, имѣли профилактическое значеніе. Олень считался символомъ долговѣчности; онъ-же былъ аттрибутомъ Артемиды, мѣстнаго божества Понта и Каппадокіи. Отсюда возникло вѣрованіе въ предохранительное значеніе оленя, «вслѣдствіе этого и примѣненіе его изображеній къ украшенію различныхъ предметовъ, въ особенности же золотыхъ пластинокъ, нашивавшихся на одежду, было чрезвычайно распространено»[3]). Наши изображенія на пластинкахъ отъ колчана, вѣроятно, имѣли такое-же значеніе, тѣмъ болѣе, что онѣ служили украшеніемъ вооруженія царя Карагодеуашхскаго и, слѣдовательно, могли предохранять его отъ опасностей во время охоты или военнаго похода.

Кромѣ чеканныхъ изображеній птицъ (?) и оленей въ числѣ орнаментальныхъ мотивовъ на Карагодеуашхскихъ предметахъ древности встрѣчаются еще литыя фигуры конскихъ головъ, украшавшія конскій уборъ. Одинъ изъ этихъ типовъ представляетъ припаянную къ продолговатой бляхѣ конскую головку весьма грубой работы, съ отверстіемъ, продѣланнымъ въ ея шеѣ, вѣроятно, для того, чтобы прикрѣплять предметъ къ мѣсту назначенія; нижняя часть пластинки и конской морды, къ сожалѣнію, обломались, что лишаетъ насъ возможности судить о фигурѣ въ ея цѣломъ (Таб. VII, № 2). Бляха эта, вѣроятно, служила конскимъ налобникомъ; нѣсколько такихъ-же украшеній найдено въ могилахъ скиѳскихъ, какъ напр., въ Александропольской и Чертомлыцкой. Правда, что въ этихъ украшеніяхъ есть особенность, которой нѣтъ на нашей бляхѣ; нижняя часть ихъ основаній (быть можетъ потому, что онѣ сохранились въ цѣломъ видѣ) расширяется и разукрашена особаго рода орнаментомъ; вообще скиѳскіе налобники менѣе грубой работы, чѣмъ наша бляха, хотя и они отзываются варварскимъ стилемъ[4]). Другой типъ лошадей встрѣчается на трехъ бляшкахъ также отъ конскаго убора царя Карагодеуашхскаго. На каждой изъ нихъ изображено по двѣ (прорѣзныхъ) лошадиныхъ головы въ профиль; большіе круглые глаза, черезмѣрно суженныя челюсти и растопыренныя загнутыя къ верху губы выражены въ довольно условномъ стилѣ; обѣ головы связаны дугообразной пластинкой, которая замѣняетъ шею животныхъ, а между ними помѣщается какое-то украшеніе съ глазкомъ, расположеннымъ, ради симметріи, въ уровень съ глазами изображенныхъ по обѣ его стороны лошадей. Пріемы такого стиля нѣсколько напоминаютъ намъ головы фантастическихъ животныхъ, представленныхъ на Краснокутскомъ нащечникѣ[5]) и встрѣчаются на кавказскихъ рисункахъ: длинную голову съ лебединой шеей, навостренными ушами, стиснутыми

---

[1]) R. Virchow, Ibid., ss. 48, 56, 60, 65, 134. Atlas, Taf. I, № 5; Taf. VIII, №№ 3, 13.

[2]) I. R. Aspelin, Antiquités etc. №№ 307, 311, 314, 315.

[3]) Л. Стефани, Объясненіе нѣкоторыхъ художественныхъ произведеній, открытыхъ въ южной Россіи въ 1862 и 1875 гг. въ Отч. Археол. Ком. за 1863 г., стр. 140—143, и за 1876 г., стр. 145—146. О религіозномъ значеніи рогатой оленицы см. у Ch. de Linas, Ibid., t. III, pp. 188—203 et 223.

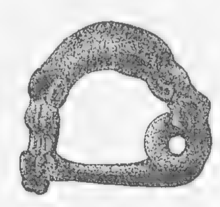
[4]) Древн. Герод. Скиѳіи, вып. I, Таб. XIII, № 6—7; вып. II, Таб. XXIII, №№ 2 и 3. Налобникъ, изображенный на Таб. VII, № 5 вып. I-го, не имѣетъ расширяющагося къ низу основанія; другой, помѣщенный тамъ-же на Таб. XII, № 1 и 2, иного устройства, не похожаго на Карагодеуашхское.

[5]) Древн. Герод. Скиѳіи, Атласъ, вып. II, Таб. XXIII, № 5.

челюстями и растопыренными губами видимъ мы, напр., на изображеніи коня съ поясной пластинки, найденной въ Кобани (рис. 43)[1]); послѣднія двѣ особенности не трудно замѣтить и на другомъ поясномъ изображеніи изъ Ахталы и на бронзовой фибулѣ изъ Чегемскаго могильника въ Оссетіи, какъ это видно по прилагаемымъ рисункамъ (рис. 44 и 45)[2]). Самый мотивъ парнаго соединенія лошадиныхъ головъ, связанныхъ дугообразнымъ прутомъ или пластиной, пред-

Рис. 43.
(въ нат. вел.)

Рис. 44.
(въ нат. вел.)

Рис. 45.
(въ нат. вел.)

ставляютъ таже фибула изъ Оссетіи (рис. 45) и нѣсколько бляшекъ изъ Болгаръ и Пермской губерніи[3]). Парное соединеніе цѣлыхъ коней также попадалось на предметахъ изъ Кобани, Камыште, Камбылте и Сибири, но отличается иною композиціей, чѣмъ рисунки съ Карагодеуашхскихъ пластинокъ[4]). Описанныя бляшки роднятъ такимъ образомъ Карагодеуашхскія древности съ кавказскими и даже сибирскими[5]).

Рис. 46.
(въ нат. вел.)

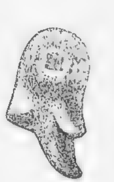
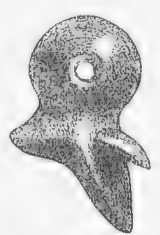
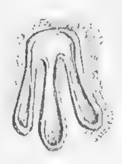

Рис. 47.
(въ нат. вел.)

Рис. 48.
(въ нат. вел.)

Рис. 49.
(въ нат. вел.)

Рис. 50.
(въ нат. вел.)

Гораздо менѣе яснымъ содержаніемъ, чѣмъ перечисленныя выше, отличаются чеканныя изображенія, помѣщенныя на нѣсколькихъ пластинкахъ отъ колчана и литыя фигуры, украшавшія конскій уборъ. На пластинкахъ вслѣдъ за оленемъ, описаннымъ выше, помѣщены фигуры, изъ которыхъ первая и вторая нѣсколько напоминаютъ привѣски, найденныя на Кавказѣ, напр. въ Кобанскомъ могильникѣ (рис. 46—50). Эти привѣски можно принять за изображенія кабаньихъ

---

[1]) E. Chantre, Ibid., t. II, Atlas, Pl. IX, № 5.

[2]) J. de Morgan, Ibid., t. I, p. 141. B. Миллеръ, Ibid., таб. XXI, № 5.

[3]) I. R. Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, №№ 693, 695, 697, 698, 783 и 975. Тоже у В. Прохорова: Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ, Спб. 1881 г., Таб. XXVI, № 5 и Таб. 37, №№ 7, 8, и 11.

[4]) E. Chantre, Ibid., t. II, Atlas, Pl. XX, № 2; t. III, Pl. VI, № 7. Ср. В. Миллеръ, Ibid., Таб. XII, № 10. Ch. de Linas, Ibid., t. II, p. 388.

[5]) Примѣры бикефализма встрѣчаются и въ западно-европейской сѣверной орнаментикѣ, см. S. Müller, Die Thier-Ornamentik im Norden, übersezt von I. Mestorf, Hamburg. 1881, s. 29, fig. 16, 17, 18; s. 58, fig. 44 и Taf. I, № 32. Послѣдній орнаментъ по мотиву подходитъ къ нашимъ бляшкамъ.

головъ[1]) и придавать имъ религіозное или предохранительное значеніе, подобное тому, какимъ пользовались у скиѳскихъ племенъ кабанъ или свинья, символы Афродиты, богини плодородія, схожей въ этомъ отношеніи съ скиѳской Апіей[2]). Литыя, прорѣзныя фигуры отъ конской сбруи отличаются фантастическимъ стилемъ (Таб. VII, №№ 4 и 5); онѣ, повидимому, состоятъ изъ нѣсколькихъ головъ съ загнутыми клювами; но ближайшее значеніе этихъ изображеній остается не разгаданнымъ. Вообще, можно сказать, что онѣ такъ-же, какъ и вышеописанныя украшенія конской сбруи, напоминаютъ предметы, найденные въ Семибратнихъ могилахъ[3]).

Разсмотрѣнные нами виды орнамента, вѣроятно, мѣстнаго происхожденія и во всякомъ случаѣ туземнаго или родственнаго съ туземнымъ стиля. Стиль этотъ преступаетъ границы реализма, даетъ волю фантазіи; послѣдняя, однако, не находя опоры въ образованіи и сдержки во

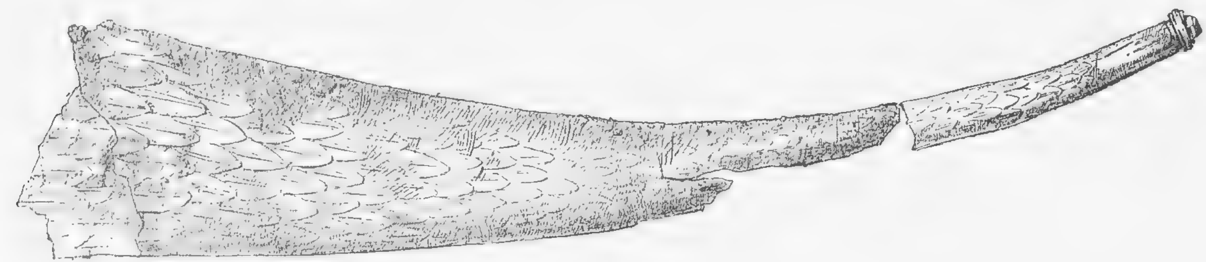

Рис. 51.
(въ 1/2 нат. вел.)

внутреннемъ единствѣ творческаго замысла художника, тщетно пытается облечься въ художественныя формы, теряетъ почву подъ ногами и кончаетъ тѣмъ, что перерождаетъ реальную животную фигуру въ довольно безсмысленный наборъ условно-орнаментальныхъ знаковъ.

Другимъ характеромъ отличается звѣриный орнаментъ въ формахъ греческаго искусства. Анализировать эти формы одну за другой — значило бы выйти изъ рамокъ настоящей работы. Мы ограничимся, поэтому, лишь простымъ перечисленіемъ сюжетовъ, встрѣчающихся на предметахъ древности, открытыхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ, и аналогичныхъ украшеній, извѣстныхъ намъ по могиламъ Скиѳо-Сарматской эпохи. Карагодеуашхскіе предметы древности греческой работы орнаментированы изображеніями орловъ и голубей (?), утокъ и лебедей, быковъ, барановъ, львовъ, гиппокамповъ и звѣриныхъ сценъ, въ которыхъ принимаютъ участіе львы, олени, кабаны и грифоны[4]).

---

[1]) Каталогъ собранія древностей гр. А. С. Уварова, М., 1887 г., вып. I, Таб. XIX, № 367. E. Chantre, Ibid., t. II, Atlas, Pl. XXV, №№ 9—13. Изображеніе № 4. Ср. съ рисункомъ въ Древн. Босф. Ким., Атласъ, Таб. XXIX, № 13.

[2]) Древн. Герод. Скиѳіи, Атласъ, вып. I, Таб. XIII № 1. Ср. Древн. Босф. Ким.. Атласъ, Таб. XXIX, №№ 8—10. Preller, Griechische Mythologie, I, s. 492.

[3]) Древн. Босф. Ким., Атласъ, Таб. XXIX, №№ 8—13. Отч. Археол. Ком. за 1876 г. стр. 135—136. Примѣры поликефализма въ западно-европейской сѣверной орнаментикѣ см. у S. Müller'a, Ibid., s. 64, fig. 47 и s. 117, fig. 65.

[4]) Къ этому отдѣлу, быть можетъ, слѣдуетъ отнести и тѣ украшенія, которыя мы видимъ на нижней оконечности большого серебрянаго ритона (рис. 51). Это — чешуйки или перья. Послѣднія встрѣчаются на панцыряхъ (Θώραξ λεπιδωτός, φολιδωτός), найденныхъ, напр., во второмъ Семибратнемъ курганѣ и Додонѣ. (Ch. de Linas, Ibid., t. III, p. 97).

Изображенія орловъ и голубей на пластинкахъ (Таб. III, №№ 4 и 5), хотя и не отличаются тѣмъ архаичнымъ стилемъ, который намъ извѣстенъ по Веттерсфельдскимъ бляшкамъ[1]), тѣмъ не менѣе обнаруживаютъ признаки древности въ неумѣломъ сочетаніи туловища съ полураскрытыми крыльями, разсматриваемаго снизу, и головою въ профиль. Мотивъ этотъ встрѣчается довольно часто, хотя бы на нѣкоторыхъ изъ бляшекъ Таманскихъ гробницъ и Александропольскаго кургана[2]). Орелъ и голубь могли имѣть религіозное, предохранительное значеніе; но, такъ какъ, къ сожалѣнію, религія приазовскихъ варваровъ намъ неизвѣстна, то и опредѣлить ближе это значеніе едва-ли возможно. Орелъ былъ, какъ извѣстно, аттрибутомъ и символомъ Зевса. Скиѳы также почитали Зевса Папиея, а на многихъ Недвиговскихъ надписяхъ, съ изображеніями орловъ и вѣнковъ, рѣчь идетъ объ обществахъ, поклонявшихся какому-то высшему богу (Θεῷ ὑψίστῳ). Наконецъ, нѣкоторыя изъ Кавказскихъ племенъ, какъ напр. Албаны, покланялись Солнцу, Зевсу, хотя большее значеніе придавали Лунѣ[3]). Возможно, поэтому, что и наши изображенія находились въ связи съ почитаніемъ какого-нибудь высшаго божества и, такимъ образомъ, пріобрѣтали охранительное значеніе. Связь между голубемъ и Афродитой въ греческой миѳологіи также извѣстна, а между тѣмъ Скиѳы чтили, по словамъ Иродота, Афродиту Уранію или Артимпасу; о почитаніи этой богини въ области Прикубанья, быть можетъ, свидѣтельствуетъ золотой медальонъ, украшенный каменьями, съ изображеніемъ Афродиты Небесной, къ сожалѣнію неизвѣстной находки на Кубани[4]). Точно опредѣлить религіозное или профилактическое значеніе этого орнамента, однако, едва-ли возможно.

Ручки черпательной ложки и ситечка изъ гробницы Карагодеуашхской украшены лебедиными (или гусиными) головками, а одинъ изъ ритоновъ — фризомъ въ видѣ утокъ (рис. 52). Подобнаго рода орнаментъ встрѣчается на такихъже предметахъ, найденныхъ въ Кульобской гробницѣ, могилахъ Ѳеодосійскаго уѣзда и Александропольской[5]). Иногда взамѣнъ лебединыхъ головокъ попадаются головки гусиныя или утиныя[6]). Изображенія лебедя, гуся и утки украшали, кромѣ ручекъ отъ ложекъ и ситечекъ, и другіе аналогичные имъ предметы, напр. Ѳазосскія амфорныя ручки и одинъ изъ сосудовъ Кульобскихъ[7]). Птицы эти находились въ связи съ Афродитой и

Рис. 52.
(въ 1/2 нат. вел.)

---

[1]) A. Furtwaengler, Der Goldfund von Wettersfelde, Berl. 1883, ss. 24—25.

[2]) Древн. Герод. Скиѳіи, вып. I, Таб. VIII, № 22. Отч. Археол. Ком. за 1872 г., стр. 162—163, и Атласъ, Таб. III, №№ 7 и 8. Отч. Археол. Ком. за 1889 г., Атласъ, т. I, №№ 21 и 22.

[3]) Herod. IV, 59. Отч. Археол. Ком. за 1870—1871 г., стр. 229. Strab., XI, 4, 7. Въ гражданской присягѣ Херсонисцевъ также упоминается божество солнца (В. Латышевъ, Греч. и лат. надписи юж. Россіи въ Матеріалахъ по Археол. Россіи, изд. Имп. Археол. Ком., № 9, Спб. 1892 г., стр. 2—3).

[4]) Herod., IV, 59. Н. Кондаковъ и гр. И. Толстой, Русскія Древности, вып. II, стр. 45.

[5]) Отч. Археол. Ком. за 1876 г., стр. XV, XVIII и XXI. Ср. прим. 92.

[6]) Отч. Археол. Ком. за 1876 г., стр. VI.

[7]) Отч. Археол. Ком. за 1869 г., стр. 203. Тоже за 1885 г., стр. XCII. Возможно, впрочемъ, тоже изображеніе принимать и за гусиную головку. F. Dubois de Montpéreux, Voyage, t. V, p. 205. О другихъ предметахъ, украшенныхъ хенисками, см. Л. Стефани, Объясненія и проч. въ Отч. Археол. Ком. за 1859 г., стр. 98.

Эротами[1]); въ данномъ случаѣ, однако, онѣ, вѣроятно, употреблены какъ водяныя животныя, которыми вполнѣ естественно было украшать сосуды, предназначенные для черпанія или храненія жидкостей, тѣмъ болѣе, что на Черномъ морѣ еще въ недавнее время водилось множество утокъ и лебедей[2]).

Золотая головка быка, помѣщенная въ срединной части женскаго ожерелья (Таб. IV, № 2), прекрасной работы, дутая и сзади наглухо прикрыта крышечкой; сверху, на рогахъ, видиѣтся сдѣланная изъ двухъ проволокъ веревка. Такія-же, обыкновенно дутыя, головки, найденныя въ могилахъ на Тамани, подлѣ Ѳеодосіи, въ одномъ изъ кургановъ по дорогѣ изъ Керчи въ Аджи-Мушкай и въ каменной гробницѣ имѣнія Чибечикъ подлѣ Керчи[3]), содержали какую-то мазь и для Грека имѣли профилактическое значеніе[4]), которое могли признавать варвары южной Россіи, занимавшіеся скотоводствомъ[5]).

Далѣе въ нашемъ собраніи имѣется баранья головка, насаженная на золотой конусъ, вѣроятно, оконечность ритона. Не говоря о многихъ ритонахъ, украшенныхъ изображеніями различныхъ животныхъ, можно указать здѣсь, въ видѣ аналогіи, на золотой ритонъ съ бараньей головкой, найденный въ четвертомъ Семибратнемъ курганѣ и подобный-же сосудъ изъ Кульобской гробницы, оканчивающійся переднею частью барана[6]). Вслѣдствіе связи барана съ вакхическимъ цикломъ, такія украшенія вполнѣ умѣстны на ритонахъ, винныхъ сосудахъ по преимуществу[7]).

Фигура льва встрѣчается нѣсколько разъ на предметахъ нашего собранія. Не считая маленькой львиной головки съ цѣпочки хорошей работы, левъ во весь ростъ, разсматриваемый сверху, представленъ на одномъ изъ медальоновъ (Таб. VI, № 4); неумѣлый поворотъ головы профилемъ влѣво, и раскинутыя въ разныя стороны лапы животнаго придаютъ его изображенію архаическій характеръ. Сюжеты подобнаго рода, хотя и не сходные по стилю, уже ранѣе встрѣ-

---

[1]) Подробное изслѣдованіе вопроса о значеніи гуся, лебедя и утки въ греческомъ искусствѣ см. въ работѣ Л. Стефани, Объясненія и проч. въ Отч. Археол. Ком. за 1863 г., стр. 18—104.

[2]) F. Dubois de Montpéreux, Voyage, t. V, p. 94—95.

[3]) Древ. Босф.Ким., Атласъ, Таб. XII a, № 9; Таб. XXXII, № 12. А. Ашикъ, Ibid., ч. II, стр. 45—46, ч. III, стр. 66 и рис. CLI. Отч. Археол. Ком. за 1862 г., стр. XVI. Тоже за 1863, стр. 105—139 (Л. Стефани, Объясненія и проч.) и Атласъ, Таб. 1, №№ 7 и 8. Тоже за 1873 г., стр. 57, Атласъ, Таб. III, № 15. Отч. Археол. Ком. за 1882—1888 гг., Атласъ, Таб. II, № 11 (изъ могилы близь Анапы). Бычачія головки изрѣдка украшаютъ и кавказскіе предметы древности, напр., одну изъ кобанскихъ фибулъ. E. Chantre, Ibid., t. II, p. 134. О пластинкахъ съ изображеніями быка или бычачьихъ головъ см. Отч. Археол. Ком. за 1865 г., Атласъ, Таб. III, № 12. Отч. Археол. Ком. за 1876 г., стр. 121; Атласъ, Таб. III, №№ 13 и 14.

[4]) Л. Стефани, Объясненія различныхъ древностей Имп. Эрмитажа въ отчетахъ Археол. Ком. за 1863 г., стр. 105—139; за 1864 г., стр. 140, 177; за 1865 г., стр. 73, 92 и 182; за 1873 г., стр. 57; за 1874 г., стр. 32, и за 1876 г., стр. 144.

[5]) Въ одной изъ могилъ близь селенія Камбылте г. Долбежевъ нашелъ въ числѣ украшеній и бычачью головку. (Отч. Археол. Ком. за 1882—1888 г., стр. CCCI).

[6]) Отч. Археол. Ком. за 1876 г., стр. VI. Древ. Босф. Ким., Таб. XXXVI, № 4.

[7]) Отч. Археол. Ком. за 1861, стр. 25; тоже за 1869 г., стр. 82. О предохранительномъ значеніи барана см. Л. Стефани, Объясненія и проч Тамъ-же, стр. 130—138 и passim. Орнаментика подобнаго рода встрѣчается изрѣдка и на сибирскихъ предметахъ древности. J. A. Aspelin, Ibid., № 645 (Пермь).

чались на медальонахъ, найденныхъ въ южнорусскихъ гробницахъ[1]). Изображеніе льва, весьма извѣстное по памятникамъ ассирійскаго искусства, а отчасти и персидскаго, вслѣдъ за тѣмъ появляется на древнѣйшихъ предметахъ, открытыхъ въ передней Азіи; быть можетъ, подъ вліяніемъ востока сюжетъ этотъ становится употребительнымъ и въ древнегреческомъ искусствѣ. На востокѣ его изображенія символизировали злыя, разрушительныя силы смерти, на западѣ, въ Греціи, ими пользовались для профилактическихъ цѣлей[2]); съ этой точки зрѣнія разъясняется и обычай черноморскихъ варваровъ украшать платье бляшками, съ изображеніями львовъ[3]). Возможно поэтому, что и нашъ медальонъ выполнялъ подобнаго рода назначеніе. Другія фигуры львовъ представлены на ритонѣ съ животнымъ орнаментомъ и на оконечностяхъ царской гривны[4]); и тамъ, и здѣсь, они участвуютъ въ сложныхъ звѣриныхъ сценахъ: въ одномъ случаѣ левъ и львица пожираютъ оленей, въ другомъ левъ накинулся на вепря.

Голова льва, представленнаго на гривнѣ, по стилю близко подходитъ къ такой-же головѣ, найденной въ Малой Близницѣ (на Таманскомъ полуостровѣ); морда съ собранною надъ бровями кожею, наморщеннымъ переносьемъ и изогнутыми складками надъ пастью обрамлена гривой, космы которой отдѣлены одна отъ другой вырѣзками[5]); шкура означена легкими точками и нарѣзками; раскинутыя переднія лапы, которыми нашъ левъ уцѣпился въ мчащагося кабана, его рѣзко означенныя ребра на впалыхъ бокахъ и выгнутый хвостъ все это придаетъ особенную живость описываемой группѣ.

Изображенія этихъ сценъ вообще отличаются такимъ-же строгимъ художественнымъ стилемъ классическаго искусства, какъ и предшествующія[6]). Весьма цѣнные по техникѣ, эти сюжеты, какъ кажется, сами по себѣ ничего важнаго въ бытовомъ отношеніи не представляютъ. Спинной хребетъ кабана, къ сожалѣнію, прикрытъ накинувшимся на него львомъ такъ, что нѣтъ возможности опредѣлить — была-ли здѣсь та характерная выемка въ щетинѣ, какая извѣстна намъ, напр., по изображеніямъ кабана на горномъ хрусталѣ, прикрѣпленномъ къ золотой подвижной дужкѣ, изъ шестаго Семибратняго кургана, и на одномъ изъ предметовъ Веттерсфельдскаго клада, а между тѣмъ этими особенностями оба предмета роднятся съ произведеніями малоазіатскаго искусства[7]).

Животныя сцены, вырѣзанныя на обломкѣ ритона, отличаются тщательностью отдѣлки. У львицъ брови сдвинуты, кожа на переносьѣ наморщена, кривыя линіи и точки покрываютъ верх-

---

[1]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. XVI, №№ 8 и 11. Отч. Археол. Ком. за 1859 г., стр. IX; Тоже за 1860 г., Атласъ, Таб. IV, № 11; тоже за 1882—1888 г., стр. CLXX. F. Dubois de Montpéreux, Voyage, t. V, p. 148.

[2]) A. Furtwaengler, Ibid., s. 20—21. Л. Стефани, Объясненія и проч. въ Отч. Археол. Ком. за 1864 г., стр. 22; за 1865 г., стр. 49, 77, 203 и за 1876 г., стр. 121, 143—144.

[3]) Древ. Герод. Скиѳіи, Атласъ, вып. I, Таб. VII, № 3. Отч. Археол. Ком. за 1876 г., Атласъ, Таб. III, №№ 8, 9 и др.

[4]) Оконечности шейнаго кольца царицы Кульобской, какъ извѣстно, также украшены изображеніями лежащихъ львовъ. Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. VIII, № 2.

[5]) Отч. Археол. Ком. за 1882—1888 г., стр. 78 и Атласъ, Таб. VII, № 11.

[6]) Перечисленіе охотничьихъ сценъ съ оленями и кабанами см. въ ст. Л. Стефани: Объясненія и проч. въ Отч. Археол. Ком. за 1867 г., стр. 60—76, 95—108, 120—128.

[7]) Отч. Археол. Ком. за 1876 г., стр. 123 и Атласъ, Таб. III, № 33. A. Furtwaengler, Ibid., ss. 23—24; Taf. II, № 1 und Taf. III, № 1.

нюю губу, за челюстями рядомъ штриховъ означена шерсть, а шкура кое-гдѣ намѣчена пунктиромъ; вытянутыя лапы нашихъ животныхъ снабжены когтями, которые такъ-же аккуратно отдѣланы, какъ и все остальное. Одна изъ львицъ впилась въ заднюю часть туловища, другая — въ шею оленя, который, лежа на спинѣ, судорожно бьетъ раздвоенными копытами по воздуху, опрокинулъ голову и вытянулъ языкъ. Представленный рядомъ съ одною изъ львицъ, но обращенный въ противоположную сторону, левъ трактованъ въ томъ-же стилѣ; онъ отличается отъ нихъ гривою, космы которой не только отдѣлены одна отъ другой вырѣзками, но и заполнены штрихами. Левъ накинулся на какое-то четвероногое (двукопытное) животное: оно упало на заднія ноги и напрасно старается вывернуться изъ тисковъ противника. Всѣ животныя, за исключеніемъ развѣ одной львицы, морда которой повернута нѣсколько вправо, изображены въ профиль. На заднемъ планѣ описанныхъ сценъ стоятъ деревья, внизу почва означена точками (рис. 53).

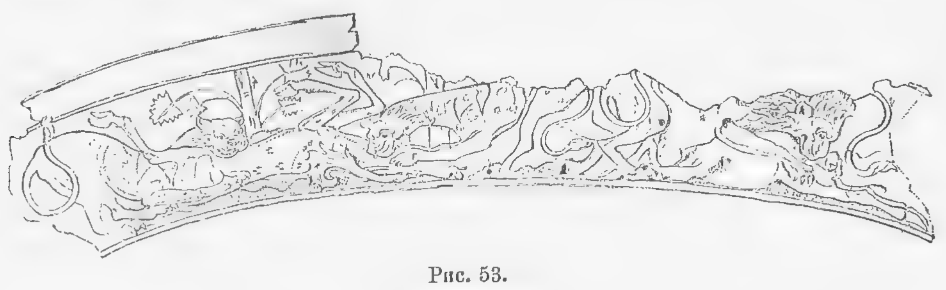

Рис. 53.
(въ 1/2 нат. вел.)

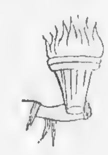
Сцены, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ эти животныя, хорошо извѣстны намъ и по многимъ другимъ предметамъ древности, найденнымъ въ южной Россіи. Левъ и львица, пожирающіе оленя, представлены, напр., на фризахъ двухъ извѣстныхъ серебряныхъ вазъ и меча изъ Кульобскаго кургана[1]). Изображенія львовъ, нападающихъ на кабановъ спереди, мы встрѣчаемъ на фризѣ одной изъ только-что указанныхъ вазъ и на пластинахъ Чертомлыцкихъ[2]). По композиціи наши сцены стоятъ на одномъ уровнѣ съ лучшими изъ доселѣ извѣстныхъ: одинаково тщательная отдѣлка во всемъ, сильно, быть можетъ, даже кое-гдѣ, какъ напр. на ритонѣ, слишкомъ сильно выраженная мускулатура, глубокій реализмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и художественность представленныхъ фигуръ, жизненность въ ихъ расположеніи и законченность всего цѣлаго дѣлаютъ эти изображенія прекрасными иллюстраціями не только греческаго искусства сѣвернаго побережья Чернаго моря, но и классическаго искусства вообще[3]).

[1]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. XXXIV, №№ 2 и 4; Таб. XXVI, № 2. Ср. изображенія на Чертомлыцкой пластинѣ Отч. Археол. Ком. за 1864 г., Таб. V, № 5 = Древ. Герод. Скиоіи, Атласъ, вып. II, Таб. XXXV, № 5.

[2]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. XXXIV, № 4. Отч. Археол. Ком. за 1864 г., Атласъ, Таб. IV, № 1 = Древ. Герод. Скиоіи, Атласъ, вып. II, Таб. XXXIV, № 1. Отч. Археол. Ком. за 1864 г., Атласъ, Таб. V, № 3 = Древ. Герод. Скиоіи, Атласъ, вып. II, Таб. XXXV, № 3.

[3]) Трудно сказать, слѣдуетъ-ли приписывать этимъ сценамъ ту иносказательность, какую видѣлъ въ нихъ Дюбуа. «Le rôle, que jouent le sanglier, le cerf et le bouquetin au milieu des griffons et des lions confirme l'explication que j'ai donnée de ces scènes allégoriques: car il y a intention manifeste dans ces reliefs. Le lion de Phanagorie et le griffon de Panticapée ne sont pas représentés toujours victorieux sans intention, tandis que le cerf de Cherson, le bouquetin du Caucase et le sanglier du Kouban sont sans cesse terrassés et vaincus par eux». (F. Dubois de Montpéreux, Voyage, t. V, pp. 206—207).

Нѣкоторые изъ предметовъ древности, открытые въ нашемъ курганѣ, украшены не только реальными, но и фантастическими фигурами животныхъ: пегасовъ, гиппокамповъ и грифоновъ. Крылатые пегасы, вычеканенные на пластинѣ отъ царскаго головного убора (Таб. VIII, №№ 1 и 2), быть можетъ, имѣли предохранительное значеніе[1]). Гиппокампы, вырѣзанные на оконечностяхъ витыхъ браслетовъ царицы, обычнаго типа. Такія-же изображенія можно встрѣтить, напр., на ушныхъ привѣскахъ Таманской жрицы и на пластинѣ отъ меча кульобскаго; гиппокампы нѣсколько иного рода красуются на бляшкахъ Александропольскаго кургана и Амударьинскаго клада[2]). Грифоны представлены на треугольной пластинѣ отъ клобука царицы (Таб. III, № 1), средній этажъ которой отдѣленъ отъ нижняго изображеніями двухъ изъ нихъ; они, насколько можно судить, по довольно грубой чеканной работѣ, обычнаго типа, т. е., по словамъ Павзанія, похожи на львовъ, отъ которыхъ отличаются, однако, орлиными клювами, крыльями, а также и кожей, какъ у леопарда. Грифоны на нашей пластинѣ стоятъ другъ противъ друга съ вытянутыми лапами и распростертыми крыльями. Каждый изъ нихъ занесъ лѣвую переднюю лапу на предметъ, нѣсколько схожій съ оиміатеріемъ, расположеннымъ между ними[3]) (рис. 54). Грифонъ, извѣстный на востокѣ уже въ древнѣйшее время, съ V-го в. до Р. Хр. появляется въ греческомъ искусствѣ, сперва, быть можетъ, въ Малой Азіи и на островахъ (Кизикѣ и Теосѣ), а потомъ и въ самой Греціи. Неудивительно, поэтому, что грифонъ встрѣчается на предметахъ, найденныхъ въ южной Россіи, не только какъ образчикъ варварскаго издѣлія (напр., на ручкѣ отъ кульобскаго зеркала), но и въ условныхъ формахъ греческаго стиля, къ которому, по всей вѣроятности, слѣдуетъ причислить сцену, вычеканенную на нашей пластинѣ. Не говоря о множествѣ грифоновъ, изображенныхъ въ одиночку, или вмѣстѣ съ другими животными, на бляшкахъ, браслетахъ, зеркалахъ и вазахъ, въ числѣ южно-русскихъ древностей встрѣчаются и болѣе близкія къ нашей фигурѣ аналогіи. Чертомлыцкія ножны орнаментированы, между прочимъ, изображеніями двухъ грифоновъ другъ противъ друга, на продолговатой пластинкѣ изъ Чертомлыцкаго кургана, мы тоже видимъ пару грифоновъ, расположенныхъ совершенно такъ, какъ наши; между ними находится какое-то украшеніе довольно грубой работы; тотъ-же мотивъ повторяется на одномъ изъ предметовъ древности Кульобской гробницы и на Александропольскихъ бляшкахъ[4]). Вообще

Рис. 54.

---

[1]) Л. Стефани, Объясненія и проч. въ Отч. Археол. Ком. за 1864 г., стр. 37 и 42, за 1876 г., стр. 71 и за 1878 г., стр. 110.

[2]) Отч. Археол. Ком. за 1865 г., Атласъ, Таб. II, №№ 1 и 2. Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. XX, № 14 и Таб. XXVI, № 2. Древ. Герод. Скиѳіи, Атласъ, вып. I, Таб. VII, № 1. Н. Кондаковъ и гр. И. Толстой, Русскія Древности, вып. III, стр. 24. Сюда-же, быть можетъ, принадлежатъ и фантастическія животныя, изображенныя на одной изъ бляхъ ажурной работы изъ Александропольскаго кургана (Древн. Герод. Скиѳіи, Атласъ, вып. I, Таб. XII, № 6). Отч. Археол. Ком., 1867 г., стр. VIII. Тоже, за 1878—79 г., стр. 108—109. Нѣсколько указаній см. еще у S. Reinach, Ibid., p. 66.

[3]) В. Сизовъ, Ibid., стр. 217. Л. Стефани. Объясненія и проч. въ Отч. Археол. Ком. за 1862 г., стр. 80, за 1863 г., стр. 215 и за 1864, стр. 107.

[4]) Отч. Археол. Ком. за 1864 г., Таб. V, №№ 1 и 5 = Древ. Герод. Скиѳіи, Атласъ, вып. II, Таб. XXXV, №№ 1 и 5. Ibid., Атласъ, вып. I, Таб. XV, № 7. Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. XX, № 4. Ср. А. Ашикъ, Воспорское царство, ч. III, Таб. рисунковъ № CXXVII. На пластинѣ отъ царскаго башлыка представлены

грифоны, представленные парами другъ противъ друга, нерѣдко съ какимъ-нибудь украшеніемъ или оиміатеріемъ между ними, часто встрѣчаются на памятникахъ классическаго искусства[1]). Всѣ эти изображенія имѣли, повидимому, религіозное, предохранительное значеніе[2]).

Такимъ образомъ, животный орнаментъ греческаго стиля, украшавшій различные предметы древности изъ кургана Карагодеуашхъ, повторяетъ мотивы, уже ранѣе извѣстные по другимъ памятникамъ классическаго искусства, найденнымъ въ гробницахъ южной Россіи. Происходило-ли это отъ того, что тѣ и другіе обязаны были своимъ возникновеніемъ одной и той-же школѣ, которая придерживалась однородныхъ художественныхъ преданій, или отъ того, что греческіе мастера принуждены были сообразовываться со вкусами и понятіями черноморскихъ варваровъ и потому стѣснялись въ выборѣ сюжетовъ, сказать трудно. Впрочемъ, нѣтъ надобности приписывать одной изъ этихъ причинъ исключительное значеніе: обѣ оказывали свое дѣйствіе, обѣ вызывали то единообразіе художественныхъ пріемовъ, какими отличаются классическія древности, открытыя въ могилахъ скиѳо-сарматской эпохи.

Какъ-бы то ни было, животный орнаментъ, къ которому всегда такъ любовно относилась варварская техника, нашелъ себѣ могучее подспорье въ греческомъ искусствѣ. Оба эти стиля умѣщались въ одной и той-же могилѣ, но и въ этомъ узкомъ пространствѣ продолжали, однако, существовать рядомъ, не оказывая замѣтнымъ образомъ вліянія другъ на друга.

d) Орнаментъ въ видѣ человѣческихъ фигуръ.

Украшенія въ видѣ человѣческихъ фигуръ на предметахъ древности изъ кургана Карагодеуашхъ двоякаго рода: одни изъ нихъ грубой работы, другія, наоборотъ, изящнаго греческаго стиля конца IV-го или начала III-го в. до Р. Хр. Въ предѣлахъ этихъ группъ встрѣчаются изображенія человѣческихъ головъ или цѣльныхъ человѣческихъ фигуръ во весь ростъ.

Къ числу перваго рода изображеній принадлежатъ, напр., варварскія головы на верхней оконечности золотой оправы отъ точильнаго бруска и на бляшкахъ. Голова, представленная на оправѣ, арійскаго типа; черепъ съ довольно развитыми надбровными дугами, лицо худощавое, къ сожалѣнію сильно потертое. Варварскія головы, штампованныя на бляшкахъ, принадлежавшихъ царю, довольно условнаго стиля; на однѣхъ видимъ мы довольно широкое, усатое лицо съ узкимъ лбомъ, глубоко всаженными маленькими глазами, сближенными у переносицы, и длин-

---

также два грифона одинъ противъ другого, впрочемъ иного типа, чѣмъ наши. (Древ. Босф. Ким., т. I, стр. 18 и Атласъ, Таб. II, № 2. Ср. Древ. Герод. Скиѳіи, вып. II, Атласъ, Таб. XXXVI, № 3). Вмѣсто грифоновъ въ такихъ-же или сходныхъ позахъ, другъ противъ друга на заднихъ лапахъ, встрѣчаются львы (Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. XVI, № 10). Сфинксы на Нимфейскихъ бляшкахъ (Отч. Археол. Ком. за 1876 г., стр. XIV), а также барсы на конскомъ налобникѣ изъ Цымбаловой могилы (Н. Кондаковъ и гр. И. Толстой, Ibid., вып. II, стр. 117) и на поясной бляшкѣ изъ Кобани (E. Chantre, Ibid., т. II, Atlas, Pl. XIII bis, № 3. Ср. Каталогъ собр. древ. гр. А. С. Уварова, вып. I, М. 1887 г., стр. 44, № 202), соединены попарно. Ср. еще Древ. Герод. Скиѳіи, Атласъ вып. I, Таб. VIII, № 9. E. Chantre, Ibid., т. II, Pl. XI bis, № 2.

1) Л. Стефани, Объясненія и проч. въ Отч. Археол. Ком. за 1864 г., стр. 126, прим. 1, 2 и 3.

2) А. Ашикъ, Ibid., t. I, стр. 34—36. Л. Стефани, Объясненія и проч. въ Отч. Археол. Ком. за 1864 г., стр. 63, 119—144; за 1865 г., стр. 72, 168, 176, 189, 192 и за 1869 г., стр. 142, 178.

нымъ прямымъ носомъ (Таб. II, № 6), на другихъ — скуластую физіономію съ широкимъ лбомъ и такимъ-же носомъ, покрытую, какъ и предшествующая, густою шапкою волосъ (Таб. II, № 5). Совершенно аналогичныхъ типовъ съ только-что описанными мы въ области скиоо-сарматскихъ древностей пока еще не знаемъ. Самый обычай носить подобнаго рода бляшки съ изображеніемъ человѣческихъ головъ распространенъ былъ среди черноморскихъ варваровъ, на Кавказѣ и въ Сибири. Такія украшенія найдены, напр., въ Кульобской гробницѣ и Александропольскомъ курганѣ[1]), встрѣчались въ Дзивгисскомъ и Ладзскомъ могильникахъ, а также въ могилахъ ущелья Чегемы[2]), попадались и въ Ватенѣ, деревнѣ на лѣвомъ берегу Енисея[3]). Инымъ характеромъ, чѣмъ вышеописанныя, отличается голова, рельефно представленная на одной изъ стеклянныхъ бусъ ожерелья. Громадные черные глаза на выкатѣ подъ дугообразными бровями и большой носъ грушей придаютъ этой фигурѣ сильный отпечатокъ восточнаго стиля (рис. 55). Украшенія, весьма сходныя съ нашими, встрѣчались уже ранѣе въ Керчи, а также на Кавказѣ въ Казбекскомъ могильникѣ[4]). Менѣе подходятъ къ тому-же типу человѣческія головы, какія мы видимъ на золотыхъ трубочкахъ изъ Александропольскаго кургана[5]). Служили-ли всѣ эти изображенія простыми орнаментальными знаками, или имѣли болѣе реальное значеніе, остается пока для насъ неяснымъ. Описанныя бляшки, вѣроятно, принадлежали царю Карагодеуашхскому; треугольная пластина, съ изображеніемъ сцены изъ варварской жизни, во всякомъ случаѣ, украшала головной уборъ царицы, а не царя. Возможно поэтому видѣть нѣкоторую аналогію между фигурой царицы на треугольной пластинѣ и фигурами варвара (царя?) на вышеописанныхъ бляшкахъ. Къ числу головныхъ изображеній относится и вырѣзанная въ глубь на одномъ изъ медальоновъ бородатая голова мужчины съ повязкою; къ сожалѣнію, стеклянная масса настолько искрошилась, что дальнѣйшія подробности этого изображенія недоступны наблюденію. Судя по повязкѣ на медальонѣ представлена какая-то особа высокаго званія: и на другихъ извѣстныхъ намъ памятникахъ скиоо-сарматской эпохи, подобнаго рода атрибутъ служитъ обыкновенно знакомъ царскаго достоинства[6]). Тѣмъ болѣе досадно, что нашъ медальонъ сохранился въ такомъ жалкомъ видѣ[7]).

Рис. 55.
(въ нат. вел.)

Фигуры варваровъ во весь ростъ помѣщены въ видѣ фриза на одномъ изъ царскихъ ритоновъ и на треугольной пластинѣ отъ клобука царицы, вѣроятно, греческой чеканной работы. Сцена, представленная на ритонѣ, остается, къ сожалѣнію, непонятной, такъ какъ сильно повреждена накипью; возможно лишь догадываться, что на внѣшнемъ полѣ сосуда въ рельефѣ изобра-

[1]) Древ. Босф.Ким., Атласъ, Таб. XXXI, № 22. Древ. Герод. Скиоіи, вып. I, Таб. VIII, № 3.

[2]) В. Миллеръ, Ibid., стр. 53 и 87. Таб. XI, № 10; Таб. XII, № 9.

[3]) Древности Минусинскаго музея, стр. 119. Эти бляшки снабжены были ушками, значитъ не нашивались на одежду, а носились въ видѣ привѣсокъ.

[4]) А. Ашикъ, Ibid., ч. III, таблица, рис. CCX (E. Chantre, Ibid., t. III, Pl. XXIV, № 14).

[5]) Древ. Герод. Скиоіи, Таб. X, № 30.

[6]) А. Лаппо-Данилевскій, Ibid., стр. 60.

[7]) Слѣпокъ съ этого медальона своевременно снятъ былъ г. Фелицынымъ. По моей просьбѣ г. Беренштамъ вторично сдѣлалъ калькъ, который, однако, такъ-же мало удовлетворилъ мое любопытство, какъ и первый.

жена была сцена, въ которой участвуютъ два всадника, расположенные другъ противъ друга. Слѣва сохранились: задняя нога лошади и правая прижатая къ ней нога сѣдока, справа — лошадиная морда и часть шеи, приподнятая надъ нею рука всадника и крайне неопредѣленныя

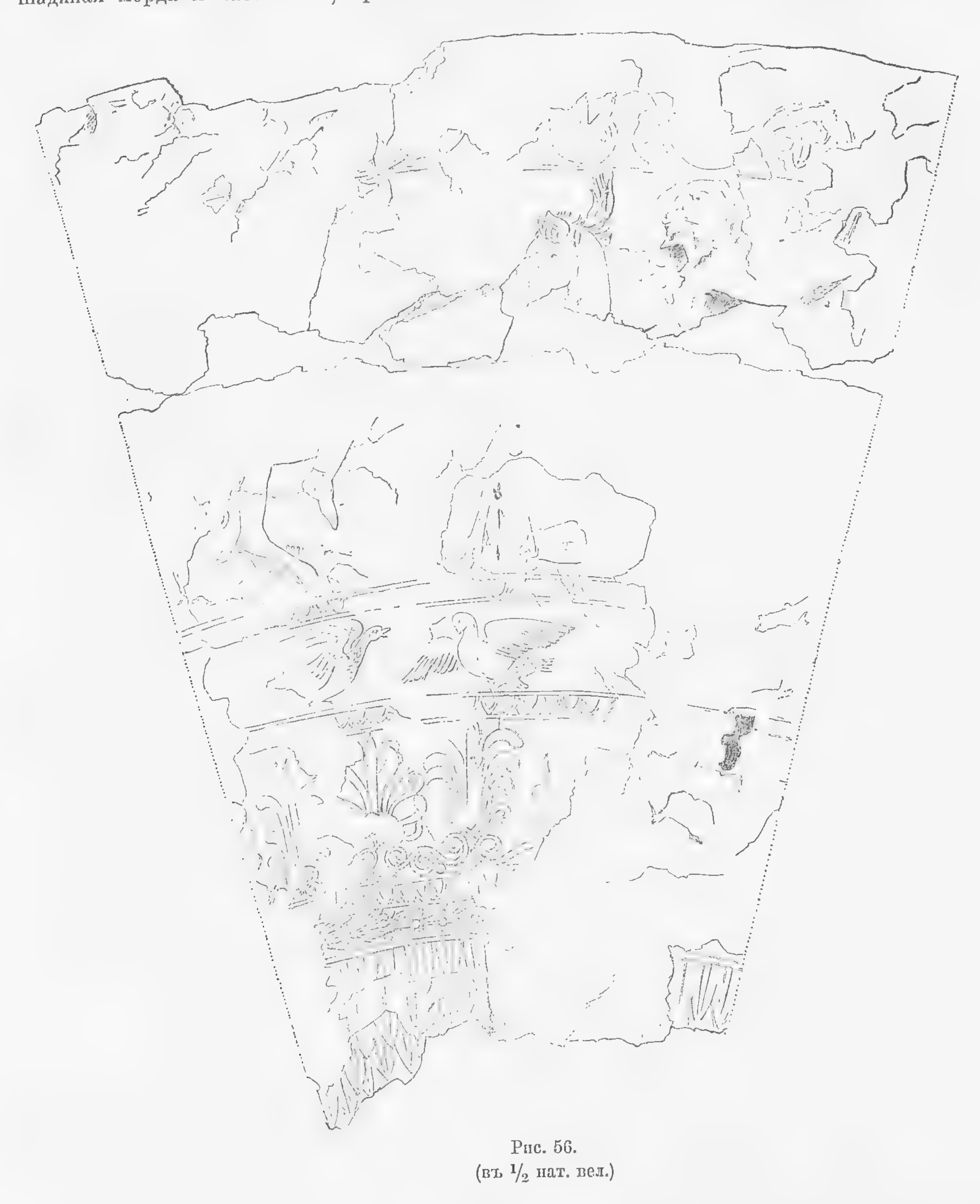

Рис. 56.
(въ $^1/_2$ нат. вел.)

очертанія его головы. Трудно угадать смыслъ этой сцены, вѣроятно, охоты или военной схватки, которыми нерѣдко украшались предметы скиво-сарматской древности греческаго издѣлія (рис. 56). Гораздо лучше сохранилась бытовая сцена, представленная на нижней части золотой тре-

угольной пластины отъ колпака царицы. Подробный анализъ многихъ изъ особенностей этого изображенія представленъ былъ выше; расовые признаки человѣческихъ фигуръ не замедлятъ обратить на себя наше вниманіе. Здѣсь поэтому достаточно будетъ указать на общій характеръ всего изображенія. Мѣтко схваченные типъ и даже выраженіе лицъ, весьма реально представленныя особенности одежды, украшеній и утвари, наконецъ, естественное расположеніе фигуръ, не лишенное, впрочемъ, извѣстной симметріи, даютъ въ общемъ весьма живую картину туземнаго быта прикубанскихъ варваровъ.

Бытъ и вѣрованія Грековъ, однако, также иллюстрируются нѣкоторыми изображеніями на предметахъ древности изъ кургана Карагодеуашхъ. Къ числу такихъ изображеній принадлежатъ: прекрасная женская серебряная головка (Таб. III, № 12), горгонейоны (Таб. III, №№ 2 и 3) обычнаго типа, извѣстнаго намъ по значительному количеству экземпляровъ, обыкновенно употреблявшихся для профилактическихъ цѣлей[1]), и нѣсколько человѣческихъ фигуръ во весь ростъ. На одномъ изъ лигнитовыхъ медальоновъ видимъ мы, напримѣръ, воина въ шлемѣ и латахъ съ мечемъ въ правой рукѣ и круглымъ небольшимъ щитомъ въ лѣвой. Далѣе, на щиткѣ отъ золотаго кольца представлена женщина, быть можетъ, Терпсихора или Эрато; она одѣта въ хитонъ и, сидя на дифрѣ, держитъ лиру въ рукахъ. Изображенія Побѣды (Ники?) съ повязкой, но безъ крыльевъ[2]) и тріумфа[3]), помѣщены въ средней и верхней части треугольной пластины отъ клобука царицы (Таб. III, № 1). Сама Аѳина въ шлемѣ съ щитомъ и змѣемъ завершаетъ эту галлерею лицъ, изображенныхъ на различныхъ щиткахъ отъ колецъ и пластинахъ изъ Карагодеуашхской гробницы. Наконецъ, кромѣ отдѣльныхъ портретовъ, на пластинѣ отъ царскаго колчана въ обломкахъ сохранилась и сложная, военная сцена, въ которой, повидимому, участвуютъ Греки, трактованные въ широкомъ, размашистомъ и эффектномъ стилѣ конца IV или начала III вѣка до Р. Хр. Всѣ эти фигуры, любопытныя съ точки зрѣнія греческаго быта и классическаго искусства, едва-ли имѣютъ особенно важное значеніе по внутреннему своему содержанію для характеристики мѣстнаго туземнаго образа жизни. Ихъ присутствіе доказываетъ, конечно, вліяніе греческой цивилизаціи на варварскій образъ жизни въ этихъ краяхъ; но едва-ли лицо, погребенное въ курганѣ Карагодеуашхъ, если только его дѣйствительно можно считать варварскаго происхожденія, ставило ихъ выше простыхъ орнаментальныхъ знаковъ, важныхъ для него не по идеѣ, а по внѣшнему блеску и разнообразію формъ.

Лица и сцены, которыя, такимъ образомъ, проходятъ передъ нашими глазами на предметахъ древности изъ кургана Карагодеуашхъ, не отличаются однороднымъ характеромъ; картины,

---

[1]) Отч. Археол. Ком. за 1876 г., стр. 144.

[2]) О Никѣ безъ крыльевъ см. Л. Стефани, Объясненія и проч. въ Отч. Археол. Ком. за 1872 г., стр. 117 и за 1874 г., стр. 156, 217, 219.

[3]) Ср. Л. Стефани, Объясненія и проч. въ Отч. Археол. Ком. за 1865 г., стр. 37 «Ника... между прочимъ считалась представительницей побѣдоноснаго могущества, присущаго женской красотѣ, а вслѣдствіе этого приходила въ самую близкую связь съ женщинами вообще». Ср. Отч. Археол. Ком. за 1873 г., стр. 197 и за 1874, стр. 171. Если это дѣйствительно такъ, то и наша пластина имѣетъ нѣкоторое единство композиціи: она прославляетъ могущественную красоту царицы, погребенной въ курганѣ Карагодеуашхъ. Грифоны и ѳиміатерій можно также разсматривать въ связи съ Никой. См. Отч. Арх. Ком. за 1864 г., стр. 114 и за 1877 г., стр. 250. Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ (Рус. Древ., вып. II, стр. 61) считаютъ фигуру женщины, представленной въ верхней части пластины, за изображеніе «Добраго счастья» (Тихи).

снятыя съ Олимпа или отражающія греческую жизнь, смѣняются иллюстраціями туземнаго быта. Всѣ эти изображенія, однако, имѣютъ одну общую черту: они представлены въ рельефахъ. Ни одной литой человѣческой фигуры въ гробницѣ Карагодеуашхской не найдено; въ этомъ отношеніи нашъ курганъ близко стоитъ къ «скиѳскимъ» могиламъ и отличается отъ могильниковъ Кавказа, въ которыхъ такія издѣлія встрѣчаются довольно часто.

Всѣ вышеописанные виды геометрическаго, растительнаго, звѣринаго орнамента и украшеній, въ видѣ человѣческихъ фигуръ, на предметахъ древности изъ кургана Карагодеуашхъ нерѣдко соединялись между собой и образовывали болѣе сложныя орнаментальныя группы. Геометрическій орнаментъ, напримѣръ, служилъ рамками для звѣриныхъ сценъ, а человѣческія фигуры оттѣнялись украшеніями, въ видѣ животныхъ, какъ это мы видимъ, хотя бы на треугольной пластинѣ отъ клобука царицы и на большомъ серебряномъ ритонѣ (рис. 56). Въ общей сложности разобранныхъ нами видовъ орнамента нельзя, однако, не отмѣтить двухъ особенностей. Одна изъ нихъ характеризуетъ мѣстное искусство, другая — степень вліянія, какое на него оказывала греческая цивилизація. Не всѣ виды орнамента, украшавшаго различные предметы древности изъ кургана Карагодеуашхъ, въ равной мѣрѣ представлены въ нашемъ собраніи. Орнаменты геометрическій и растительный уступаютъ въ немъ первое мѣсто звѣриному стилю; украшенія въ видѣ человѣческихъ фигуръ не превосходятъ его ни количествомъ, ни разнообразіемъ формъ. Такое преобладаніе звѣринаго стиля надъ остальными разновидностями орнамента, извѣстнаго намъ по карагодеуашхскимъ древностямъ, быть можетъ, указываетъ на то направленіе, въ какомъ, главнымъ образомъ, развивалось мѣстное варварское искусство; тоже направленіе, отчасти замѣтное въ орнаментикѣ предметовъ изъ могилъ скиѳо-сарматской эпохи, еще рѣзче выступаетъ въ древностяхъ Кавказа и Сибири. Туземное искусство сталкивалось, однако, въ Прикубаньи съ болѣе совершеннымъ греческимъ. Насколько первое страдало неопредѣленностью творческой идеи, которая легко расплывалась въ массѣ ненужныхъ подробностей, настолько второе отличалось единствомъ замысла, строго выполненнаго смѣлою рукою мастера; обнаруживая чрезвычайное богатство орнаментальныхъ деталей, греческое искусство никогда, однако, ими не подавляло общей идеи композиціи; эти детали оттѣняли здѣсь ея главныя линіи, но не затемняли ихъ; легкимъ узоромъ окутывая предметъ, они придавали законченность его формѣ или, въ болѣе сильномъ рельефѣ, вызывали игру свѣта и тѣней, взаимно уравновѣшивая созданные ими эффекты въ одно гармоническое и ритмическое цѣлое[1]).

Въ виду столь глубокаго различія между произведеніями мѣстными и греческими, неудивительно, что туземное и иноземное искусства, представленныя въ нашемъ собраніи, стоятъ обособленно одно отъ другого: ни одинъ изъ предметовъ варварскаго вкуса не обнаруживаетъ на себѣ замѣтнаго вліянія классическаго искусства, а произведенія послѣдняго лишь сюжетами своими намекаютъ на тѣ мѣстныя условія, при которыхъ они были созданы художникомъ. Такимъ образомъ, воспріимчивость прикубанскихъ варваровъ къ сокровищамъ греческаго искусства сказалась лишь въ томъ, что они на ряду со своими туземными издѣліями пріютили образцовыя

[1]) Ch. Daremberg et E. Saglio, Dict. des Ant. Gr. et. Rom., t. I, p. 796—797.

произведенія классической древности. Не эти послѣднія, однако, затерялись среди предметовъ туземнаго быта, а, наоборотъ, туземныя издѣлія уступили мѣсто греческой культурѣ.

Эти выводы подтверждаются всѣми наблюденіями, какія мы производили до сихъ поръ надъ разновидностями карагодеуашхскихъ предметовъ древности и ихъ орнаментикой. Всюду видна какая-то двойственность культуры. Въ основѣ ея лежатъ, повидимому, особенности мѣстнаго туземнаго быта, вообще родственнаго быту черноморскихъ варваровъ скиѳо-сарматской эпохи и извѣстнаго намъ по цѣлому ряду карагодеуашхскихъ предметовъ роскоши, утвари и вооруженія, иногда разукрашенныхъ въ туземномъ вкусѣ; нерѣдко, однако, тѣ-же особенности, облечены въ изящныя формы болѣе совершеннаго, иноземнаго греческаго искусства и успѣли уже смягчиться подъ непосредственнымъ вліяніемъ одного изъ цивилизованныхъ центровъ классическаго міра.

II. ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ЛИЦЪ, ПОГРЕБЕННЫХЪ ВЪ КУРГАНѢ КАРАГОДЕУАШХЪ.

Предметы древности изъ кургана Карагодеуашхъ, въ связи съ кое-какими свѣдѣніями объ устройствѣ Карагодеуашхской гробницы, даютъ намъ возможность сдѣлать нѣсколько заключеній относительно обычаевъ и обрядовъ лицъ, погребенныхъ въ курганѣ, ихъ частнаго и даже общественнаго быта.

Въ гробницѣ карагодеуашхской найдены были остовы мужчины и женщины. Неизвѣстно, въ какихъ отношеніяхъ находились эти лица другъ къ другу при жизни, вѣроятно въ брачныхъ; нерѣшеннымъ остается также вопросъ и о томъ, какимъ образомъ они вмѣстѣ попали въ одну и ту-же могилу. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ возможно сдѣлать два предположенія: или жена погребена единовременно съ мужемъ, или склепъ былъ фамильнымъ и женщина попала сюда послѣ того, какъ здѣсь-же помѣщено было тѣло мужчины. Въ пользу перваго предположенія говоритъ лишь то, что никакихъ слѣдовъ вторичной раскопки и погребенія въ курганѣ не найдено, что въ самомъ курганѣ нѣкоторыя вещи, оказавшіяся въ первой каммерѣ у входа, какъ напр., колесница, вѣроятно, принадлежали царю, и что, наконецъ, у другихъ черноморскихъ варваровъ, судя по разсказамъ древнихъ писателей и погребальному обряду, открытому хотя-бы въ Чертомлыцкомъ курганѣ, существовалъ тотъ-же обычай. Слабое указаніе въ пользу второго предположенія можно видѣть въ томъ, что первая камера карагодеуашхской гробницы отличалась менѣе тщательной отдѣлкой, чѣмъ остальныя, за исключеніемъ, впрочемъ, входныхъ дверей, причемъ гробница состояла изъ нѣсколькихъ погребальныхъ каммеръ, въ числѣ которыхъ одна была совершенно пустою. Доказательства, какъ видно, и въ ту и въ другую сторону довольно слабыя; однако, думается намъ, болѣе слабыя во второй, чѣмъ въ первой изъ указанныхъ перспективъ. Предполагая, поэтому, что мужчина и женщина погребены были единовременно въ курганѣ Карагодеуашхъ, мы отсюда вправѣ заключить, что первый смотрѣлъ на послѣднюю, какъ на свою вещь, которая нужна была ему не только въ земной, но и въ загробной жизни, а поэтому и слѣдовала за нимъ въ могилу. Здѣсь, такимъ образомъ, въ полной силѣ проявились грубыя варварскія отношенія между мужемъ и женой, существовавшія у Скиѳовъ, а также у многихъ другихъ народностей, стоявшихъ или стоящихъ и доселѣ на столь-же низкой ступени развитія.

Чѣмъ занималось лицо, погребенное въ курганѣ Карагодеуашхъ, какой вело образъ жизни, вотъ вопросы, на которые мы не находимъ опредѣленнаго отвѣта въ нашихъ древностяхъ. Бо-

гатая утварь показываетъ намъ, что ея владѣлецъ любилъ много ѣсть и пить. Пищу онъ добывалъ охотою[1]), быть можетъ, рыбною ловлею[2]) и даже земледѣліемъ, которымъ, какъ извѣстно, уже въ I-мъ в. до Р. Хр., занимались племена приазовскія[3]). Вино то-же лицо, вѣроятно, получало отъ грековъ въ амфорахъ путемъ торговыхъ сношеній. Обмѣнъ могъ производиться въ варварскихъ стоянкахъ или городкахъ и гаваняхъ, о которыхъ не разъ упоминаютъ древніе писатели, а также въ греческихъ центрахъ: Танаисѣ, Фанагоріи и Пантикапеѣ[4]). Мирныя занятія, безъ сомнѣнія, не мѣшали нашему варвару посвящать много времени и военному дѣлу; постоянныя схватки, о которыхъ такъ много разсказовъ сообщаютъ намъ древніе писатели[5]), могли происходить у него частью съ сосѣдними-же варварскими племенами (прекрасною иллюстраціей подобнаго рода сраженій служатъ фрески извѣстной Керченской катакомбы, открытой въ 1872 году), частью съ владыками Воспора Киммерійскаго, стремившимися все болѣе и болѣе расширить свою територію. Принадлежало-ли лицо, погребенное въ курганѣ Карагодеуашхъ, къ народу осѣдлому или проводило жизнь на конѣ, подобно Скиѳамъ, Сарматамъ и Аланамъ, которые ходить пѣшкомъ считали позоромъ, а поэтому съ ранняго дѣтства привыкали къ верховой ѣздѣ[6]), мы не знаемъ. Верховаго коня при мужскомъ остовѣ въ карагодеуашхской гробницѣ, или подлѣ нея въ особомъ помѣщеніи, какъ это встрѣчалось въ нѣкоторыхъ изъ скиѳскихъ могилъ, не оказалось, коней вообще погребено было въ Карагодеуашхскомъ курганѣ нѣсколько меньше, чѣмъ въ ближайшихъ къ нему Семибратнихъ могилахъ.

Если мы такъ мало знаемъ о занятіяхъ мужчины, покоившагося въ гробницѣ Карагодеуашхской, то тѣмъ менѣе указаній находимъ въ нашихъ древностяхъ на образъ жизни жены этого варвара. Была-ли послѣдняя въ томъ независимомъ положеніи, какимъ пользовались жены Сарматовъ[7]), мы сказать не можемъ, хотя самый фактъ ея совмѣстнаго и одновременнаго погребенія съ мужемъ указываетъ скорѣе на противное. Единственной, хотя и цѣнной иллюстраціей этого образа жизни служитъ изображеніе женскихъ фигуръ на треугольной пластинѣ съ колпака царицы. Въ центрѣ сидитъ женщина съ клобукомъ на головѣ, облеченная въ плащъ, который широкими складками ниспадаетъ до самыхъ ея ногъ; сзади стоятъ двое женщинъ-прислужницъ, спереди двое слугъ; одинъ справа подаетъ царицѣ сосудъ съ сфероидальнымъ туловищемъ, другой слѣва поддерживаетъ громадный ритонъ, верхняя часть котораго уже въ правой рукѣ царицы. На этой пластинѣ, очевидно, представленъ или торжественный пиръ

---

1) Strab., XI, 4, 5, говоритъ, что Албаны страстно любятъ охотиться.

2) Strab. XI, 2, 4: οἱ δ'ἐν τῷ μικρῷ Ῥομβίτῃ αὐτοί εἰσιν οἱ Μαιῶται ἐργαζόμενοι.... Рѣчь идетъ о рыбныхъ ловляхъ на маломъ Ромбитѣ. Ср. Н. Koehler, Τάριχος въ Mém. de l'Académ. des Sc. de St. Pétersbourg, 1832, Ser. VI, 1 pp. 347—349.

3) Strab., VII, 3, 17; XI, 2, 4; XI, 4, 5; XI, 5, 7. Eusthat. Com ad Dionys., 730, указываетъ на существованіе зачатковъ земледѣлія у Албановъ. Жители Воспора и азіатскихъ земель, что около Синдики, платили Митридату 180,000 медимновъ хлѣба и 200 талант. серебра. Strab., VII, 4, 6. Сохранилось извѣстіе о томъ, что племена приазовскія питались просомъ (Aelian., Var. hist., III, 39, ed. F. Didot, P. 1858, p. 335).

4) См. ниже, гл. III, § 3.

5) См. ниже, гл. III, § 3.

6) Ammian. Marcel., XXXI, 2, 20: «iuventus (i-e. Alanorum)... incedere pedibus existimat vile».

7) Herod., IV, 116 и 117. Hipp., De aëre etc., c. 24. Pomp. Mela (I, 114) приписываетъ эту особенность Савроматовъ и племенамъ Меотовъ.

или возліяніе, на религіозное значеніе котораго художникъ, быть можетъ указалъ тѣмъ, что внизу, у ногъ царицы, въ видѣ фриза, помѣстилъ два бычачьихъ черепа[1]).

Лица, погребенныя въ курганѣ Карагодеуашхъ, владѣли богатствами, приличными царскому сану. Мы уже видѣли, что всѣ украшенія ихъ сдѣланы были изъ золота, которое, само по себѣ, можно оцѣнить безъ малаго тысячи въ двѣ рублей, что имъ, кромѣ того, принадлежало значительное количество серебряной утвари, мѣдной и глиняной посуды, а также желѣзное вооруженіе. Прекрасная работа многихъ изъ этихъ вещей, разумѣется, увеличивала ихъ цѣнность. Гробница, въ которой сохранились означенныя древности, а также высокій курганъ, прикрывавшій ее отъ разграбленія и насыпанный, вѣроятно, немалымъ количествомъ рабочихъ рукъ, — все это, вмѣстѣ взятое, ясно свидѣтельствуетъ о богатствѣ и могуществѣ лицъ, погребенныхъ въ гробницѣ Карагодеуашхской. Сходство погребальнаго убора нашихъ усопшихъ, а отчасти и способа погребенія, съ тѣми обычаями, какіе мы знаемъ по толстымъ могиламъ нашихъ южно-русскихъ степей, хранившимъ, по всей вѣроятности, останки царскіе, еще болѣе укрѣпляетъ насъ въ этомъ предположеніи, а историческія данныя ему не противорѣчатъ: напротивъ, цѣлый рядъ древнихъ писателей сообщаетъ намъ извѣстія о царькахъ различныхъ племенъ приазовскихъ. Такъ, по словамъ Поліэна, у Сарматовъ во времена Воспорскаго царя Сатира (IV в. до Р. Хр.) правилъ царь Мидосакка; нѣсколько позже также встрѣчаются упоминанія о князьяхъ Сарматскихъ[2]); имена ихъ становятся извѣстны ко времени Р. Хр. Таковы Саумакъ, преемникъ Перисада, носившій титулъ царя Воспорскаго въ концѣ II-го в. до Р. Хр., и Гаталъ, заключавшій миръ съ Фарнакомъ; еще позже (во II-мъ в. по Р. Хр.) извѣстенъ Распаразанъ[3]). У Сираковъ былъ какой-то царь Авеакъ (Ἀβέακος), о которомъ знаетъ Стравонъ; позже, во времена императора Клавдія, тѣмъ-же народомъ управлялъ Зорзинъ (Zorsines)[4]). Аорсы имѣли своего царя Спадина (Σπαδίνης), современника Авеака[5]). У Ѳатеевъ царствовалъ одно время Арифарнъ (Ἀριφάρνης), который будто-бы могъ выставить до 20,000 человѣкъ конницы и 2,200 человѣкъ пѣхоты[6]). Царьки упоминаются далѣе у Махліевъ подлѣ Меотиды (Адимархъ)[7]); у Дандаріевъ, подчиненныхъ одно время династу Олоаку, спорившему изъ-за власти съ Савадокомъ[8]); у Синдовъ, гдѣ, напр., во времена того-же Сатира Воспорскаго правилъ Гекатей, женатый на его дочери[9]), у Иніоховъ (Анхіалъ)[10]). Такія-же извѣстія имѣются и относительно Лазовъ, Апсиловъ, Авасковъ, далѣе Саниговъ, граничившихъ съ Зигами (Ζυγοί), Албановъ, Иверовъ, Колховъ и Мосинековъ[11]). Какъ ни мелки кажутся намъ теперь эти группы, однако,

---

[1]) Отч. Археол. Ком. за 1868 г., стр. 137. Ch. de Linas, Ibid., t. III, pp. 204 et 232.

[2]) Herod., IV, 102, Polyaen., Strategem., VIII, 56, Tacit., Annal., VI, 33.

[3]) Th. Reinach, Mithridate Eupator, pp. 64, 69, 70. Polyb., fr. XXVII, 6. Io. Casp. Orelli, Inscriptiones etc., t. I (Turici, 1828), p. 198, № 833. Упоминается еще Сарматская царевна Амаге. Polyaen., VII, 56.

[4]) Strab., XI, 5, 8. Tacit., Annal., XII, 15 sq.

[5]) Strab., XI, 5, 8.

[6]) Diodor., XX, 22—23.

[7]) Lucian., Toxaris, XLIV, XLVI, (ed. C. Iacobitz, Lips. 1832, pp. 82 и 84).

[8]) Plutarch., Luc., 16; у Аппіана вмѣсто этой формы Ὀλθακός стоитъ Ὀλκάβας (Appian., Mith., 79). Ср. Th. Reinach, Ibid., p. 76.

[9]) Polyaen., Strategem., VIII, 55.

[10]) Arrian. (Anonym.), Peripl., ed. S. F. Guil. Hoffmann, Lip. 1842, p. 125.

[11]) Xenoph., Anab., V, 4, 26. Strab., XI, 4,6, Lucian., Toxaris, 44—46. Eutrop., Brev. hist. Rom., VIII, 3.

бывали случаи, когда въ предѣлахъ одного и того-же племени, напримѣръ, Иніоховъ во время царя Миѳридата, нѣсколько царьковъ начальствовали единовременно [1]). При такой раздробленности власти, неудивительно, что маленькіе «скипетродержцы» иногда подчинялись болѣе крупнымъ тиранамъ и царямъ [2]), а это порождало своеобразную іерархію владыкъ, заправлявшихъ племенами приазовскими.

Археологическія и историческія данныя, какъ видно, приводятъ насъ къ заключенію, что и въ нашей могилѣ покоился одинъ изъ такихъ владыкъ.

О земной жизни лицъ, погребенныхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ, мы, такимъ образомъ, имѣемъ довольно скудныя извѣстія; знаемъ лишь то, что они находились въ брачныхъ отношеніяхъ другъ къ другу и правили племенемъ, которое вело скорѣе осѣдлый, чѣмъ кочевой образъ жизни, и занималось кромѣ охоты, быть можетъ, земледѣліемъ и торговлей, хотя не мало времени удѣляло и военному дѣлу. Болѣе точныя представленія имѣемъ мы о погребальной обстановкѣ, какою завершилась эта жизнь, о томъ, какъ размѣщены были тѣла усопшихъ и ихъ вещи, а также каково было помѣщеніе, въ которомъ такъ долго хранились вышеописанныя сокровища древности.

Каменныя плиты, изъ которыхъ построена гробница, предназначенная для пріема усопшихъ, довольно разнообразны, ибо въ первой камерѣ не велики по размѣрамъ, притомъ не всѣ гладко отесаны, а въ послѣдней, напротивъ, очень значительнаго объема, старательно отшлифованы и прилажены другъ къ другу. Размѣры ихъ въ первыхъ камерахъ обыкновенно отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{7}{8}$ арш. длины; въ послѣднемъ же помѣщеніи онѣ достигаютъ 2-хъ аршинъ. По величинѣ плиты эти, какъ видно, въ общемъ довольно сходны съ тѣми, которыми выложена была кульобская гробница ($1\frac{1}{4}$—$1\frac{1}{2}$ арш. длины при 12 верш. ширины) и склепъ перваго Тарасовскаго кургана, открытый близъ Анапы. Дверныя плиты нашей гробницы отличались, разумѣется, еще большими размѣрами; одна изъ нихъ, преграждавшая входъ въ катакомбу, подобно керченскимъ и кавказскимъ, имѣла до 4 арш. длины [3]).

Вся постройка отличалась аккуратною кладкой, какая не разъ попадалась въ керченскихъ склепахъ: такъ, полъ нашей гробницы старательно былъ выложенъ камнями и залитъ известью. Обычай выкладывать полъ плитами встрѣчался ранѣе въ богатыхъ склепахъ Кульобскаго и Царскаго кургановъ; тотъ-же пріемъ можно наблюдать и въ нѣкоторыхъ кавказскихъ могилахъ, напр., Ладзскихъ [4]). Стѣны Карагодеуашхской гробницы сложены были изъ двойного ряда каменныхъ плитъ, гладко отесанныхъ, разной длины, но одинаковой ширины и толщины, подобранныхъ такъ, что наиболѣе крупныя и, вѣроятно, лучшія составляли внутреннія стѣны склепа. Въ послѣдней камерѣ трехъ такихъ плитъ, положенныхъ врядъ, оказалось достаточно для того, чтобы вывести стѣны (восточную, сѣверную и южную), такъ, какъ это мы

---

[1]) Strab., VI, 2, 13. Въ предшествующемъ параграфѣ рѣчь шла объ Ахеяхъ, Зигахъ (собств. Зыгахъ) и Иніохахъ.

[2]) F. Dubois de Montpéreux, Voyage, t. V, p. 196. А. Ашикъ, Ibid., ч. II, стр. 29. Планы и рисунки раскопокъ, произведенныхъ въ 1883 г. бар. В. Г. Тизенгаузеномъ (въ Имп. Археол. Ком.).

[3]) E. Chantre, Ibid., t. III, p. 39.

[4]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, чертежи F. Dubois de Montpéreux, Voyage, t. V, p. 196 E. Chantre, Ibid., t. III, p. 36.

видимъ и въ нѣкоторыхъ изъ кавказскихъ гробницъ, напр., въ могильникѣ «Рѣдкинъ лагерь»[1]). Вообще подобнаго рода кладка часто встрѣчается въ керченскихъ склепахъ, въ Кульобской гробницѣ и Золотомъ курганѣ, а также въ позднѣйшихъ кавказскихъ могильникахъ, хотя бы напр., въ Камбыльтѣ[2]). Плиты первой гробницы, кромѣ того, выложены были на извести, пріемъ, извѣстный намъ по тѣмъ-же Камбыльтскимъ могиламъ[3]), тогда какъ стѣны остальныхъ камеръ, повидимому, сооружались изъ камней, не скрѣпленныхъ известью, какъ это наблюдалось и въ керченскихъ склепахъ[4]). Наконецъ, стѣны Карагодеуашхской гробницы изнутри были старательно выштукатурены, что также употреблялось при отдѣлкѣ нѣкоторыхъ изъ гробницъ, открытыхъ въ Керчи и подлѣ селенія Сапибай, на сѣверъ отъ главнаго Кавказскаго хребта[5]). На стѣнахъ галлереи оказались даже фрески (олень съ вѣтвистыми рогами и поникшею головой), которыя, къ сожалѣнію, вовсе не сохранились, за исключеніемъ развѣ незначительныхъ обломковъ со слѣдами геометрическаго (концентрическихъ круговъ) и веревочнаго орнамента (рис. 57 и 58). Эта особенность еще болѣе предшествующихъ роднитъ нашу гробницу съ керченскими, открытыми въ 1842, 1867, 1872, 1873, 1875 и 1884 гг.[6]), и не встрѣчается въ могильникахъ, расположенныхъ далѣе на востокъ и на югъ отъ кургана Карагодеуашхъ. Потолокъ Карагодеуашхской гробницы сохранился, къ сожалѣнію, далеко не такъ хорошо, какъ полъ ея, залитый известью, и выштукатуренныя стѣны. Слабые намеки на его устройство можно видѣть въ кускахъ истлѣвшаго дерева и въ камняхъ отесанныхъ и неотесанныхъ, которые вмѣстѣ съ землею покрывали дно гробницы. Если только эти куски дерева принимать за остатки балокъ, то придется предположить, что онѣ лежали на стѣнахъ и прикрыты были камнями; съ теченіемъ времени балки сгнили и каменная покрышка вмѣстѣ съ землею проникла въ гробницу. Дѣйствительно, подобнаго рода устройство встрѣчалось въ Семибратнихъ могилахъ[7]). Въ большинствѣ доселѣ извѣстныхъ каменныхъ склеповъ южной Россіи, однако, верхніе ряды плитъ повышающимися уступами вдвигались внутрь гробницы до тѣхъ поръ, пока не сближались на столько, что отверстіе между ними можно было закрыть одною большою плитой, гармоніей; такіе потолки въ видѣ египетскихъ или фальшивыхъ уступчатыхъ сводовъ встрѣчались въ гробницахъ анапскихъ[8]), таман-

Рис. 57.
(въ 1/3 нат. вел.)

---

[1]) E. Chantre, Ibid., t. II, pp. 168, 169, fig. 121 et 122.

[2]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, чертежи А, Аª, Б, № 5. E. Chantre, Ibid., t. III, pp. 27—28 et 31; fig. 9, 11 et 13.

[3]) E. Chantre, Ibid., p. 30—31. Ср. Отч. Археол. Ком. за 1882—1888 гг., стр. CLXXXV.

[4]) F. Dubois de Montpéreux, Voyage, t. V, pp. 146, 188. Отч. Археол. Ком. за 1859 г., стр. 10 и 23.

[5]) Отч. Археол. Ком. за 1882—1888 гг., стр. XIV и стр. CLXXXV.

[6]) А. Ашикъ, Керченскія древности, О пантикапейской катакомбѣ, украшенной фресками Од. 1845 г. (Ср. Введ., стр. III). Отч. Археол. Ком. за 1867 г., стр. VI. Тоже за 1872 г. (В. Стасовъ, Описаніе Керченской катакомбы, открытой въ 1872-мъ г.). Тоже за 1873, стр. XI. Тоже за 1875 г., стр. XXIV—XXVI. Тоже за 1882—1888 гг., стр. XLII и стр. CLXXV.

[7]) Отч. Археол. Ком. за 1875 г., стр. XI и за 1876 г., стр. IV. Ср. А. Ашикъ, Ibid., ч. II, стр. 29.

[8]) Древ. Босф. Ком., т. I, стр. XL. Отч. Археол. Ком. за 1881 г., стр. VI.

скихъ [1]) и керченскихъ [2]), а зачатки уступчатыхъ сводовъ можно также наблюдать въ могильникахъ Самтавро, Камынте и Шейтанъ-тага [3]). Покрышка Карагодеуашхской гробницы, вѣроятно, устроена была подобно соотвѣтствующимъ частямъ Семибратнихъ могилъ и, слѣдовательно, должна была отличаться отъ сводовъ, которыми увѣнчаны были склепы и катакомбы, открытые въ Керчи и на Кавказѣ.

Числомъ погребальныхъ камеръ Карагодеуашхскій склепъ едва-ли не превосходитъ всѣ

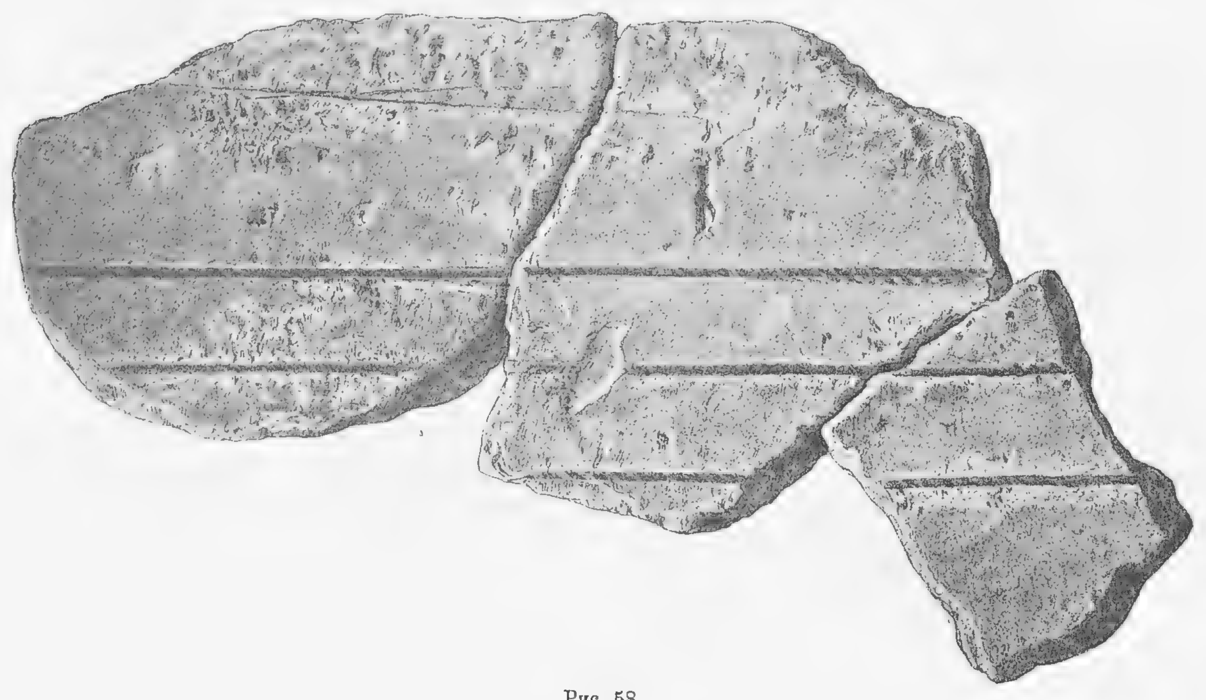

Рис. 58.
(въ $^2/_3$ нат велич.)

доселѣ извѣстные. Правда, гробница шестого Семибратняго кургана подраздѣлялась на такое-же количество помѣщеній, оказавшихся, однако, просто небольшими отдѣленіями одной и той-же могилы, а не самостоятельными погребальными камерами [4]). Въ настоящихъ склепахъ (не говоря о катакомбахъ, которыя обыкновенно содержали одну комнату), камеръ бывало немного; въ Кульобскомъ, напр., оказалось всего два помѣщенія, да и то, быть можетъ, разновременнаго происхожденія, одно надъ другимъ; гробница одного изъ Юзобскихъ кургановъ и другая, откры-

---

[1]) А. Ашикъ, Ibid., ч. II, стр. 21. Отч. Археол. Ком. за 1879 г., стр. XLVIII.

[2]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, чертежи, passim. Планы и рисунки раскопокъ, произведенныхъ Имп. Археол. Ком. въ 1872 г.: Склепъ, открытый на горѣ Митридатъ г. Люценкомъ 3 октября. Отч. Археол. Ком. за 1859 г., стр. 24. Тоже за 1882—1888 гг., стр. V. S. Reinach, Antiquités du Bosphore Cimmérien Par., 1892, p. 17 (полное перечисленіе).

[3]) F. Bayern, Kuppelgräber der unteren Etage von Samthawro, Uebergangsperiode von Bronze zü Eisen въ соч.: Friedrich Bayern's Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde in Kaukasien herausgegeben und mit einem Vorwort versehen von R. Virchow, Berl. 1885, ss. 27 — 41. E. Chantre, Ibid., t. III, p. 17. J. de Morgan, t. I, p. 46, fig. 5, 6.

[4]) Отч. Археол. Ком. за 1876 г., стр. 118.

тая на сѣверъ отъ г. Керчи, состояли изъ двухъ комнатъ съ корридоромъ; въ склепѣ одного изъ кургановъ, находившихся по дорогѣ въ Еникале близъ сада Калафати, раскопаннаго въ 1874 г., и въ сооруженіи, найденномъ нѣсколько позже, въ 1884 г., на покатостяхъ горы Митридата, также было не болѣе двухъ погребальныхъ камеръ[1]). Въ гробницѣ Султанъ кургана подлѣ Анапы и въ одной изъ катакомбъ, открытыхъ на горѣ Митридата въ 1867 г.[2]), оказалось по три помѣщенія, иногда между собой не имѣвшихъ сообщеній, если судить, напримѣръ, по плану склепа, открытаго на горѣ Митридата въ 1872 году. Нѣсколько болѣе подходитъ къ нашей гробницѣ склепъ, устроенный въ первомъ Тарасовскомъ курганѣ близъ Анапы, къ сожалѣнію, разоренный: въ немъ можно насчитать до трехъ камеръ, не считая двухъ узкихъ галлереекъ, связывавшихъ среднее помѣщеніе съ крайними[3]). Такимъ образомъ многочисленностью погребальныхъ камеръ наша гробница превосходитъ склепы керченскіе и въ этомъ отношеніи ближе стоитъ къ курганамъ скиѳскимъ, гдѣ, какъ напр. въ могилахъ Александропольской и Чертомлыцкой, число помѣщеній весьма значительно.

Тоже, быть можетъ, отдаленное родство, обнаруживается и въ расположеніи означенныхъ помѣщеній. Карагодеуашхская гробница состояла изъ трехъ погребальныхъ камеръ, которыя вытянуты были въ рядъ и соединялись между собою дверными проходами, заваленными толстыми плитами. Первыя двѣ камеры были смежныя, третья, напротивъ, находилась на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ и соединялась со второю довольно длинной галлереей. Если, такимъ образомъ, глядя на планъ, предположить, что центромъ гробницы служила вторая (пустая) камера, нѣсколько болѣе значительная по размѣрамъ, чѣмъ остальныя, то по бокамъ ея окажутся два погребальныя помѣщенія, изъ которыхъ одно связано съ центральною частью корридоромъ. Такая планировка въ доселѣ извѣстныхъ керченскихъ гробницахъ не встрѣчалась; богатые, вѣроятно, царскіе склепы состояли изъ галлереи, которая нерѣдко начиналась у самой подошвы кургана, и погребальной камеры; если къ нимъ и присоединялись другія помѣщенія, то ихъ расположеніе, во всякомъ случаѣ, не обнаруживаетъ большого сходства съ нашимъ планомъ. Наоборотъ, устройство нѣкоторыхъ изъ приднѣпровскихъ могилъ нѣсколько сходствуетъ съ только что описаннымъ. Въ Александропольскомъ курганѣ, напр., центральная гробница была больше остальныхъ; по бокамъ ея находились двѣ погребальныя камеры, связанныя съ центральною частью гробницы корридорами: одинъ изъ нихъ не великъ, другой по длинѣ больше нашей галлереи. Этимъ послѣднимъ и устанавливалось сообщеніе между центральной могилой и тою камерой, въ которой погребены были царскіе кони. Правда, что въ расположеніи Александропольскихъ катакомбъ замѣчаются довольно существенныя различія отъ планировки Карагодеуашхской гробницы. Помѣщенія въ Александропольскомъ курганѣ не вытянуты въ рядъ, хотя и образуютъ весьма удлиненную фигуру; притомъ все сооруженіе находилось въ восточной части кургана, а не въ западной, какъ это было въ нашемъ курганѣ; такимъ образомъ и самый входъ въ гробницу Александропольскаго кургана оказался въ центрѣ сооруженія, тогда какъ въ Карагодеуашхскомъ

---

[1]) Планы и рисунки раскопокъ, произведенныхъ Имп. Археол. Ком. за 1874 г. (Склепъ, открытый 21 сентября 1874 г. Ср. Отч. Археол. Ком. за 1874 г., стр. XII — XIII) и за 1884 г. Отч. Археол. Ком. за 1860 г., стр. IV. Тоже за 1872 г., стр. XXIV. Тоже за 1878—1879 гг., стр. XXII и XLVI.

[2]) Отч. Археол. Ком. за 1867 г., стр. X. Тоже за 1882—1888 гг., стр. XXVIII.

[3]) Планы и рисунки раскопокъ, произведенныхъ Имп. Археол. Ком. за 1872 г. (Склепъ, открытый г. Люценкомъ 3 октября 1882 г.) и за 1883 г. (Склепъ, открытый бар. В. Тизенгаузеномъ близъ Анапы).

(по примѣру Рыжановскаго) онъ недалекъ отъ одного изъ его краевъ[1]). Все это несомнѣнно отличія, съ которыми приходится считаться; за всѣмъ тѣмъ, однако, въ общей планировкѣ гробницъ есть нѣчто общее, едва-ли объяснимое простой случайностью; позволительно думать, что сходство, какое въ этомъ отношеніи замѣчается между погребальными обрядами племенъ, сооружавшихъ курганы Александропольскій и Карагодеуашхскій, ослабѣло, частью въ виду этническихъ особенностей и разновременнаго ихъ сооруженія, частью подъ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ греческой цивилизаціи вообще, и греческаго архитектурнаго искусства въ частности.

По размѣрамъ гробница Карагодеуашхская также стоитъ наравнѣ съ самыми большими изъ доселѣ извѣстныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, измѣренія отдѣльныхъ помѣщеній дали нижеслѣдующіе результаты:

Помѣщенія.	Длина.	Ширина.	Высота.
	(Въ	аршинахъ).	
Первая камера.......	5	$4^1/_8$	$2^{13}/_{16}$
Вторая камера.......	6	$4^{11}/_{16}$	3
Галлерея...........	9	3	3
Третья камера.......	$5^1/_6$	$4^1/_6$	$3^1/_2$

Отдѣльныя камеры такихъ-же и большихъ размѣровъ встрѣчались въ простыхъ катакомбахъ подлѣ Керчи, какъ напримѣръ, на сѣверныхъ склонахъ Сахарной Головы и Долгой Скалы, гдѣ найдено было, въ 1878 г. до 17 катакомбъ, изъ которыхъ 12 наибольшихъ оказались длиною отъ 2 саж. до 7 аршинъ, шириною столько-же и высотою въ 1 сажень, слѣдовательно близко подходили къ нашимъ камерамъ. Еще большихъ размѣровъ была Кульобская гробница, занимавшая пространство въ $6^1/_2$ арш. $\times$ 6 арш. и достигавшая $7^1/_2$ арш. высоты. Наконецъ, подобныя-же измѣренія дали царскіе склепы нѣкоторыхъ изъ таманскихъ и керченскихъ гробницъ[2]). Однако, большинство сооруженій этого рода, какъ напр., всѣ вышеперечисленныя керченскія гробницы и усыпальницы Таманской близницы (за исключеніемъ впрочемъ высоты)[3]) въ данномъ отношеніи уступаютъ первое мѣсто нашей гробницѣ. Въ толстыхъ скиѳскихъ могилахъ лишь центральныя помѣщенія по объему (длинѣ и ширинѣ) могутъ быть поставлены на ряду съ Карагодеуашхскими, или даже превышаютъ ихъ; такъ, напр., дно Краснокутской центральной камеры занимало 6 $\times$ 4 арш., Чертомлыцкой $6^1/_2 \times 3$ арш. Эти величины значительно сходятся съ размѣрами и нашей второй, по вышепредложенной гипотезѣ, также центральной камеры; зато помѣщенія Александропольскаго кугана превосходятъ наши, а побочныя катакомбы скиѳскихъ толстыхъ могилъ вообще гораздо меньше Карагодеуашхскихъ. Наконецъ кавказскіе склепы, напр., тѣ изъ нихъ, которые найдены были въ Терской области, нѣсколько меньшихъ

---

[1]) Древ. Герод. Скиѳіи, вып. I, Атласъ, чертежъ. G. Ossowski, Ibid., str. 8—12, Tab. II.

[2]) Отч. Археол. Ком. за 1878—1879 г., стр. XIV. Тоже за 1882—1888 гг., стр. V. А. Ашикъ, Ibid., ч. II, стр. 29, 43, 45 и 48. Ольвійскіе склепы, разрытые г. Суручаномъ въ 1886 г., отличались меньшими размѣрами, чѣмъ камеры нашего кургана (Отч. Археол. Ком. за 1882—1888 гг., стр. CX—CXIV). Ср. еще сводчатый склепъ и коридоръ, найденные въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ (Зап. Од. Общ. Ист. и Древ., т. VIII, Таб. XI) и гробницу, открытую Дюбрюксомъ (Неизданная рукопись Дюбрюкса, изд. и перев. В. Латышевымъ, въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древ., т. XV, Од. 1889 г., стр. 135).

[3]) Отч. Археол. Ком. за 1864 г., стр. IX.

размѣровъ, чѣмъ Карагодеуашхскіе [1]). Помѣщенія нашей гробницы, однако, не всѣ въ равной мѣрѣ значительны; вторая камера, какъ видно, превосходитъ крайнія, по длинѣ и ширинѣ почти совершенно одинаковыя между собою, причемъ восточная выше западной. Слагаясь изъ вышеуказанныхъ обширныхъ помѣщеній, Карагодеуашхская гробница въ цѣломъ отличалась такими значительными размѣрами (29 арш. въ длину, включая поперечныя стѣны), какихъ, какъ кажется, не имѣло ни одно изъ доселѣ извѣстныхъ сооруженій подобнаго рода, ибо склепы, открытые подлѣ Анапы и Керчи, въ общей сложности достигали 10—16 аршинъ въ длину, слѣдовательно, были въ половину меньше Карагодеуашхской гробницы. Расположеніе этой послѣдней, аршина на 3 надъ верхоземкой, также можно считать довольно своеобразной особенностью. Скиѳскія могилы, какъ извѣстно, всѣ устраивались глубоко подъ верхоземкой, нѣкоторые изъ склеповъ, напр., одинъ изъ Таманскихъ, открытый въ 1879 г., или гробницы въ курганахъ подлѣ Благовѣщенской станицы, близъ Анапы и Павловскомъ, впущены были въ материкъ [2]), наконецъ, керченскіе склепы нерѣдко расположены прямо на материкѣ или въ склонѣ горъ. Здѣсь, въ курганѣ Карагодеуашхскомъ, мы имѣемъ гробницу, которая впущена въ одну изъ его полъ, такъ что самая пола играетъ роль какъ бы горнаго склона, а гробница получаетъ значеніе катакомбы со многими помѣщеніями. Такое расположеніе гробницы можно считать особенностью, которая роднитъ нашъ курганъ съ близницей Таманской и нѣкоторыми изъ керченскихъ кургановъ, напр. насыпями, находившимися на гребнѣ горы Юзъ-Оба [3]).

Описанное нами устройство Карагодеуашхской гробницы отчасти указываетъ и на самый характеръ погребальнаго обряда. Просторныя помѣщенія этой гробницы, очевидно, предназначены были для того, чтобы, по общераспространенному вѣрованію варваровъ, уважаемый при жизни покойникъ въ ней нашелъ бы себѣ не могилу, а удобное жилье, гдѣ-бы ему дышалось свободно, жилось хорошо и откуда усопшему не вздумалось-бы снова возвратиться на землю, требовать себѣ отъ живыхъ людей удобствъ, которыхъ онъ не нашелъ въ загробной жизни, мстить потомкамъ за ихъ небрежность и неуваженіе, — словомъ, тревожить смертныхъ своею тѣнью. Тѣла усопшихъ, какъ извѣстно, оказались въ крайнихъ камерахъ нашей гробницы и, слѣдовательно, похоронены были по обряду погребенія, а не сожженія, существовавшаго, однако, не подалеку отъ Карагодеуашхскаго кургана въ Бакансскомъ ущельѣ, быть можетъ, въ позднѣйшее время. Этотъ обычай вызванъ, конечно, представленіемъ о неразрывной связи между загробнымъ существованіемъ души и тѣла, которое нужно было предохранить отъ насильственнаго разрушенія. Возможно, что мѣстные прикубанскіе варвары не употребляли огня для того, чтобы тѣлу облегчить переходъ изъ одной жизни въ другую, такъ какъ, по всей вѣроятности, почитали эту стихію подобно Скиѳамъ, Сарматамъ и Колхамъ [4]). Встрѣчая такое вѣрованіе на двухъ оконечностяхъ той этнической лѣстницы, которая раскинута была по восточнымъ берегамъ Азовскаго и Чернаго морей, мы вправѣ предполагать, что и въ средней ея части, на берегахъ Кубани, проявлялись тѣ-же воззрѣнія. Эти воззрѣнія и не

---

[1]) В. Миллеръ, Терская область въ матеріалахъ по археологіи Кавказа, вып. I, стр. 28—32.

[2]) Ср. прим. 221 и 222. Отч. Археол. Ком. за 1859 г., стр. 10. Тоже за 1882 г., стр. XX.

[3]) Отч. Археол. Ком. за 1861 г., стр. VI. Тоже за 1864 г., стр. VIII. Ср. выше стр. 11.

[4]) Nymphodor. fr. 9 и fr. 17 (Müller, Historici Graeci Minores, t. II, p. 377, 380). Apoll. Rhod., Argon., III, 198. Aelian., Var. hist., IV, 1. Nicol. Damasc., XXIII (A. Westerman, Paradoxographi Graeci. Brunsv., 1839, p. 172).

позволяли прикубанскимъ варварамъ прибѣгать къ обряду сожженія покойниковъ, такъ какъ мертвымъ тѣломъ грѣшно было-бы осквернять всѣми почитаемый огонь. Оставался, такимъ образомъ, одинъ обрядъ погребенія[1]), который обставленъ былъ по тому времени чрезвычайно роскошно.

Въ Карагодеуашхской гробницѣ, какъ извѣстно, лежало два остова: мужской и женскій, повидимому, еще молодой. Мы уже выше высказывали предположеніе, что эти лица при жизни находились другъ къ другу въ брачныхъ отношеніяхъ. Обычай Черноморскихъ варваровъ хоронить вмѣстѣ съ царемъ его жену или наложницу, извѣстный древнимъ писателямъ, Иродоту и Лукіану, подтверждается множествомъ археологическихъ данныхъ: и въ Кульобскомъ курганѣ и въ одной изъ гробницъ, открытыхъ подлѣ Копъ, Такиля и Керчи въ 1843 и 1846 гг. г. Карейшей, и въ скиѳскихъ толстыхъ могилахъ, Александропольской и Чертомлыцкой, наряду съ мужскими остовами оказались остовы женскіе. Въ нашей гробницѣ встрѣчается тоже совмѣстное погребеніе двухъ лицъ, разнаго пола, которое, по всей вѣроятности, слѣдуетъ разъяснять такъ-же, какъ и прежніе случаи подобнаго рода: перебираясь въ другую жизнь, царь захватывалъ съ собою лучшую часть своего имущества, въ томъ числѣ, разумѣется и жену или наложницу, которая, быть можетъ, тутъ-же, во время похоронъ и подвергалась умерщвленію. Усопшіе, погребенные въ Карагодеуашхскомъ курганѣ, не смотря на близкія отношенія, въ какихъ, они вѣроятно, находились при жизни, положены были на далекомъ разстояніи другъ отъ друга и занимали крайнія помѣщенія гробницы. Въ этомъ отношеніи погребальный обрядъ Карагодеуашхскаго кургана напоминаетъ намъ нестолько размѣщеніе остововъ въ Кульобскомъ курганѣ, сколько въ могилахъ Чертомлыцкой и, быть можетъ, Александропольской. Слѣдуетъ имѣть въ виду приэтомъ, что остовы въ нашей могилѣ расположены были довольно правильно, головами на востокъ, чего мы не замѣчаемъ въ Кульобской гробницѣ, гдѣ остовы царя и царицы лежали по направленію съ юга на сѣверъ; наоборотъ, лица, погребенныя въ древнихъ курганахъ Бердянскаго уѣзда (происхожденіе и время сооруженія, которыхъ, впрочемъ, пока неизвѣстно)[2]), а также нѣкоторые изъ покойниковъ Александропольскихъ и Чертомлыцкихъ опущены были въ склепы головами на востокъ[3]).

Кромѣ скелетовъ царя и царицы, въ Карагодеуашхской гробницѣ никакихъ остововъ не было найдено; въ этомъ отношеніи описываемый нами погребальный обрядъ разнится отъ обрядовъ, извѣстныхъ намъ по могиламъ Кульобской, Александропольской и особенно Чертомлыцкой, гдѣ на ряду съ остовомъ царскимъ оказались и скелеты его слугъ. Такое отличіе указываетъ, очевидно, на меньшую грубость нравовъ племени, соорудившаго Карагодеуашхскій курганъ,

---

[1]) Колхи, какъ извѣстно (см. пред. прим.), почитали не только огонь, но и землю. Въ Закавказьѣ (Актхала) встрѣчался любопытный обрядъ погребенія усопшихъ въ большихъ глиняныхъ сосудахъ, наглухо закупоренныхъ (I. de Morgan, Ibid., t. I, pp. 62—63). Это, быть можетъ, дѣлалось для того, чтобы не осквернить земли разлагающимся трупомъ. Въ нашей гробницѣ двойной рядъ каменныхъ плитъ, изнутри выштукатуренныхъ, и полъ, выложенный камнями и залитый известью, быть можетъ, отчасти играли такую-же роль. Впрочемъ, какихъ-бы то ни было прочныхъ основаній для подобнаго рода гипотезы, мы не имѣемъ.

[2]) Въ такомъ-же положеніи находили остовы и въ нѣкоторыхъ керченскихъ гробницахъ. (F. Dubois de Montpéreux, Voyage, t. V, p. 142). Ср. бар. В. Тизенгаузенъ, Письмо о рукоп. статьѣ Ф. Байерна касательно древностей, открытыхъ въ 1872 году подлѣ Мцхета, въ Древностяхъ М. Арх. Общ. т. IV, вып. II, протоколы, стр. 48.

[3]) Отч. Археол. Ком. за 1882—1888 гг., стр. CLXXIV—CLXXVI.

и, какъ видно, въ этомъ отношеніи стоявшаго выше извѣстныхъ намъ племенъ черноморскихъ варваровъ. Большее вліяніе греческой цивилизаціи въ области Прикубанья, чѣмъ въ Приднѣпровьи, достаточно удовлетворительно разъясняетъ намъ различіе, существовавшее въ данномъ случаѣ между курганами Карагодеуашхскимъ съ одной стороны, Александропольскимъ и Чертомлыцкимъ съ другой. Но болѣе грубую форму погребенія въ Кульобской гробницѣ, сравнительно съ Карагодеуашхской, можно объяснить различною степенью этого вліянія лишь въ томъ случаѣ, если имѣть въ виду и ихъ разновременное происхожденіе. Кульобская гробница, вѣроятно, древнѣе Карагодеуашхской; возможно, поэтому, предполагать, что греческое вліяніе, почти одинаково сильное на обѣихъ сторонахъ Воспора, неравномѣрно дѣйствовало въ различные періоды времени: варварскія особенности погребенія, сохранившіяся въ болѣе древнемъ погребальномъ обрядѣ, мало по малу сгладились и не обнаруживались съ прежнею силой даже въ мѣстностяхъ, которыя, какъ берега р. Адагума, сравнительно далеко отстояли отъ пролива Киммерійскаго.

Таковъ наличный, довольно бѣдный персоналъ Карагодеуашхской гробницы. Погребальная обстановка этихъ лицъ отличается значительнымъ богатствомъ. Мы уже видѣли, какимъ множествомъ золотыхъ пластинокъ украшена была одежда и, быть можетъ, погребальные покровы умершихъ. Оба остова лежали не прямо на полу (это встрѣчалось въ склепахъ греческаго характера)[1]), а окружены были остатками дерева, которые, очевидно, указываютъ на то, что тѣла усопшихъ покоились въ саркофагахъ, какъ это было и въ Кульобской гробницѣ и въ курганахъ таманскихъ, керченскихъ и приднѣпровскихъ, напр., Чертомлыцкомъ. Каково было устройство этихъ саркофаговъ, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ; не знаемъ даже въ точности, были-ли они приставлены къ стѣнѣ въ сѣверозападныхъ углахъ крайнихъ помѣщеній нашей гробницы или стояли ближе къ ихъ центру. Въ первомъ случаѣ положеніе гробовъ въ нашемъ склепѣ болѣе всего подходило-бы къ размѣщенію ихъ въ катакомбахъ не греческой системы, во второмъ, кажется, менѣе вѣроятномъ, напоминало-бы греческіе обычаи[2]). Вокругъ саркофаговъ расположено было имущество усопшихъ. Предметы роскоши и вооруженіе находились въ непосредственной близости къ остовамъ, быть можетъ, вмѣстѣ съ ними лежали въ гробахъ, впрочемъ, едва-ли снабженныхъ такимъ спеціальнымъ отдѣленіемъ, какое для этой цѣли устроено было въ саркофагѣ царя Кульобскаго. Предметы утвари находились, главнымъ образомъ, или на недалекомъ разстояніи отъ саркофаговъ, или въ юговосточныхъ углахъ крайнихъ помѣщеній гробницы; особыхъ нишъ, предназначенныхъ, быть можетъ, какъ въ курганахъ Александропольскомъ и Чертомлыцкомъ, для храненія вещей, не оказалось. Вообще расположеніе всѣхъ этихъ предметовъ, столь сходныхъ съ соотвѣтствующими имъ древностями изъ другихъ царскихъ могилъ скиѳо-сарматской эпохи, довольно сильно напоминало тотъ порядокъ, въ какомъ они размѣщены были въ Кульобской гробницѣ; нѣкоторыя различія, едва-ли особенно существенныя, происходили, вѣроятно, отъ того, что погребальную обстановку царя Кульобскаго надо было

---

[1]) Отч. Археол. Ком. за 1859 г., стр. VIII; стр. 10. Тоже за 1860 г., стр. IV. Тоже за 1865 г., стр. IV. Тоже за 1882—1888 гг., стр. V, стр. XX. Перечисленіе важнѣйшихъ саркофаговъ, найденныхъ въ южной Россіи, см. въ Отч. Археол. Ком. за 1876 г., стр. 6, прим. 2 и за 1882—1888 гг., стр. 71, прим. 3.

[2]) В. Стасовъ, Описаніе Керченской катакомбы, открытой въ 1872 г., въ Отч. Археол. Ком. за 1872 г., стр. 254—255.

умѣстить въ одномъ помѣщеніи, тогда какъ въ Карагодеуашхскомъ курганѣ такихъ помѣщеній было втрое болѣе. Толстыя могилы богаче помѣщеніями. Естественно, поэтому, что онѣ представляютъ еще большее разнообразіе въ расположеніи вещей, о чемъ, впрочемъ, судить довольно трудно, такъ какъ большинство изъ этихъ могилъ разграблено и оставшіяся вещи уже въ древнее время раскиданы были въ безпорядкѣ. Вторая камера Карагодеуашхской гробницы, по нашему предположенію, центральная, осталась, однако, совершенно пустою; любопытно, что и въ скиѳскихъ толстыхъ могилахъ, напр., Чертомлыцкой, центральная камера также обыкновенно заполнялась одною землей. Тѣло царя Карагодеуашхскаго вмѣстѣ съ царицею и всѣми его богатствами, вѣроятно, привезено было къ могилѣ на коняхъ, впряженныхъ въ колесницу. Конскія кости дѣйствительно оказались частью въ первой камерѣ, частью въ галлереѣ нашей гробницы, какъ и въ Александропольскомъ курганѣ, а обломки колесницы расположены были въ первомъ помѣщеніи недалеко отъ входа; въ Краснокутскомъ курганѣ обломки колесницъ также лежали по обѣимъ сторонамъ входа въ могилу, а при раскопкѣ Александропольскаго кургана они найдены были въ самой гробницѣ.

Составляли-ли вещи, помѣщенныя въ Карагодеуашхской гробницѣ, все имущество царское, мы сказать не можемъ. Скиѳы, какъ извѣстно, хоронили вмѣстѣ съ царемъ лучшую часть его имущества. Албаны (племя кавказское), напротивъ, клали все, чѣмъ владѣлъ покойникъ, въ его могилу, и оставляли наслѣдниковъ въ бѣдности [1]). Какъ-бы то ни было, но погребальная обстановка Карагодеуашхскаго кургана, какъ видно изъ вышесдѣланныхъ сопоставленій, не только въ общемъ характерѣ, но и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, несомнѣнно обнаруживаетъ значительное сходство съ расположеніемъ вещей въ царскихъ могилахъ скиѳо-сарматской эпохи и едва-ли представляетъ большія аналогіи съ похороннымъ обрядомъ, доселѣ извѣстнымъ по кавказскимъ могильникамъ.

Дѣло погребенія, однако, не закончилось размѣщеніемъ усопшихъ и вещей въ гробницѣ кургана Карагодеуашхъ. Входъ въ гробницу заваленъ былъ большою каменною плитою (какъ это обыкновенно бываетъ въ керченскихъ склепахъ), вслѣдъ затѣмъ накрытой, повидимому, кучею земли и камней. На этихъ камняхъ, провалившихся, какъ извѣстно, во внутрь гробницы, оказались слои золы и кости домашнихъ животныхъ. Такимъ образомъ, заключительнымъ актомъ погребенія была тризна, о размѣрахъ которой, мы, къ сожалѣнію, по недостатку данныхъ, судить не можемъ. Самый обычай совершать тризну надъ могилою усопшаго былъ, разумѣется, однимъ изъ весьма распространенныхъ въ южной Россіи до христіанской эпохи и обнаружился при раскопкѣ прикубанскихъ, анапскихъ, керченскихъ и, наконецъ, приднѣпровскихъ кургановъ [2]). Надъ могилами Камыште и многихъ закавказскихъ могильниковъ также замѣчены были остатки тризнъ [3]), быть можетъ, часто повторявшихся по обычаю современныхъ Осетинъ и Тущинъ [4]).

---

[1]) Herod., IV, 71. Strab., XI, 4, 8.

[2]) Отч. Археол. Ком. за 1881 г., стр. XI и мн. друг.

[3]) E. Chantre, Ibid., t. III, p. 17. «Nous avons vu, пишетъ г. Морганъ, en décrivant les diverses nécropoles (Cheïtan-tagh, Akthala, Mouçi-yéri etc.) que très fréquemment les amas de pierres, qui recouvraient la dalle supérieure des tombeaux contenaient des ossements humains, des débris de moutons, de chevaux et de boeufs, des vases brisés et quelques menus objets sans importance». (I. de Morgan, Ibid., t. I, p. 80).

[4]) К. Тетрадзе, Тризна у горцевъ въ газетѣ «Кавказъ» за 1883 г., № 13. У другихъ горцевъ тоже бываютъ тризны, но менѣе роскошныя, чѣмъ у Осетинъ и Тущинъ, которые за одинъ разъ убиваютъ до 50—60 головъ рогатаго скота. E. Chantre, Ibid., t. V, p. 158.

Вслѣдъ за совершеніемъ тризны на мѣстѣ погребенія, обыкновенно воздвигался курганъ. Такъ-же поступило и племя, сооружавшее Карагодеуашхскую гробницу[1]). Оно засыпало ее землею, которая слежалась настолько, что при раскопкѣ нашего кургана пришлось работать не лопатами, а кирками. Эта особенность встрѣчается не впервые. Близкій сосѣдъ кургана Карагодеуашхъ — первый Семибратній, отличался, напримѣръ, необыкновенной плотностью и твердостью насыпи[2]), въ насыпяхъ же одной изъ Геремесовыхъ могилъ и Чертомлыцкаго кургана можно было даже усмотрѣть и самые слои крѣпко утоптанной и слежавшейся земли[3]). Мы, поэтому, вправѣ предполагать, что и твердость насыпи Карагодеуашхской — искусственнаго происхожденія. Благодаря этому пріему, значительные размѣры ея ($4\frac{2}{3}$ саж. въ вышину при 96 саж. въ окружности) сохранились и до нашихъ дней. По величинѣ своей она, такимъ образомъ, довольно близко подходитъ къ извѣстному Павловскому кургану и къ Султанъ-кургану подлѣ Анапы, нѣсколько болѣе Юзобскихъ и менѣе Мелекъ-Чесменскаго и Таманской близницы. Между Семибратними могилами наше сооруженіе занимаетъ среднее мѣсто, ибо выше третьяго ($4\frac{1}{2}$ саж.), пятаго ($3\frac{1}{2}$ саж.) и седьмого (3 саж.) кургановъ этой группы, нѣсколько ниже шестого ($5\frac{1}{3}$ саж.), наконецъ, еще ниже четвертаго (6 саж.) и особенно перваго изъ нихъ (7 саж. и около 120 саж. въ окружности). Въ такомъ-же положеніи наша насыпь находится и сравнительно съ такъ называемыми толстыми могилами; однѣ изъ нихъ были нѣсколько меньше, какъ напр., Краснокутская (вышиною въ 4 саж., окружностью въ 30 саж.), другія, наоборотъ, превосходили его. Таковы, напр., курганы Александропольскій, Цымбалка и Чертомлыцкій, всѣ вышиною въ 7—9 саж. и окружностью до 140—170 саж.[4]). Форма, какая придана была Карагодеуашхской насыпи, не обнаруживаетъ такого значительнаго сходства съ вышеупомянутыми могилами, какое замѣтно между размѣрами этихъ сооруженій. Правда, на Карагодеуашхскомъ курганѣ, подобно Александропольскому и Чертомлыцкому, устроена была довольно просторная площадка, саженъ въ 8—9 діаметромъ; но если эту особенность съ одной стороны можно объяснять желаніемъ древняго, туземнаго населенія устроить себѣ мѣсто для совершенія жертвоприношеній или тризнъ надъ останками царскими, то съ другой, ея происхожденіе позволительно считать и позднѣйшимъ: недавно мѣстное населеніе (Шапсуги) на той-же Карагодеуашхской площадкѣ собиралось на сходки, для которыхъ или воспользовалось готовымъ мѣстомъ или устроило его на вершинѣ кургана. Далѣе, одинаково пологіе бока нашего кургана, отсутствіе какихъ-бы то ни было укрѣпленій, рва и вала, — все это отличаетъ его отъ вышеперечислен-

---

[1]) Дальнѣйшія заключенія имѣютъ силу лишь въ томъ случаѣ, если считать связь между гробницею и курганною насыпью подлѣ станицы Крымской не случайной. Гробницы, однако, расположены были надъ верхоземкой, а раскопокъ далѣе, вглубь материка, повидимому, не производилось. Все это возбуждаетъ сомнѣніе, не впущена-ли была наша гробница въ курганъ послѣ его сооруженія надъ болѣе древней могилой? Но даже въ томъ случаѣ, если лица, сооружавшія Карагодеуашхскую гробницу, воспользовались готовымъ курганомъ, они все-же этому послѣднему должны были придавать нѣкоторое значеніе въ похоронномъ обрядѣ.

[2]) Отч. Археол. Ком. за 1875 г., стр. V.

[3]) Древ. Герод. Скиѳ., вып. II, стр. 35 и 115.

[4]) Отч. Археол. Ком. за 1859 г., стр. 7 и 21; тоже за 1860 г., стр. III — IV; тоже 1875 г., стр. IV, VIII, IX, X и XIII; тоже за 1882—1888 г., стр. XXVIII. А. Лаппо-Данилевскій, Ibid., стр. 189.

ныхъ анапскихъ, керченскихъ и толстыхъ могилъ [1]). Тяжелая насыпь, прикрывавшая Карагодеуашхскую гробницу, предназначена была, конечно, для того, чтобы предотвратить разграбленіе царскаго имущества. Въ основѣ этого обычая, быть можетъ, лежало, однако, и болѣе глубокое затаенное вѣрованіе. Многіе изъ нашихъ инородцевъ доселѣ съ глубокимъ страхомъ относятся къ покойнику; множествомъ обрядовъ стараются они задержать его духъ на мѣстѣ погребенія, не допускать его въ среду живыхъ людей. Тѣ-же обряды извѣстны и у другихъ племенъ на первыхъ ступеняхъ развитія [2]). Возможно, поэтому, что туземцами, сооружавшими Карагодеуашхскую насыпь, руководило желаніе не только предохранить покойнаго царя отъ разоренія, но и покинутыхъ имъ на землѣ потомковъ, а также подчиненныхъ, оградить отъ появленія среди нихъ страшнаго духа усопшаго.

Погребальный обрядъ, описанный нами выше, какъ видно, дышетъ еще глубокимъ натурализмомъ первобытныхъ вѣрованій. Въ силу этихъ вѣрованій, усопшій за гробомъ продолжаетъ жить душею и тѣломъ, испытываетъ тѣ-же интересы, какіе волновали его ранѣе въ земной жизни, ощущаетъ прежнія потребности и удовлетворяетъ ихъ тѣми-же матеріальными средствами. Смерть въ глазахъ варвара носила на себѣ отпечатокъ и чего-то неразгаданнаго, сверхестественнаго. Къ временной скорби по усопшемъ присоединялся дикій экстатическій разгулъ во время тризны надъ его могилой и религіозный страхъ передъ его тѣнью, которую послѣ похоронъ надо было долго еще умилостивлять и замаливать по мѣрѣ силъ. Эти общія черты отразились и въ Карагодеуашхскомъ погребальномъ обрядѣ. Важнѣйшія его особенности несомнѣнно роднятъ курганъ Карагодеуашхъ съ царскими могилами Скиѳо-Сарматской эпохи, разсѣянными по степямъ южной Россіи. Кое-какія отклоненія не настолько велики, чтобы нельзя было ихъ объяснить племенными (а не этническими, расовыми) различіями и бо́льшимъ вліяніемъ, какое оказывала греческая цивилизація на прикубанскихъ варваровъ, чѣмъ на племена, кочевавшія въ области Приднѣпровья....

Такимъ образомъ, и длинный рядъ выше представленныхъ описаній древностей, открытыхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ, и кропотливая ихъ оцѣнка и, наконецъ, ближайшее ознакомленіе съ тѣми обычаями и обрядами, на какіе онѣ указываютъ, — все это приводитъ насъ къ заключенію, которое не разъ уже сквозило между строкъ предшествующаго изложенія. Курганъ Карагодеуашхъ служитъ такимъ-же памятникомъ мѣстнаго туземнаго быта на восточной сторонѣ Воспора Киммерійскаго, какимъ Кульобская гробница является на его западной сторонѣ. И тамъ и здѣсь видны черты этого быта, кое-гдѣ ярче выраженныя, благодаря греческому искусству, въ другихъ случаяхъ, напротивъ, скрытыя въ формахъ болѣе высокой и чуждой имъ культуры. Бытовыми особенностями курганъ Карагодеуашхъ не только роднится съ Кульобскимъ, но и съ болѣе отдаленными толстыми могилами Скиѳо-Сарматской эпохи, расположенными въ Приднѣпровьѣ. Не обнаруживая полнаго сходства ни съ одной изъ нихъ, древности Карагодеуашхскія

---

[1]) Ср. Отч. Археол. Ком. за 1859 г., стр. 7 и 20. Тоже за 1862 г., стр. V—VI. Тоже за 1882—1888 г., стр. XXVIII.

[2]) Быть можетъ, въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать извѣстіе, сообщаемое Страбономъ объ Албанахъ, у которыхъ будто-бы τεθνηκότων δὲ οὐχ ὅσιον φροντίζειν οὐδὲ μεμνῆσθαι Strab., XI, 4, 8. Много данныхъ по этому вопросу собрано въ любопытной статьѣ I. G. Frazer, On certain burial customs as illustrative of the primitive theory of the soul, въ Journ. of the Anthrop. Instit. v. XV, pp. 64—104.

многими и многими отдѣльными чертами приближаются къ остаткамъ старины, найденнымъ въ приднѣпровскихъ могилахъ. Такое сходство указываетъ на принадлежность нашихъ древностей къ варварскому быту скиѳо-сарматскихъ народностей, къ той-же культурной группѣ. Близкое родство, въ какомъ курганъ Карагодеуашхъ стоитъ къ могиламъ приднѣпровскимъ, не мѣшаетъ намъ, однако, замѣтить на его древностяхъ нѣкоторое вліяніе кавказской культуры и еще большее воздѣйствіе греческой цивилизаціи. Въ самомъ дѣлѣ, если курганъ Карагодеуашхъ съ одной стороны можно считать драгоцѣннымъ источникомъ для исторіи туземнаго быта, то, съ другой, онъ не менѣе любопытенъ, какъ складъ прекраснѣйшихъ греческихъ издѣлій золотыхъ дѣлъ мастерства, характеризующихъ цвѣтущій періодъ греческаго искусства, и какъ свидѣтельство того обширнаго, хотя и не глубокаго, вліянія, какое пріобрѣла греческая цивилизація на окружавшій ее со всѣхъ сторонъ варварскій міръ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Историческая квалификація древностей, открытыхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ.

Богатое археологическое содержаніе кургана Карагодеуашхъ само по себѣ привлекаетъ вниманіе, вызываетъ и на сравненіе его съ однородными памятниками быта. Для того, однако, чтобы оцѣнить эти древности надлежащимъ образомъ, недостаточно сопоставить ихъ съ доселѣ извѣстными; необходимо разсмотрѣть ихъ въ связи съ мѣстными историческими условіями и такимъ образомъ, хотя бы отчасти, разъяснить присущія имъ особенности. На основаніи сдѣланныхъ выше наблюденій, возможно высказать нѣсколько догадокъ о времени сооруженія кургана Карагодеуашхъ. Приблизительно вѣрныя хронологическія даты укажутъ намъ и на тотъ періодъ времени, въ предѣлахъ котораго слѣдуетъ разыскивать народность, обитавшую въ области нижняго теченія р. Кубани и столь реально представленную на треугольной пластинѣ съ колпака царицы карагодеуашхской. Эти заключенія, въ свою очередь, помогутъ намъ разобраться въ вопросѣ о томъ, какое культурное значеніе слѣдуетъ придавать карагодеуашхскимъ древностямъ въ ряду доселѣ извѣстныхъ южнорусскихъ памятниковъ быта и, такимъ образомъ, дадутъ намъ возможность перейти изъ довольно узкаго круга непосредственныхъ наблюденій въ область менѣе точныхъ, но и болѣе квалифицированныхъ предположеній и выводовъ.

1. Время сооруженія кургана Карагодеуашхъ.

Если бы въ числѣ карагодеуашхскихъ древностей оказалась какая-нибудь монета одного изъ Воспорскихъ царей, то, имѣя ее передъ глазами, намъ не пришлось бы много разсуждать о времени сооруженія кургана Карагодеуашхъ: тотъ или другой годъ Воспорской эры, выставленный на ея матрицѣ, за насъ опредѣлилъ бы достаточно точно и возрастъ нашего кургана. Взамѣнъ монетъ, однако, въ нашемъ собраніи имѣется только медальонъ, съ изображеніемъ бородатой головы мужчины, поврежденный настолько, что и кальки съ него ничего опредѣленнаго дать не могли. Если бы на вещахъ, напр. амфорныхъ ручкахъ, открытыхъ въ Карагодеуашхскомъ курганѣ, выставлены были какія-нибудь надписи или монограммы, то и по этимъ эпиграфическимъ даннымъ возможно было-бы приблизительно опредѣлить древность описаннаго сооруженія. Но и на амфорныхъ ручкахъ изъ кургана Карагодеуашхъ ничего подобнаго не встрѣчается. Такимъ образомъ, болѣе или менѣе точныхъ указаній на возрастъ кургана Карагодеуашхъ мы не имѣемъ: за отсутствіемъ такихъ свѣдѣній приходится пользоваться побочными, косвенными данными. Общій художественный стиль, если не туземныхъ, то по крайней мѣрѣ греческихъ вещей, типы которыхъ въ греческомъ искусствѣ слѣдовали въ извѣстномъ хронологическомъ преемствѣ,

даетъ намъ возможность причислить ихъ и къ извѣстному періоду времени. Далѣе, родство нашего кургана съ тѣми изъ толстыхъ могилъ, возрастъ которыхъ хотя бы приблизительно извѣстенъ и, наконецъ, отсутствіе въ средѣ карагодеуашхскихъ древностей вещей и стиля, характеризующихъ позднѣйшія эпохи, еще болѣе облегчаютъ нашу задачу.

Первый рядъ данныхъ несомнѣнно указываетъ на древнее происхожденіе кургана Карагодеуашхъ. Треугольная пластина отъ клобука царицы едва-ли можетъ возбуждать особенно сильныя сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Смѣлаго, благороднаго стиля, въ какомъ представлена на ней бытовая сцена, трудно было бы ожидать отъ временъ упадка греческаго искусства. Во всякомъ случаѣ наша пластина не отличается тѣмъ грубымъ характеромъ, какой мы встрѣчаемъ на чеканныхъ-же бляхахъ отъ керченскихъ погребальныхъ вѣнковъ съ изображеніями всадниковъ, быть можетъ, Воспорскихъ царей I—III вв. по Р. Х.[1]). Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что пластина отъ клобука уже нѣсколько потерлась и измялась, чѣмъ и объясняются нѣкоторыя несовершенства въ ея техникѣ. Остальные предметы роскоши, принадлежавшіе царю и царицѣ карагодеуашхскимъ, относятся по всей вѣроятности къ цвѣтущему періоду греческаго искусства: таковы царская гривна съ фигурами львовъ, пожирающихъ вепрей, серьги царицы, ожерелья, медальоны и перстень, на щиткѣ котораго вырѣзана женщина, играющая на лирѣ; наконецъ, ритоны съ изображеніями всадниковъ, обрамленныхъ животнымъ и растительнымъ орнаментомъ. Судя по высокому, строгому стилю, въ какомъ трактованы всѣ эти вещи, происхожденіе ихъ, по всей вѣроятности, не позднѣе IV в. до Р. Х. Но животныя сцены на серебряномъ ритонѣ и, особенно, человѣческія фигуры, представленныя на обломкахъ отъ горита, отзываются нѣсколько иными художественными традиціями; по широкому, размашистому, бьющему на эффектъ стилю онѣ подходятъ къ новымъ художественнымъ правиламъ, установленнымъ Скопасомъ и его школой, слѣдовательно принадлежатъ второй половинѣ IV в. до Р. Х. Такимъ образомъ и возрастъ кургана, въ которомъ найдены эти предметы, можно было бы отнести къ тому-же времени, т. е. ко второй половинѣ IV в. до Р. Х. Выводъ этотъ, разумѣется, нельзя считать безусловно вѣрнымъ. Нѣкоторыя изъ вещей, описанныхъ выше, могли попасть въ гробницу случайно, какъ трофеи, захваченные царемъ карагодеуашхскимъ въ войнахъ съ правителями Воспора. Невѣроятно, однако, чтобы всѣ эти вещи одновременно такимъ именно путемъ стали достояніемъ варвара; а между тѣмъ всѣ онѣ относятся болѣе или менѣе къ одной и той-же эпохѣ, что едва ли позволяетъ сомнѣваться въ принадлежности и самого кургана къ тому-же періоду времени. Важнѣе другое возраженіе, какое можно было бы высказать по поводу сдѣланнаго нами заключенія. Положимъ, что всѣ означенныя вещи греческой работы и дѣйствительно относятся ко второй половинѣ IV вѣка; но вѣдь нѣкоторыя изъ нихъ трактованы въ новомъ стилѣ, а этотъ послѣдній не сразу-же проникъ въ Пантикапею, ибо нуждался въ извѣстномъ промежуткѣ времени для своего распространенія; поэтому новые вкусы могли утвердиться здѣсь, на берегахъ Воспора, послѣ того, какъ успѣли распространиться въ собственной Греціи. Это замѣчаніе заставляетъ насъ нѣсколько усумниться въ томъ, чтобы означенныя древности принадлежали ко второй половинѣ IV вѣка; быть можетъ, эти вещи или, по крайней мѣрѣ, курганъ, въ которомъ онѣ найдены, слѣдуетъ относить и не къ IV, а къ самому началу III вѣка до Р. Х.

---

[1]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, таб. III, №№ 3 и 4. Н. Кондаковъ и гр. И. Толстой, Рус. Древ., вып. I, стр. 43 и вып. II, стр. 83.

Такой выводъ отчасти совпадаетъ и съ другимъ рядомъ данныхъ, косвенно указывающихъ на древность кургана Карагодеуашхъ. Мы видѣли, что украшенія отъ одеждъ и предметы роскоши, принадлежавшіе царю и царицѣ карагодеуашхскимъ, кладка погребальныхъ камеръ и расположеніе вещей въ ихъ нѣдрахъ напоминали Кульобскую гробницу, что вооруженіе того-же царя очень сходствуетъ съ оружіемъ, найденнымъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ, а планировка погребальныхъ помѣщеній — съ устройствомъ Александропольской могилы; мы замѣтили, наконецъ, что и въ размѣщеніи усопшихъ, и въ способѣ насыпки кургана, и въ погребальномъ обрядѣ вообще замѣчается родство между Карагодеуашхскимъ курганомъ и тѣми-же приднѣпровскими могилами. А эти могилы, между тѣмъ, относятся приблизительно къ эпохѣ, на которую указываютъ и означенныя выше греческія издѣлія изъ кургана Карагодеуашхъ. Если Кульобскую гробницу причислить къ V или IV вѣку до Р. Х., Чертомлыцкій курганъ къ IV или, какъ теперь склонны признать нѣкоторые изслѣдователи, къ III—II вѣку до Р. Х. т. е. времени, когда сооружена была Александропольская могила[1]), то и родственный имъ Карагодеуашхскій курганъ, ближе всего стоящій къ Кульобской гробницѣ, хотя, вѣроятно, нѣсколько болѣе поздняго происхожденія, естественно умѣстится въ тѣже хронологическія рамки.

Наконецъ, еще одно показаніе отрицательнаго свойства подтверждаетъ всѣ вышеприведенныя заключенія. Если въ древностяхъ карагодеуашхскихъ греческое вліяніе преобладаетъ, то слѣдовъ римскаго на нихъ почти вовсе незамѣтно, причемъ ни одна изъ этихъ вещей не можетъ быть отнесена и къ чисто варварскому позднѣйшему (по Р. Хр.) стилю, который характеризировался почти исключительнымъ преобладаніемъ звѣринаго орнамента и обычая украшать предметы роскоши драгоцѣнными камнями. Такимъ образомъ, къ римской эпохѣ карагодеуашхскія древности, да и самый курганъ Карагодеуашхъ причислить нельзя.

И такъ, принадлежность большинства греческихъ издѣлій, найденныхъ въ Карагодеуашхской гробницѣ, къ IV-му вѣку до Р. Хр. (скорѣе ко второй его половинѣ), родство нашего кургана съ курганами Скиѳо-Сарматской эпохи IV—III вв. до Р. Хр. и, наконецъ, отсутствіе какихъ-бы то ни было слѣдовъ римскаго вліянія, а также позднѣйшаго варварскаго стиля, приводятъ насъ къ заключенію, что курганъ Карагодеуашхъ всего вѣроятнѣе отнести ко второй половинѣ IV-го или къ началу III-го в. до Р. Хр.

2. Народность, соорудившая курганъ Карагодеуашхъ.

Вопросъ о народности, соорудившей курганъ Карагодеуашхъ, еще болѣе предшествующаго, удаляетъ насъ изъ области непосредственныхъ археологическихъ наблюденій и переноситъ въ сферу историческихъ предположеній.

Въ самомъ дѣлѣ, наши древности содержатъ лишь весьма скудныя и неопредѣленныя указанія на то племя, которымъ, вѣроятно, управляло лицо, погребенное въ курганѣ. Одна треугольная пластина съ клобука царицы даетъ намъ изображеніе нѣсколькихъ человѣческихъ фигуръ, принадлежавшихъ къ этому племени. Мужскіе типы, довольно слабо очерченные, повидимому, однородны съ женскими. И тѣ и другіе надѣлены широкою мясистой физіономіей съ полу-

---

[1]) Ibid., вып. II, стр. 100 и 113.

круглымъ покатымъ лбомъ, развитыми надбровными дугами, близко сдвинутыми къ переносицѣ глазными впадинами, тупымъ носомъ и такимъ-же подбородкомъ; тѣлосложеніе у всѣхъ этихъ лицъ, повидимому, коренастое, плотное. Типъ этотъ можно назвать арійскимъ, хотя онъ и не безъ примѣси монгольскихъ (урало-алтайскихъ) элементовъ. Мужское лицо, представленное на нашей пластинѣ, нѣсколько напоминаетъ «скиѳскіе» типы, извѣстные намъ, напр., по Кульобскимъ золотымъ бляшкамъ, изображающимъ Скиѳа съ чашею и горитомъ[1]); нѣкоторое сходство можно также отмѣтить между нашимъ слугой и другими доселѣ извѣстными изображеніями Скиѳовъ[2]). Впрочемъ, слабо очерченный мужской типъ на пластинѣ не даетъ возможности входить въ оцѣнку его особенностей; онъ вызываетъ скорѣе общее впечатлѣніе, нѣсколько подобное тому, какое производятъ и вышеперечисленные рисунки. Женскій типъ, насколько мы его знаемъ, по Карагодеуашхской пластинѣ (напр., по изображенію женщины, стоящей вправо отъ царицы), отчасти напоминаетъ изображеніе на обломкѣ отъ колчана, найденномъ близъ села Мерджаны Кубанской области въ 1876 г.[3]) и подходитъ къ типу современныхъ осетинскихъ женщинъ[4]).

Выводы эти получатъ нѣсколько болѣе опредѣленную окраску, если сопоставить ихъ съ заключеніями, какія по тому-же вопросу позволяетъ намъ сдѣлать общій характеръ древностей, открытыхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ. Сходство, которое мы замѣчаемъ между карагодеуашхскими предметами древности и скиѳо-сарматскими при отличіи ихъ отъ кавказскихъ, также скорѣе намекаетъ на какое-то родство между племенами, сооружавшими прикубанскіе и приднѣпровскіе курганы. Въ самомъ дѣлѣ, не только отдѣльныя вещи, открытыя въ этихъ курганахъ, чрезвычайно близко подходятъ другъ къ другу по назначенію и отдѣлкѣ, что, конечно, возможно было-бы разъяснять одинаковыми потребностями племенъ, жившихъ въ однородныхъ условіяхъ, и одинаковымъ происхожденіемъ вещей изъ одного и того-же греческаго центра, откуда онѣ развозились въ разныя стороны, на Днѣпръ и на Кубань; но и во всей своей совокупности предметы, открытые въ Карагодеуашхскомъ курганѣ, напоминаютъ древности, извѣстныя намъ по царскимъ могиламъ скиѳо-сарматской эпохи, и указываютъ, слѣдовательно, на одинаковый образъ жизни прикубанскихъ и черноморскихъ варваровъ. Мало того: погребальный обрядъ, открытый въ Карагодеуашхскомъ курганѣ, во многихъ существенныхъ чертахъ обнаруживаетъ сходство съ обрядами, какіе пришлось наблюдать при раскопкѣ Кульобской гробницы и могилъ Александропольской и Чертомлыцкой. Эти аналогіи едва-ли случайнаго свойства: онѣ указываютъ на культурное родство вышеуказанныхъ кургановъ, быть

---

[1]) Древ. Босф.Ким., Атласъ, Таб. XXXII, № 1.

[2]) Ср. съ нашимъ типомъ типъ царскаго конюха, помѣщеннаго влѣво отъ кобылы и другаго конюха, упавшаго на лѣвое колѣно на лицевой и обратной сторонѣ Чертомлыцкой вазы (Отч. Археол. Ком. за 1864 г., Таб. III, № 1 = Древ. Герод. Скиѳіи, Атласъ, вып. II, Таб. XXXIII, № 1), а также воина-варвара, упавшаго и замахнувшагося сѣкирой на пластинѣ отъ Чертомлыцкаго меча (Отч. Археол. Ком. за 1864 г., Атласъ, Таб. V, № 4 = Древ. Герод. Скиѳіи, Атласъ, вып. II, Таб. XXXV, № 4). На обломкѣ ритона римской эпохи, неизвѣстной находки въ Кубанской области (пріобрѣтеннаго гр. А. А. Бобринскимъ), есть изображеніе варвара, повидимому, такого-же типа (Ср. Н. Кондаковъ и гр. И. Толстой, Ibid., II, стр. 63). Сюда-же можно отнести и нѣсколько статуэтокъ, впрочемъ, не вполнѣ сходныхъ съ вышеописаннымъ типомъ (Ibid.)

[3]) Дѣло Имп. Археол. Ком. 1877 г., № 6.

[4]) I. Klaproth, Reise in den Kaukasus, C. II, s. 587. «Die Frauenzimmer (der Osseten) sind gewöhnlich klein und unansehnlich, haben runde Gesichter und Stumpfnasen, aber einen festen Körperbau».

можетъ намекаютъ и на этническое единство племенъ, ихъ сооружавшихъ. Правда, на нѣкоторыхъ изъ карагодеуашхскихъ предметовъ древности можно, пожалуй, видѣть слѣды кавказскаго вліянія, но сходства между погребальной обстановкой царя и царицы карагодеуашхскихъ, взятой въ ея цѣломъ, и похороннымъ обрядомъ, извѣстнымъ намъ по могильникамъ Кавказа, мы положительно не встрѣчаемъ[1]). Напротивъ, какъ ни мало разработана доселѣ археологія Кавказа, тѣмъ не менѣе кое-какія наблюденія указываютъ на бытовыя отличія, существовавшія между сѣверными и южными склонами Кавказскаго хребта. Побывавшіе на мѣстахъ изслѣдователи утверждаютъ, напримѣръ, что берега Кубани и сѣверная часть Абхазіи изобилуютъ дольменами, которыхъ, однако, далѣе на югъ въ странѣ Зыговъ (Ζύγοι) и еще южнѣе уже не видно[2]). Отличія замѣчаются и въ распространеніи бронзовыхъ орудій; ихъ много найдено на сѣверѣ отъ Кавказскихъ горъ (а отчасти и въ окрестностяхъ Новороссійска) и очень мало встрѣчается въ Закавказьѣ, гдѣ, повидимому, бронзовый вѣкъ продолжался не долго или даже вовсе отсутствовалъ[3]); то-же, къ удивленію нашему, слѣдуетъ сказать и о золотѣ: издѣлій изъ этого металла въ доселѣ открытыхъ кавказскихъ могильникахъ почти вовсе нѣтъ; изобиліе-же его въ курганахъ южнорусскихъ степей, между прочимъ и Карагодеуашхскомъ, невольно поражаетъ наблюдателя[4]). Различіе, отмѣченное нами въ матеріалѣ, сказывается и въ техникѣ и въ разновидностяхъ предметовъ, добытыхъ изъ могильниковъ сѣвернаго и южнаго склоновъ Кавказскаго хребта. Такъ, напр., предметы изъ Кобанскаго могильника, въ техническомъ отношеніи стоятъ выше вещей, найденныхъ далѣе на югъ у истоковъ р. Куры. Такое-же различіе замѣчается, въ отдѣлкѣ мечей и булавокъ, гончарныхъ издѣлій, различныхъ украшеній, орнаментальныхъ знаковъ — словомъ, въ ремеслахъ и искусствѣ того и другаго пункта[5]). Наконецъ, и курганы, столь распространенные на сѣверъ отъ Кавказскихъ горъ, очень мало извѣстны на югъ отъ нихъ, за исключеніемъ развѣ Муганской степи[6]). Всѣ эти наблюденія, основанныя на довольно скудномъ запасѣ матеріала, происхожденіе и древность котораго пока еще плохо под-

---

[1]) Единственный примѣръ, нѣсколько подходящій, можно было-бы видѣть въ большомъ склепѣ, открытомъ на верховьяхъ р. Валерика; но здѣсь найденъ одинъ женскій скелетъ съ украшеніями. Судя по краткому описанію этого склепа и погребальной обстановкѣ (Сборникъ свѣдѣній о Терской обл., т. I, стр. 249 и сл.), онъ едва-ли особенно близко стоитъ къ Карагодеуашхскому кургану. J. de Morgan, Ibid., t. II, p. 186.

[2]) Е. Фелицынъ, Кубанскія древности, Дольмены, богатырскіе дома станицы Баговской Майконскаго уѣзда въ Кубанск. области. вѣдомостяхъ за 1879 г., №№ 21, 22 и 24, отдѣльно Екатер. 1879 г., а такъ-же въ Извѣстіяхъ Имп. Общ. Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, т. XXXV, вып. I, М. 1880, стр. 26—29; Ср. стр. 74—75. В. Ильинъ, Дольмены близъ станицы Даховской (за рѣкой Бѣлой) въ Сборникѣ Матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XIII, 1892 г., стр. 18—19. I. Хурумовъ, Древнія гробницы на р. Индышѣ (верстахъ въ 15 отъ ея впаденія въ Кубань) Ibid., стр. 20. Ср. примѣч. 4.

[3]) Нѣкоторыя изъ могилъ вверхъ по теченію р. Терека и по среднему теченію р. Баксана, напр., по издѣліямъ своимъ всецѣло могутъ быть отнесены къ бронзовому вѣку. См. Отч. Археол. Ком. за 1882—1888 гг., стр. CLXXXI, CCLXXXIV, CCXCI—CCXCIV.

[4]) J. de Morgan, Ibid., t. I, pp. 34 et 66; t. II, pp. 35—36. Впрочемъ, въ Кобани гр. А. Бобринскій недавно (1888 г.) нашелъ браслетъ изъ золота, «чуть-ли не единственный случай находки здѣсь золотого предмета». См. Отч. Археол. Ком. за 1882—1888 гг., стр. CCLI.

[5]) J. de Morgan, Ibid., t. II, pp. 174—185.

[6]) Ф. Байернъ, О древнихъ сооруженіяхъ на Кавказѣ въ Сборн. свѣд. о Кавказѣ, т. I, стр. 311. В. Миллеръ, Терская область, стр. 93.

даются опредѣленію, разумѣется не позволяютъ намъ дѣлать какіе-бы то ни было положительные выводы. Возможно лишь предполагать, да и то со многими оговорками, что Кавказскій хребетъ уже въ древнѣйшее время служилъ не только географической, но и этнографическою гранью, раздѣлявшею Кавказскій перешеекъ на разныя этническія группы.

Изученіе Карагодеуашхскихъ древностей, какъ видно, приводитъ насъ къ заключенію, что племя, сооружавшее этотъ курганъ, едва-ли не находилось въ болѣе близкомъ этническомъ родствѣ съ племенами скиѳо-сарматскими, чѣмъ съ народцами, заселявшими южные склоны Кавказскаго хребта[1]). Извѣстія древнихъ писателей частью подтверждаютъ, частью развиваютъ далѣе эти выводы и не только позволяютъ предполагать нѣкоторое родство между племенами, жившими по нижнему теченію р. Кубани и Скиѳами съ Сарматами, но даютъ возможность указать и на ту народность, которая, быть можетъ, соорудила курганъ Карагодеуашхъ. Обратимся къ краткому обзору этихъ извѣстій.

Въ древнее время границей между Европой и Азіей считали обыкновенно р. Танаисъ (Донъ); но по другому мнѣнію, правда менѣе распространенному, не Танаисъ, а Фазисъ (р. Ріонъ) отдѣлялъ Европу отъ Азіи[2]). Пространство между р. Танаисомъ и Фазисомъ заселено было множествомъ мелкихъ народцевъ[3]), которые частью тѣснились у восточныхъ береговъ Азовскаго и Чернаго морей, частью расположены были по сѣвернымъ и южнымъ склонамъ Кавказскихъ горъ. Всѣ они распадались на три группы, въ составъ которыхъ входили Сарматы, Меоты (къ которымъ причислялись также Синды) и кавказскія племена, жившія между Синдами и Колхами до Фазиса.

Вопросъ о происхожденіи этихъ народцевъ, судя по извѣстіямъ древнихъ писателей, все еще остается темнымъ. Сарматы принадлежали, по всей вѣроятности, къ арійской расѣ. На это указываютъ разсказы о ихъ мидійскомъ происхожденіи[4]), сходство Сарматовъ съ Парѳянами по

---

[1]) Въ противоположность старому мнѣнію А. Бёка (A. Boeckh C. I. G., II, p. 101), который Синдовъ считалъ Меотами, W. Tomaschek (Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden въ Sitzungsberichte der Kais. Akad. der Wissenschaften, Philosoph. Hist. Classe, CXVI B., Wien, 1888, s. 720), полагаетъ, что Σίνδοι, Ψσήσσοι, Τορέται, Δόσχοι, Δανδάριοι, Κερκέται и Ζυγοί (čerk. tsugχ «Menschen») ничто иное какъ «ein Ueberrest kaukasischer Aboriginer»... Подобного-же мнѣнія придерживается и К. Мюлленгофъ (Müllenhoff, Deutsche Alterthumskunde, Berl. B. III, 1892, s. 103, not. 2).

[2]) Herod., IV, 45. Agathemerus, Geograph., I, 1 (ed. S. F. Guil. Hoffmann, Lips., 1842, pp. 290—291): Ἀσίας δὲ καὶ Εὐρώπης οἱ μὲν ἀρχαῖοι (λέγουσι) Φᾶσιν ποταμὸν καὶ τὸν ἕως Κασπίας Ἰσθμόν, τὸν ἀπὸ Σάρβω. οἱ δέ ὕστερον νεώτεροι Μαιῶτιν λίμνην καὶ Τάναϊν ποταμόν. Это извѣстіе Агаѳемера, быть можетъ, подтверждается тѣмъ, что во времена Страбона всѣ уже держались втораго мнѣнія (Strab., XI, 7, 4). Ср. стр. 108.

[3]) Strab., XI, 2, 16. Говоря о торговомъ значеніи Діоскуріады, географъ продолжаетъ: συνέρχεσθαι γοῦν εἰς αὐτὴν ἑβδομήκοντα οἱ δὲ καὶ τριακόσια ἔθνη φασίν, οἷς οὐδὲν τῶν ὄντων μέλει, πάντα δὲ ἑτερόγλωττα διὰ τὸ σποράδην καὶ ἀμίκτως οἰκεῖν ὑπὸ αὐθαδείας καὶ ἀγριότητος... Ср. Plin., Hist. Nat., VI, 5, 1. Современная этнографія Кавказа отчасти подтверждаетъ эти слухи; см. E. Chantre, Ibid., t. I, p. 11 et t. V, p. 212. J. de Morgan, Ibid., t. II, p. 184.

[4]) K. Müllenhoff, Ueber die Herkunft und Sprache der Pontischen Scythen und Sarmaten въ Monatl. Berichte der Kaiserl. Akad. zu Berlin, 1866, August. Ср. также В. Миллера, Эпиграфическіе слѣды Иранства на югѣ Россіи въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1886 г., октябрь, стр. 232—284. Diod. Sic., II, 43, 6 и 7 (ed. Müller, I, 114). Plin., Hist. Nat. VI, 7 (ed. D. Detlefsen, Berl., 1866, I, 235): Sarmatae — Medorum, uti ferunt, suboles.

наружности, одеждѣ и вооруженію[1]), на родство Сарматовъ со Скиѳами по происхожденію, языку и быту, о чемъ свидѣтельствуютъ вещественные памятники[2]), и разсказы древнихъ авторовъ[3]). Такимъ образомъ, возможно съ нѣкоторой долей вѣроятія утверждать, что Сарматы родственны были Иранцамъ и Скиѳамъ, повидимому, также принадлежавшимъ къ арійской группѣ народностей[4]). Племена Меотовъ, жившихъ по восточнымъ берегамъ Азовскаго моря, могли быть такого же происхожденія. Имена Дандаріевъ и Аспургіановъ, напр., удовлетворительно разъясняются иранскими корнями, также какъ и нѣкоторыя изъ географическихъ и собственныхъ именъ тогдашняго Приазовья[5]). Неудивительно поэтому, что Меоты, судя, впрочемъ, по довольно неопредѣленнымъ и сомнительнымъ показаніямъ древнихъ авторовъ, родственны были Скиѳамъ и Сарматамъ. На общность происхожденія Меотовъ и Скиѳовъ намекаетъ сходство нѣкоторыхъ именъ собственныхъ[6]). Елланикъ, жившій въ пятомъ вѣкѣ до Р. Х., слѣдовательно,

---

[1]) Pomp. Mela, III, 34. Tacit., Germ., XVII.

[2]) Н. Кондаковъ и Гр. И. Толстой, Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. II, Спб., 1889 г., стр. 61. «Важнѣйшимъ обстоятельствомъ, открываемымъ памятниками, является полное тожество изображеній Скиѳовъ и Сарматовъ». Въ настоящее время, однако, въ виду крайне незначительнаго количества опредѣленныхъ данныхъ, едвали возможно согласиться съ безусловнымъ характеромъ такого утвержденія.

[3]) Herod., Hist., IV, 117: Φωνῇ δὲ οἱ Σαυρομάται νομίζουσι Σκυθικῇ, σολοικίζοντες αὐτῇ ἀπὸ τοῦ ἀρχαίου, ἐπεὶ οὐ χρηστῶς ἐξέμαθον αὐτὴν αἱ Ἀμάζονες. Hipp., De aëre etc., ed. Coray, Par., 1800, VI, 89. Strab., Geogr., VII, 3, 9; XI, 2, 1.

[4]) K. Müllenhoff, Ueber die Herkunft und Sprache der Pontischen Scythen und Sarmaten въ Monatl. Berichte der K. Akad. zu Berlin, 1866, August. Его же: Deutsche Alterthumskunde, III B., Berl., 1892. Арійская (иранская) теорія въ недавнее время нашла поддержку въ рефератѣ В. Ѳ. Миллера: «Къ вопросу о происхожденіи Скиѳовъ» (Извѣстія о занятіяхъ VII Археологич. съѣзда въ Ярославлѣ, Яросл., 1887 г., № 11, стр. 9—10) и въ сообщеніи Dr. Fligier, Ueber die Herkunft der Sarmaten въ Archiv für Anthropologie, B. XVII, ss. 302—303. Флигье, впрочемъ, признаетъ и сильную примѣсь урало-алтайскую.

[5]) A. Boeckh, C. I. G., v. II, Berl., 1843, pp. 109—117. В. Миллеръ, Осетинскіе этюды, ч. III, стр. 78. Авторъ сближаетъ, напр., наименованіе: Δανδάριοι съ иранскими и осетинскими корнями такъ же, какъ и первую половину сложнаго имени: Ἀσπουργιτανοί. Родство Сарматовъ и племенъ приазовскихъ съ древними иранцами и позднѣйшими осетинами, авторъ старался доказать и въ другихъ статьяхъ. См. В. Миллеръ, Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1886 г., октябрь, стр. 241 и сл. Его же: Замѣтка на II-й томъ издаваемыхъ г. Латышевымъ Inscriptiones antiquae orae septentrionalis etc. въ Этнограф. Обозрѣніи за 1891 г., № 1, стр. 188—193. Нѣсколько инаго мнѣнія Томашекъ, который на основаніи сходства наименованія города Дандаріевъ Soza съ черкесскимъ Sôdzâ (черный) причисляетъ и самихъ Дандаріевъ къ Черкесамъ (W. Tomaschek, Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden въ Sitz. Ber. der. K. Akad., Phil. hist. cl., Wien, B. CXVII, s. 37). К. Мюлленгофъ считалъ Синдовъ (одно изъ племенъ Меотскихъ) — скорѣе всего кавказскаго происхожденія (K. Müllenhoff, Deutsche Alterthumskunde, B. III, Berl., 1892, s. 103, n. 2).

[6]) A. Boeckh, C. I. G., II, pp. 109—117. Послѣ Бека, однако, сдѣлано не мало открытій. Въ числѣ именъ, быть можетъ иранскаго происхожденія, встрѣчаемыхъ на греческихъ надписяхъ изъ Ольвіи, Пантикапеи, Танаиса, Тамани и Анапы, есть и сходныя между собой. Φαρνάκης, напр., часто попадается на надписяхъ Ольвійскихъ, Пантикапейскихъ, Таманскихъ и Анапскихъ, Φαρνακίων — на Пантикапейскихъ, Танаисскихъ и Анапскихъ, Φάρναγος — на Ольвійскихъ и Анапскихъ. Другіе примѣры: Ῥαθάγωσος (Ольв.) и Гор-γόσας (Анап.); Οσπινμάζας (Ольв.), Αταμάζας (Тан.), Ἀτταμάζας (Анап.); Σαρ-άξατος (Ольв.) и можетъ быть Σαρ-μάτας (Анап.); Μαί-φαρνος (Ольв.) и Κό-φαρνος (Тан., Анап.); Καινάξαρθος (Ольв.), Διδυμό-ξαρθος, Δοσυμό-ξαρθος, Φαρνό-ξαρθος (Тан.), Αλέ-ξαρθος (Там.). См. В. Миллеръ, Эпиграфическіе слѣды иранства

въ то время, когда терминъ «Скиѳы», быть можетъ, имѣлъ еще скорѣе этнографическое, чѣмъ географическое значеніе, прямо называетъ Меотовъ Скиѳами [1]). На ряду съ извѣстіями подобнаго рода, сохранились намеки на этническое родство Меотовъ и Сарматовъ. Скимнъ Хіосскій сообщаетъ между прочимъ мнѣнія Димитрія и Ефора о происхожденіи Яксаматовъ или Язаматовъ (Ἰαζαμάται). Первый называетъ ихъ Меотами, второй Сарматами [2]). Древніе авторы, такимъ образомъ, одинъ и тотъ же народъ причисляли къ Меотамъ или Сарматамъ. Настаивать на неопредѣленности подобнаго рода указаній, конечно, нечего; удовлетворительныя заключенія возможно было бы вывести изъ нихъ лишь въ томъ случаѣ, если предполагать у вышеперечисленныхъ древнихъ авторовъ такія точныя знанія по этнографіи приазовскаго края, какихъ они, разумѣется, не имѣли. Сходство въ полукочевомъ образѣ жизни Меотовъ и Скиѳовъ съ Сарматами, ихъ частнаго и общественнаго быта [3]) также до сихъ поръ еще не даетъ достаточныхъ основаній для того, чтобы считать родство этихъ народностей вполнѣ доказаннымъ. Самое происхожденіе Меотовъ, а также ихъ отношеніе къ Скиѳамъ и Сарматамъ остаются поэтому неясными; впрочемъ, вышеприведенное утвержденіе само по себѣ ничего невѣроятнаго не имѣетъ. Если о народности приазовскихъ варваровъ мы имѣемъ лишь крайне скудныя и неопредѣленныя извѣстія, то ужъ по вопросу о происхожденіи населенія, занимавшаго въ древнее время (до Р. Х.) восточные берега Чернаго моря, никакихъ данныхъ мы у древнихъ авторовъ не встрѣчаемъ. Есть, правда, свидѣтельство Стравона о томъ, что большинство населенія между Каспіемъ и Понтомъ,— Сарматы, и что всѣ эти племена — Кавказцы [4]). Но такое свидѣтельство слишкомъ неопредѣленно; оно не можетъ служить основаніемъ для какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ заключеній.

Не менѣе затруднительно рѣшить вопросъ о томъ, когда появились вышеперечисленные народцы у береговъ Азовскаго и Чернаго морей, когда заняли они сѣверные склоны Кавказа? Скиѳы, при переселеніи своемъ изъ Азіи въ Европу уже застали здѣсь Киммерійцевъ; появленіе нѣкоторыхъ изъ племенъ скиѳскихъ, быть можетъ, наступило еще позже и связано съ тѣмъ передвиженіемъ народностей, какое происходило въ передней Азіи въ VII вѣкѣ до Р. Х. [5]). Какъ бы то ни было, но въ VI—V вв. до Р. Х. въ области рѣкъ Дона и Кубани уже осѣли племена, пребывавшія здѣсь и въ позднѣйшее время. Савроматы, напримѣръ, извѣстны Иродоту и Ефору

на югѣ Россіи въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1886 г., октябрь, стр. 248, 255, 257 и 261. Слѣдуетъ впрочемъ имѣть въ виду, что большинство надписей, по которымъ мы знакомимся съ этими именами, довольно поздняго происхожденія.

[1]) Hellanic. frag. 92 (Frag. Hist. Graec., p. 57): τούτων δὲ (i. e. Σκυθῶν) ἀνώτεροι Μαιῶται Σκύθαι. Такимъ образомъ извѣстіе сообщаемое Евстафіемъ о томъ, что «ἔθνος δὲ καὶ οἱ Μαιῶται Σκυθικόν» (Eusthat., Comment. ad Dionys. Orb. Descript., vers. 163) быть можетъ почерпнуто позднѣйшимъ коментаторомъ изъ древнихъ источниковъ.

[2]) Anonym. (Scymn. Ch.), vers. 874. Ephori Frag. 78 (Frag. Hist. Graec., p. 258).

[3]) Сходство нѣкоторыхъ характерныхъ особенностей быта могло бы, впрочемъ, повести къ довольно любопытнымъ заключеніямъ. Такъ напр. оригинальныя конскія бляхи въ видѣ диковинныхъ звѣриныхъ головъ, важныхъ для исторіи образованія «сѣвернаго стиля», найдены и въ Чертомлыцкомъ и въ Семибратнемъ курганахъ.

[4]) Strab., Geogr., XI, 2, 16: Σαρμάται δ' εἰσὶν οἱ πλείους... πάντες δὲ Καυκάσιοι.

[5]) Подробное изложеніе похода Киммерійцевъ см., напр., у G. Maspero, Hist. ancienne des peuples de l'orient, 4 ed. (P., 1886), pp. 509—514. A. Sayce, Alte Denkmäler im Lichte neuer Forschungen, Leipz. (годъ изданія этого перевода не означенъ), s. 41.

(въ V в. до Р. X.), Дандаріи — Екатею (въ VI в. до Р. X.), Тореты — Скилаксу (въ концѣ V или началѣ VI вѣка), Синды — Элланику (въ концѣ VI в.) и Иродоту (въ V в. до Р. X.)[1]). Многія изъ этихъ племенъ приазовскихъ (Меотовъ), какъ напр., Дандаріи, Тореты, Псессы, Θатеи, Досхи, Синды втрѣчаются и на надписяхъ IV вѣка до Р. X.[2]). Наконецъ, группа племенъ, расположенныхъ между Кубанью и Ріономъ, каковы Керкеты, Ахеи, Иніохи и Кораксы также упоминается древними греческими писателями: Екатеемъ и Елланикомъ (въ VI в. до Р. X.), а также Скилаксомъ Каріандскимъ (въ половинѣ IV в. до Р. X.?)[3]). Такимъ образомъ, возможно предполагать, что къ VI вѣку до Р. X. племена, извѣстныя намъ по источникамъ позднѣйшимъ, относящимся ко времени Рождества Христова, уже заняли сѣверные склоны Кавказскихъ горъ и восточные берега Азовскаго и Чернаго морей и что курганъ Карагодеуашхъ насыпанъ былъ послѣ ихъ разселенія.

Едвали возможно точно перечислить всѣ мелкіе народцы, входившіе въ составъ вышеуказанныхъ этническихъ группъ и опредѣлить ихъ мѣстоположеніе. Очертанія устьевъ Дона, восточныхъ береговъ Азовскаго моря и устьевъ Кубани, быть можетъ, не вполнѣ соотвѣтствовали нынѣшнимъ[4]). Кочевой образъ жизни, который вели нѣкоторыя изъ варваровъ южной Россіи не давалъ имъ возможности подолгу оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ. Племена Сарматовъ постепенно двигались съ востока на западъ, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ уже въ I в. до Р. X. занимали берега Дуная, заходили во Θракію и смѣшивались тамъ съ Вастарнами и Θракійцами[5]). Другое движеніе, быть можетъ съ сѣвера на югъ, обнаружилось къ тому же времени и среди племенъ приазовскихъ. Разнорѣчивыя показанія о мѣстожительствѣ Торетовъ заставляютъ предполагать какія то переселенія этого племени[6]). Аспургіаны, первоначально жившіе, вѣроятно, подлѣ Тирамвы, вслѣдъ за тѣмъ встрѣчаются между Фанагоріей и Горгиппіей[7]).

Эти фактическія затрудненія, которыя уже древнимъ авторамъ не всегда позволяли точно опредѣлять мѣстонахожденіе той или другой народности, для насъ осложняются еще далеко не всегда исправнымъ состояніемъ рукописей, по которымъ возможно ознакомиться съ этнографической номенклатурой нашихъ южнорусскихъ степей въ древности; нерѣдко трудно бываетъ

---

[1]) Herod., Hist., IV, 28, 117. Ephori frag. 76, 78 (Frag. Hist. Graec., ed. Didot-Müller, t. I, p. 256—257). Hecat., frag. 161, (Ibid., p. 11). Hellanic. frag. 92, (Ibid., p. 57). Свидѣтельство Скилакса, быть можетъ, позднѣйшаго происхожденія. Scylac. Cariand. Peripl., §§ 70—72. Ср. примѣч. 2 на стр. 104.

[2]) Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae ed. B. Latyschev, v. II Petr., 1890, №№ 6, 346, 347.

[3]) Hecat. frag. 185 (о Кораксахъ). Hellanic. frag. 109 (Frag. Hist. Graec., t. I, ed. Didot-Müller, p. 59) Scylac. Cariand., Peripl., §§ 72—77. Елланикъ, впрочемъ, въ извѣстныхъ намъ отрывкахъ не упоминаетъ объ Ахеяхъ.

[4]) Pallas, Voyage, I, 78. E. F. Rennel, West Asia, II, 394. Helmersen, Bull. Acad. St. Petersb., XI, № 4. F. Dubois de Montpéreux, Voyage, t. V, p. 21.

[5]) Strab., Geogr., VII, 3, 2: καὶ γὰρ νῦν ἀναμέμικται ταῦτα τὰ ἔθνη (i. e. Σκύθαι καὶ Σαυρομάται) τοῖς Θρᾳξὶ καὶ τὰ Βασταρνικά, μᾶλλον μὲν τοῖς ἐκτὸς Ἴστρου, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἐντός. Движеніе Сарматскихъ племенъ было уже ранѣе отмѣчено въ литературѣ, напр. Нибуромъ (B. G. Niebuhr, Kleine Schriften, I, 395) и А. Бекомъ (A. Boeckh, C. I. G., II, p. 83).

[6]) См. ниже, стр. 106.

[7]) A. Boeckh, C. I. G., v. II, p. 98.

рѣшить вопросъ о томъ, говорятъ ли авторы объ одной и той же или о разныхъ народностяхъ[1]). Слѣдуетъ имѣть въ виду при этомъ, что однородныя по содержанію извѣстія переходили изъ устъ въ уста, однимъ авторомъ переписывались у другого; въ результатѣ получались компиляціи, въ которыхъ, какъ у Мелы и Плинія, на ряду съ достовѣрными свѣдѣніями, помѣщены недостовѣрныя, указанія древнѣйшія спутаны съ позднѣйшими[2]).

Вышеуказанныя затрудненія лишаютъ насъ возможности съ желательною точностью перечислить всѣ мелкія племена, обитавшія по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей до Р. Х., а также указать на мѣста ихъ жительства. Приходится довольствоваться лишь отрывочными и далеко не вполнѣ достовѣрными данными.

Сарматы въ V в. до Р. Х. жили по лѣвымъ берегамъ Танаиса, вверхъ по теченію рѣки, на 15 дней пути, т. е. верстъ на 500, если не болѣе, къ сѣверу[3]). Впослѣдствіи, быть можетъ уже въ IV в. до Р. Х.[4]), они перешли границу между Европой и Азіей, оттѣснили племена Скиѳскія на сѣверъ или на сѣверозападъ, и къ первому вѣку до Р. Х. уже сами заняли пространство между Дономъ и Днѣстромъ[5]). На такомъ значительномъ протяженіи Сарматы не могли сохранить политическаго единства. Въ области нижняго теченія р. Дона, отчасти, вѣроятно, и по сѣверозападнымъ берегамъ Азовскаго моря, кочевали Савроматы царскіе; далѣе на западъ между Дономъ и Днѣпромъ, встрѣчались Роксоланы, еще далѣе до Тирагетовъ, жившихъ у устьевъ Днѣстра, расположены были Языги[6]). Позже, въ I вѣкѣ по Р. Х., нѣкоторыя изъ этихъ племенъ, напр. Роксоланы, занимали Мизію[7]). Такимъ образомъ Сарматы[8]), уже ко времени Р. Х.

---

[1]) Theopomp. frag. 44 (Frag. Hist. Graec., I, 285). C. Ptolemaei Geogr., III, 5, 7 и 10, ed. Didot-Müller, Par., 1885, t. I, p. 423 и passim. C. Ptolaem., Geogr., ed. Nobbe, II, 42. Plin., Hist. Nat., VI, 5 (ed. D. Detlefsen, I, 233). Steph. Byz. a. v.

[2]) Работы В. Томашека (W. Tomaschek, Kritik der ältesten Nachrichten über den Scythischen Norden въ Sitzungsberichte der Kais. Akad. d. Wissenschaften in Wien, BB. CXVI u. CXVII) и К. Мюлленгоффа (K. Müllenhoff, Deutsche Alterthumskunde, B. III, Berlin, 1892; особенно отдѣлъ подъ заглавіемъ: Die alten Diathesen des östlichen Europas vor und nach Herodot, ss. 31—100), показываютъ, какого труда стоитъ критическій анализъ такихъ компиляцій. Одно и то-же племя, повидимому, называлось иногда древними авторами разными наименованіями. Ср. Hecat. frag. 191. Strab., Geogr., XII, 3, 18. Plin., Hist. Nat., VI, 4 (ed. D. Detlefsen, I, 233): gens Saltiae antiquis Phtirophagi dicti et alia Sanni.

[3]) Herod., Hist., IV, 21: Τάναϊν δὲ ποταμὸν διαβάντι οὐκέτι Σκυθική ἀλλ'ἡ μὲν πρώτη τῶν λαξίων Σαυροματέων ἐστί... Ср. Ibid., IV, 57. Иродотъ считаетъ дневной путь равнымъ 200 стадіямъ (IV, 20), т. е. 35 верстамъ. Расчетъ этотъ, конечно, приблизительный. Уже Страбонъ замѣтилъ, что измѣреніе разстояній въ этой (средней) части Азіи и вообще въ столь далекихъ странахъ не слѣдуетъ принимать за точное (Geogr., XI, 6, 1).

[4]) Hipp., De aer., 17 говоритъ что Савроматы живутъ въ Европѣ, слѣдовательно, на правыхъ берегахъ Танаиса. Такія же свѣдѣнія можно найти у Скилакса и Евдокса, извѣстнаго намъ по Стефану Византійскому.

[5]) Strab., Geogr. (rec. C. Müller et F. Dübner, ed. Didot, Par., 1853), II, 5, 7: ...οἱ ὑπὲρ τῆς Μαιώτιδος Σαυρομάται... Это замѣчаніе Страбона, можетъ быть относится къ Сарматамъ царскимъ; во всякомъ случаѣ тотъ же авторъ (Geogr., VII, 3, 17) помѣщаетъ племя Сарматское Языговъ на востокъ отъ Тирагетовъ. Ср. также Geogr., II, 5, 30.

[6]) Strab., Geogr., VII, 3, 17: Ῥωξολανοὶ δ'ἀρκτικώτατοι τὰ μεταξὺ τοῦ Τανάϊδος καὶ τοῦ Βορισθένους νεμόμενοι πεδία. Тутъ же авторъ упоминаетъ о Ἰάζυγες Σαρμάται. Ср. Ammian. Marcel., XXII, 8, 32.

[7]) Müller, Ptolem., t. I, 1, p. 423.

[8]) О Сарматахъ царскихъ и Языгахъ, какъ составныхъ элементахъ Савроматской народности Страбонъ

проникли далеко на западъ, до береговъ Дуная; тѣмъ не менѣе остатки ихъ, повидимому, продолжали кочевать и на востокъ отъ Дона[1]). Большая часть пространства между устьями Дона и Кубани заселена была, однако, племенами Меотовъ. Припишемъ ли мы этому термину этнографическое или географическое значеніе, намъ одинаково трудно будетъ разобраться въ вопросѣ о томъ, какія же племена входили въ составъ Меотовъ и въ какомъ топографическомъ порядкѣ были они расположены по восточнымъ берегамъ Азовскаго моря. Нѣтъ возможности въ данномъ случаѣ привлекать къ отвѣтственности всѣ показанія, которыя имѣются у древнихъ авторовъ о племенахъ приазовскихъ. Сравнивать эти далеко не равноцѣнныя, отрывочныя извѣстія между собой, соединять ихъ въ одно цѣлое — значитъ еще болѣе запутывать и безъ того сложный вопросъ.

Положеніе Меотовъ между Сарматами и Синдами едва-ли не впервые точно означено въ периплѣ, который долго приписывался Скилаксу Каріандскому, но теперь считается произведеніемъ сочиненнымъ Филеемъ Аоинскимъ въ 338—335 году до Р. Х.[2]). Подробныя извѣстія объ этомъ населеніи почерпаемъ мы въ надписяхъ, у Страбона и Птолемея. Яксаматы, жившіе въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Сарматами, на юговостокъ отъ Танаиса, уже извѣстны Екатею[3]); древнѣйшія же достовѣрныя свѣдѣнія объ остальныхъ племенахъ приазовскихъ находятся въ надписяхъ четвертаго вѣка до Р. Х. Здѣсь не разъ перечисляются народности, покоренныя Воспорскими царями. Таковы Синды, Аспургіаны, Тореты, Дандаріи, Псессы (Ψησσοί), Ѳатеи (Θατεῖς) и Досхи[4]). Перечисленіе это, быть можетъ, даетъ нѣкоторое понятіе не только о составѣ Меотовъ[5]), но и о мѣстоположеніи означенныхъ племенъ. Въ пользу такого предположенія говорятъ два соображенія. Во первыхъ вышеприведенная номенклатура украшала титулъ царя Воспорскаго. Возможно, что этотъ титулъ складывался по мѣрѣ того, какъ новыя и новыя племена входили въ предѣлы территоріи Воспорскаго царства. Между тѣмъ завоеванія Воспорскихъ царей распространялись съ Таманскаго полуострова все далѣе на сѣверъ по берегамъ Азовскаго моря;

говоритъ вполнѣ опредѣленно. Свѣдѣнія сообщаемыя имъ о Роксоланахъ (или Ревксиналахъ) менѣе опредѣленны. То онъ отчетливо различаетъ Роксолановъ отъ Вастарновъ (Geogr., VIII, 2, 4) то смѣшиваетъ ихъ другъ съ другомъ, что впрочемъ можно приписать неисправной редакціи относящагося сюда текста (VII, 3, 17) то, наконецъ, Роксолановъ называетъ Скиѳами (II, 5, 7). Ср. Th. Reinach, Mithridate Eupator, roi du Pont, Par., 1890, p. 73.

[1]) Strab., Geogr., XI, 2, 1.

[2]) K. Müllenhoff, D. A., B. III, ss. 32—34.

[3]) О Яксаматахъ говоритъ уже вѣроятно Екатей называя ихъ Ἰξιβάται, ἔθνος πρὸς τῷ Πόντῳ προσεχὲς τῇ Σινδικῇ. (Hecat. frag., 166. F. H. G., I, 11). Анонимъ (Скимнъ Хіосскій?) называетъ Язаматовъ (Ἰζαμάται) племенемъ Меотовъ (Anonym. Orb. Descript., v. 878—879). Возможно, что это Сарматское (?) племя съ теченіемъ времени перешло Донъ и далѣе, на западѣ стало извѣстно подъ наименованіемъ Ἰάζυγες. Ср. K. Müllenhoff, D. A., B. III, ss. 32, 32*, 39 и 46.

[4]) Inscriptiones orae septentr. Ponti Eux., II, №№ 6, 346, 347. Не знаю на какомъ основаніи эти племена (и нѣкоторыя другія) размѣщены въ обратномъ порядкѣ на картѣ, приложенной къ соч. J. de Morgan, Mission scientifique au Caucase, II, 174. Pl. XIV.

[5]) Θατεῖς извѣстны главнымъ образомъ по надписямъ. Изъ древнихъ писателей они встрѣчаются у Мелы (I, 19, 114, ed. G. Parthey, Berl., 1867, p. 30); послѣдній почерпнулъ эти свѣдѣнія по предположенію K. Müllenhoff'a (Deutsche Altertumskunde, B. III, Berl., 1892, ss. 49* u. 52) изъ хорографіи, писанной не ранѣе конца IV в. и не позже начала II в. до Р. Х.; быть можетъ, они взяты у Эратосѳена.

ественно поэтому въ такомъ перечисленіи видѣть не случайное сопоставленіе именъ, а указанія (впрочемъ довольно неопредѣленныя) на географическое распредѣленіе приморскихъ варваровъ съ юга на сѣверъ. Во вторыхъ, въ томъ-же перечисленіи замѣчаются особенности, указывающія скорѣе на его реальное, а не искусственное значеніе. Въ титулѣ царей Воспорскихъ на ряду съ племенами, извѣстными подъ общимъ наименованіемъ Меотовъ, упоминаются съ одной стороны Синды, съ другой — Ѳатеи и Досхи. Такое выдѣленіе станетъ вполнѣ понятнымъ, если обратить вниманіе на то, что Синды стоятъ въ самомъ началѣ титула, а Ѳатеи и Досхи въ концѣ его. Синды, жившіе близко отъ столицы Воспорскаго царства, сильно подчинялись вліянію греческой цивилизаціи и гегемоніи Воспорскихъ царей; этимъ самымъ они стали отличаться отъ остальныхъ приазовскихъ племенъ и выдѣлены были изъ нихъ. Наоборотъ, если предположить, что Ѳатеи и Досхи далеко отстояли отъ Воспора, менѣе другихъ прибрежныхъ жителей извѣстны были Грекамъ[1]) и въ меньшей мѣрѣ подчинялись культурному и политическому вліянію Пантикапеи, то понятнымъ станетъ, почему они, такъ-же какъ и Синды, хотя и на разныхъ основаніяхъ, могли быть отчислены отъ Меотовъ[2]). Позднѣйшія извѣстія о приазовскихъ варварахъ до временъ Стравона ничего существенно новаго не даютъ[3]). За то у Стравона мы впервые встрѣчаемъ систематическое и довольно правдоподобное изложеніе приазовской географіи[4]). Между Танаисомъ и областью р. Кубани Стравонъ указываетъ на двѣ группы племенъ: одна изъ нихъ расположена между Дономъ и Кавказскими горами, другая—по восточнымъ берегамъ Азовскаго моря. Къ первой принадлежали, главнымъ образомъ, Аорсы и Сираки, жившіе на

---

[1]) На принадлежность Дандаріевъ и Торетовъ къ Меотамъ справедливо указывалъ уже A. Boeckh (C. I. G., v. II, p. 102).

[2]) Такъ, напр., памятникъ Комосаріи поставленъ: ἄρχοντος Παιρισάδους Βοσπόρου καὶ Θευδοσίης καὶ βασιλεύοντος Σινδῶν καὶ Μαϊτῶν πάντων καὶ Θατέων (C. I. G., v. II, № 346). Соображенія, изложенныя въ текстѣ, если только они правильны, могли-бы разрѣшить недоумѣніе, высказанное по этому поводу Бекомъ (C. I. G., II, p. 97. Ср. впрочемъ Ibid., p. 102).

[3]) F. A. Ukert, Geographie der Griechen und Römer, III, 2, ss. 333, 549; 347, 353; вообще стр. 535—557. Свѣдѣнія, сообщаемыя Стравономъ, можно встрѣтить и у П. Мелы, какъ на это указывалъ уже M. Vivien de St.-Martin, Etudes de géographie ancienne et d'éthnographie asiatique, t. II, Paris, 1852, p. 123.

[4]) Предки и родственники Стравона служили царямъ Понтійскимъ; самъ онъ, будучи родомъ изъ Понта, находился въ гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ всѣ предшествовавшіе писатели (за исключеніемъ развѣ историковъ Миѳридатовыхъ войнъ), для того, чтобы писать свою географію. Ср. Strab., Geogr., II, 5, 12. Подробности см. у Th. Reinach'a, Mithridate Eupator, roi du Pont, p. 437. По мнѣнію Niese, Стравонъ родился въ 63 г. до Р. Х. (Rh. Mus., XXXVIII, 567), по предположенію E. Bunbury (A history of ancient geography, Lond., 1883, vol. II, pp. 272—274) въ 54 г. до Р. Х. Объ источникахъ, которыми пользовался Стравонъ, онъ говоритъ намъ слѣдующее: Другія земли, лежащія далѣе до Меотіи и до самого (восточнаго) прибрежья (Понта), доходящаго до Колхиды, намъ знакомы благодаря Миѳридату, по имени Евпатору, и его полководцамъ... (Geogr., I, 2, 1). Слѣдуетъ также помнить, что Стравонъ писалъ свое сочиненіе для политиковъ и государственныхъ дѣятелей; преслѣдуя подобнаго рода цѣль, онъ желалъ дать не сухое и полное перечисленіе всего географическаго матеріала, ему извѣстнаго, а представить общій очеркъ описываемой страны. Вотъ почему, по отсутствію у Стравона тѣхъ или другихъ географическихъ подробностей, нельзя еще заключать о томъ, чтобы онъ не зналъ того, что помѣщаютъ въ своихъ трудахъ Плиній и Птолемей (E. H. Bunbury, Ibid., II, 216—217). Вообще разстоянія, сообщаемыя Стравономъ, довольно правильны, хотя авторъ и обнаруживаетъ, обыкновенно, склонность къ преувеличенію (Ibid., p. 235). Свой трудъ географъ окончилъ, вѣроятно, не ранѣе 19 года по Р. Хр.

югъ вплоть до Кавказскихъ горъ[1]), ко второй — Досхи, Ситтакины, Овидіакины[2]), Тарпиты, Аррихи, Агры, Тореаты (Тореты), Дандаріи, Аспургіаны[3]) и Синды. Народцы эти, быть можетъ, перечислены Страбономъ приблизительно въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ дѣйствительно жили въ его время по восточнымъ берегамъ Азовскаго моря[4]). Вѣроятно, поэтому, что Тореты[5]), Дандаріи, Аспургіаны и Синды занимали нижнее теченіе р. Кубани и ея притоковъ. Опредѣленныхъ свѣдѣній о первыхъ трехъ народцахъ мы не имѣемъ; точнѣе извѣстно лишь происхожденіе и географическое положеніе Синдовъ[6]). Самъ Страбонъ, повидимому, колебался къ какой группѣ народностей причислить ему племя Синдовъ: въ одномъ случаѣ онъ называетъ ихъ Меотами, въ другомъ выдѣляетъ ихъ въ самостоятельную группу[7]). Дѣло разъяснится, если принять во вниманіе слухъ, сообщаемый Стефаномъ Византійскимъ о томъ, будто бы Синды — отторгнутая вѣтвь Меотійскаго племени[8]). Нѣсколько болѣе опредѣленныя указанія встрѣчаемъ

---

[1]) Ср. K. Müllenhoff, D. A., B. III, ss. 37—39.

[2]) По предположенію Мюллера вмѣсто Ὀβιδιακῆνοι слѣдуетъ читать Ὀρβίδοι Σακῆνοι.

[3]) Они потомъ встрѣчаются въ Певтингеровой таблицѣ. См. 1-е изд. Scheyb, 1753, послѣдн. изд.: Weltkarte des Castorius genannt Die Peutiger'sche Tafel, herausg. von D-r K. Miller, Ravensbourg, 1888.

[4]) Мы перечислили эти племена въ обратномъ порядкѣ сравнительно съ тѣмъ, какого придерживается Страбонъ. Въ подлинномъ текстѣ читаемъ (Strab., XI, 2, 11): Τῶν Μαιωτῶν δ'εἰσὶν αὐτοί τε οἱ Σινδοί καὶ Δανδάριοι καὶ Τορεάται καὶ Ἄγροι καὶ Ἀρρηχοί, ἔτι δὲ Τάρπητες Ὀβιδιακηνοί, Σιττακηνοί, Δόσκοι, ἄλλοι πλείους· τούτων δ'εἰσὶ καὶ οἱ Ἀσπουργιανοί, μεταξὺ Φαναγορίας καὶ Γοργιπίας ἐν πεντακοσίοις σταδίοις... Надписи упоминаютъ о Синдахъ.

[5]) Съ мнѣніемъ А. Бека о мѣстоположеніи Торетовъ едвали можно вполнѣ согласиться. «Plinio ex certiore, пишетъ онъ, ut videtur cognitione dicuntur supercilium altum (hodie Kysilkaja) tenere a promontorio Crunis, quod est circa Hierum portum et Sindicam civitatem: juga igitur insedere quae ab Hiero (Anapa) in orientem sunt in meridiem a Sindis; et videntur hinc Cubanum versus in mediterranea porrecti esse, quum annumerentur Maeotis (A. Boeckh, C. I. G., II, 100). Помпоній Мела упоминаетъ о Торетахъ (I, 19) вслѣдъ за Иніохами, Фтирофагами, Кораксами и Ледохеками. Мѣстоположеніе Τοριxός, упоминаемаго Скилаксомъ Каріандскимъ вслѣдъ за Синдскою гаванью и Πάτους (Βάτα), остается сомнительнымъ, если только не приравнивать его къ Птолемеевой Τορετικὴ ἄκρα (Geogr., V, 9). Въ послѣднемъ случаѣ Τοριxός придется значительно отодвинуть на югъ, что совпадетъ съ вышеприведеннымъ извѣстіемъ Мелы о Торетахъ, которымъ, вѣроятно, принадлежало это поселеніе. Возможно предполагать, что Тореты, жившіе подлѣ лѣвыхъ притоковъ Кубани, съ теченіемъ времени перешли на югъ.

[6]) Екатей зналъ какихъ-то Синдонеевъ, народъ Ѳракійскій (Steph. Byz., Etnica, p. 569), по наименованію близко подходящій къ нашимъ Синдамъ. Тотъ-же авторъ однако упоминаетъ и народъ Σίνδιοι frag. 240 (Frag. Hist. Graec., I, 16). Ср. Sindones у Pomp. Mela (I, 19, 14), Σινδιανοί у Лукіана (Toxaris, c. 55). Екатей упоминаетъ еще городъ Ликіи — Σινδία (frag. 240, Ibid.). Существовала также страна Sind гдѣ-то подлѣ Вактріаны, а у Исихія встрѣчаемъ: Σίνδοι, ἔθνος Ἰνδικόν (A. Boeckh, C. I. G., v. II, p. 100). Весьма смѣлое предположеніе насчетъ происхожденія Синдовъ сдѣлано Е. Шантромъ. Синды, по его мнѣнію, — цыгане. Послѣдніе сами называютъ себя: Sinte; это наименованіе уже встрѣчается у Омира (Odys., VIII, 294 и Iliad., I, 594), не говоря о позднѣйшихъ свидѣтельствахъ. «Нравы и преданія Синдовъ, пишетъ г. Шантръ, о которыхъ сообщаютъ намъ древніе авторы, даютъ возможность приравнять ихъ (les assimiler) Цыганамъ». Есть также указанія на движеніе будто-бы какихъ-то цыганскихъ племенъ съ Кавказа на Дунай (E. Chantre, Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. I, Paris, 1885, p. 87—88). Всѣ эти разсужденія требуютъ доказательствъ, которыхъ мы пока не имѣемъ.

[7]) Strab., XI, 2, 1 и XI, 2, 11.

[8]) Stephan. Byz., Etnica, p. 569 v. Σίνδοι· ἔνιοι δὲ καὶ τὸ Σινδικὸν γένος φασὶν εἶναι Μαιῶτιν ἀπόσ-

мы у Страбона на мѣстожительства Синдовъ. Скилакъ Каріандскій (или Филей Аѳинскій) уже указывалъ на пребываніе ихъ въ странѣ, гдѣ находились греческие города: Фанагорія, Кипы, Синдская гавань и Патусъ (Πάτους, вѣроятно, тоже, что и упоминаемые Птолемеемъ Βάτα λιμήν, Βάτα κώμη)[1]. Такія-же извѣстія сообщаетъ и Страбонъ. Страна Синдовъ, по его словамъ, расположена была на азіатскомъ берегу Воспорскаго пролива; владѣнія ихъ, повидимому, простирались на сѣверозападъ (по береговой линіи) вплоть до залива Синдскаго, быть можетъ, нынѣшняго Кизильташскаго или Кубанскаго (Витязевскаго) лимана; представленіе о юговосточныхъ границахъ земли Синдовъ даетъ мѣстоположеніе Горгиппіи (нынѣшней Анапы?), лежавшей въ ея предѣлахъ. Ниже Горгиппіи, однако, жили уже другія племена: Ахеи, Зыги (Ζυγοί) и Иніохи (Ἡνίοχοι)[2]. Къ сожалѣнію Страбонъ не сообщаетъ намъ, какъ далеко вглубь материка проникали поселенія Синдовъ. Не смотря, однако, на неполноту этихъ показаній, ихъ любопытно сравнить съ современною картою. На сѣверѣ заливъ Кизильташскій и Кубань, затѣмъ, лѣвый притокъ Кубани—Абинъ (или Абанъ?) съ притоками Адагумомъ и его развѣтвленіями Неберджаемъ и Баканомъ на востокѣ и юговостокѣ, наконецъ, Черное море и р. Цемесъ, впадающая въ Новороссійскую бухту, на югозападѣ — таковы естественные географическіе предѣлы мѣстности, на которую отчасти указывалъ и Страбонъ, какъ на страну Синдовъ[3]. Главный хребетъ Кавказскихъ горъ, проходящій по этой мѣстности съ юговостока на сѣверозападъ, «перестаетъ быть снѣжнымъ и постепенно понижается къ западу отъ р. Бѣлой. На меридіанѣ истоковъ Афипса (отъ которыхъ до истоковъ Бакана или Неберджая по направленію къ западу можно насчитать вдоль по главному хребту верстъ 75) онъ уже настолько низокъ, что на гребнѣ его значительную часть года пасутся стада. Изгибаясь между истоками Адагума, Бугура и Гастогая, онъ наконецъ теряется на сѣверѣ отъ р. Анапы»[4]. Такимъ образомъ, хотя страна и гориста — на пространствѣ между р. Бѣлой и нижнимъ теченіемъ Кубани лишь четвертая часть всей площади занята равнинами — тѣмъ не менѣе она не представляетъ слишкомъ рѣзкихъ орографическихъ различій. Неудивительно поэтому, что въ вышеочерченныхъ предѣлахъ (главнымъ образомъ по рр. Псебебсу, Адагуму и частью Гастогаю) по настоящее время обитаетъ племя Натухажское (Ноткуаджъ); далѣе на востокъ отъ р. Адагума живутъ уже Шапсуги[5]. Такимъ образомъ, сопоставленіе извѣстій Страбона съ современными географическими и этнографическими данными

πασμα. В. Миллеръ, производившій анализъ собственныхъ именъ, извѣстныхъ намъ, между прочимъ, по надписямъ таманскимъ и анапскимъ, пришелъ къ заключенію, что изъ 13 именъ таманскихъ всего 2, изъ 40 же анапскихъ не болѣе 7 или 8 могутъ принадлежать къ числу иранскихъ (В. Миллеръ, Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1886 г., октябрь, стр. 268).

[1]) Scylac. Cariand. Peripl., 72. Cl. Ptolemaei Geogr., V, 9, 8.

[2]) Выводы эти вытекаютъ изъ сопоставленія слѣдующихъ мѣстъ Страбона: Geogr., XI, 2, 1; XI, 2, 14; XI, 2, 10; XI, 2, 12.

[3]) Очертанія береговой линіи, особенно при устьѣ р. Кубани въ древности могли быть иными (Ср. А. Ашикъ, Воспорское царство, II, стр. 14). Современная карта Кубанской области, изд. главнымъ штабомъ и исправленная по 1890 г. На картѣ, приложенной къ соч. Н. Дубровина: Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. I (Спб. 1871 г.), Кизильташскій лиманъ названъ Кубанскимъ, а послѣдній остался безъ названія.

[4]) М. Венюковъ, Нѣсколько данныхъ для описанія сѣверозападнаго Кавказа на западъ отъ р. Бѣлой. Въ Зап. Им. Русск. Геогр. Общ., 1863 г., кн. 2, стр. 73.

[5]) Н. Дубровинъ, Ibid., т. I, кн. 1, стр. 86.

наводитъ насъ на предположеніе, правда весьма шаткое, о томъ, что Синды заселяли въ древнее время мѣстность, лежащую между р. Кубанью, ея притокомъ Адагумомъ и Кавказскимъ хребтомъ или Чернымъ моремъ[1]). Весьма возможно, однако, что въ эти-же предѣлы заходили и другія племена, какъ то Тореты, Дандаріи и Аспургіаны.

Извѣстія, сообщаемыя Страбономъ о племенахъ приазовскихъ, если и не могутъ считаться вполнѣ удовлетворительными, все-же единственныя въ своемъ родѣ. Ни до Страбона, ни послѣ него (до третьяго, четвертаго вѣка по Р. Х.), никто не далъ намъ такого систематическаго и болѣе или менѣе полнаго перечисленія Меотовъ[2]). Даже въ географіи Птолемея, которая, какъ извѣстно, была сводомъ всѣхъ географическихъ данныхъ, собранныхъ со временъ Страбона, мы не находимъ ничего подобнаго. Въ великомъ твореніи александрійскаго географа (написанномъ повидимому въ 150—160-хъ годахъ по Р. Х.) находятся отрывочныя указанія на племена, заселявшія азіатскую Сарматію, которая отъ р. Дона тянулась до р. Коракса подлѣ Діоскуріады. Таковы Яксаматы, на югъ отъ Дона, Сиракины (Σιρακηνοί), быть можетъ Страбоновы Ситтакины или Сираки, Воспоряне, жившіе по обѣимъ сторонамъ Воспорскаго залива и по склонамъ Кавказскаго хребта, а также и другія мелкія племена, какъ напр., Псиссы (Ψσήσσιοι), Θемеоты (Θεμαιῶται, ἢ Θεμεῶται) у береговъ р. Псата или Θата (Θάτης)[3]) и Астуриканы[4]). Но ни границы областей, занимаемыхъ этими племенами, ни градусы, подъ которыми слѣдуетъ разыскивать ихъ на картѣ, Птолемеемъ не указаны. Мѣстоположеніе гавани и деревни Синдовъ опредѣлено точнѣе; однако, и эти данныя лишь по надлежащемъ исправленіи могутъ послужить матеріаломъ для топографическихъ разысканій въ означенной мѣстности[5]).

---

[1]) F. Dubois de Montpéreux (Voyage, t. V, p. 99) ограничивалъ область Синдовъ одною приморскою полосою вплоть до Горгиппіи (Анапы?). В. Латышевъ на картѣ, приложенной къ Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini, t. II, едвали не слишкомъ съуживаетъ область распространенія Синдовъ. Th. Reinach (Mithridate Eupator, roi du Pont, Paris, 1890, см. карту), напротивъ, отвелъ Синдамъ, быть можетъ, слишкомъ большую полосу земли между горами и Кубанью до впаденія въ нее Убина и Афипса.

[2]) Какую невообразимую путаницу сообщаетъ хотя бы Плиній можно видѣть по взятому наудачу тексту. Вотъ какія свѣдѣнія, напр., находимъ мы у него объ окрестностяхъ Танаиса у его устьевъ: «Tenuere finitima primo Cares, dein Clazomeni et Maeonis, postea Panticapaeenses. Sunt qui circa Maeotim ad Ceraunios montes has tradant gentes: a litore Napras, supraque Essedonas Colchis iunctos montium cacuminibus. Dein Camacas, Oranos, Autacas, Mazamacas, Cantiocaptas, Agamathas, Picos, Rymosolos, Acascomarcos, et ad juga Caucasi Icatalas, Imadochos, Ramos, Andacas, Tydios, Carastaseos, Authiandas» (Plin., Hist. Nat., Lib. VI, Cap. 7, ed. D. Detlefsen, I, 234). Возможно, что ко временамъ Плинія у береговъ Азовскаго моря появились новыя племена, неизвѣстныя болѣе раннимъ авторамъ.

[3]) По коньектурѣ А. Бека слѣдовало бы читать вмѣсто Θεμεῶται — Θατμαιῶται (имѣя въ виду разночтеніе: Θαιμεῶται). Въ такомъ случаѣ этотъ послѣдній терминъ возможно было бы считать сокращеніемъ двойнаго наименованія: Θατεῖς Μαιῶται. Cl. Ptolemaei, Geogr., V, 9, 17. A. Boeckh, C. I. G., v. II, p. 104. Ср. А. Ашикъ, Воспорское царство, I, 16. K. Müllenhoff, D. A., B. III, s. 49, not.

[4]) Ἀστουρικανοί возможно было бы считать искаженнымъ чтеніемъ: Ἀσπουργιανοί. Ср. выше стр. 106. Впрочемъ инаго мнѣнія K. Müllenhoff, D. A., B. III, s. 81.

[5]) Cl. Ptolemaei, Geographia, V, 9, 16, 17, 24, 8 (ed. C. Nobbe, Lip., 1845, t. II). Строгую критику географической системы Птолемея см. у E. Bunbury, Ibid., II, 546—580. Мѣстоположеніе залива Синдовъ опредѣлено у Птолемея такъ (§ 8)· Σινδικὸς λιμήν... ξε ∠'...μζ ∠'γ. Извѣстно, что Птолемей при опредѣленіи мѣстонахожденія Исса ошибался на + $21^{\circ} 45'$ (E. Bunbury, II, 562). Иссъ находится почти на томъ же меридіанѣ, что и Пантикапея, слѣдовательно, вычитая изъ вышеприведенной долготы, которою опредѣ-

Сопоставленіе вышеприведенныхъ извѣстій едва-ли даетъ возможность точно представить себѣ разселеніе всѣхъ племенъ приазовскихъ. Наиболѣе устойчивыя свѣдѣнія сохранились о Яксаматахъ, Сиракахъ и Аорсахъ, жившихъ одни за другими отъ нижняго теченія р. Дона по направленію къ Кавказскому хребту; изъ племенъ приморскихъ опредѣленныя указанія имѣются относительно Синдовъ, занимавшихъ, вѣроятно (по крайней мѣрѣ до Р. Х.), пространство между нижнимъ теченіемъ р. Кубани и сѣверозападными отрогами Кавказскихъ горъ, область, въ которую, впрочемъ, могли проникать и сосѣдніе съ ними народцы, Тореты, Дандаріи и Аспургіаны.

Болѣе значительное соотвѣтствіе находимъ мы въ показаніяхъ древнихъ авторовъ относительно племенъ, жившихъ на югъ отъ Синдовъ, по сѣверовосточнымъ берегамъ Чернаго моря, вплоть до Колхиды.

Судя по этимъ даннымъ, наиболѣе извѣстными были въ древности: Керкеты, Ахеи, Зыги, Иніохи и Колхи. Относительно перваго племени показанія не вполнѣ согласны. Скилакъ, Елланикъ [1]), Артемидоръ, Помпоній Мела, Плиній, Діонисій Періегетъ и Амміанъ Марцеллинъ ставятъ Керкетовъ выше Ахеевъ и Иніоховъ; наоборотъ, историографы Миѳридатовыхъ войнъ и Страбонъ — съ Керке́товъ начинаютъ перечисленіе племенъ, расположенныхъ на юговостокъ отъ Синдовъ по берегу моря [2]). Страбону при этомъ извѣстно первое мнѣніе; онъ сознательно придерживается второго, какъ наиболѣе правильнаго. Разнорѣчіе это возможно объяснить или передвиженіями Керкетовъ или недостаточною точностью извѣстій, какія о нихъ имѣли перечисленные авторы; въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы отдать преимущество историографамъ Миѳридатовыхъ войнъ и самому Страбону. Относительно Ахеевъ, Зыговъ, Иніоховъ и Колховъ существенныхъ разнорѣчій нѣтъ [3]). Племена эти, по всей вѣроятности, жили ниже Синдовъ по берегу моря вплоть до Колхиды въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ они упоминаются древними авторами; къ сожалѣнію, точно опредѣлить мѣстоположеніе и границы занимаемыхъ ими областей едвали возможно. Также рисковано было-бы въ настоящее время пускаться въ отождествленіе означенныхъ варваровъ съ позднѣйшими насельниками Закавказья. Впрочемъ, судя по

ляетъ Птолемей мѣстоположеніе гавани Синдовъ мы получимъ приблизительно вѣрную цифру. Широта также означена не вполнѣ точно; вообще Птолемей менѣе грубо ошибался при опредѣленіи широтъ чѣмъ долготъ; послѣднія у него все болѣе преувеличены по мѣрѣ того, какъ мы двигаемся на востокъ.

[1]) Изложеніе Елланика темное: «Κερκεταίων δ' ἄνω οἰκοῦσι Μόσχοι καὶ Χαριμάται, κάτω δ' Ἡνίοχοι, ἄνω δὲ Κοραξοί...» (F. H. G., I, 59).

[2]) Указавъ на Керкетовъ и Макроногоновъ, Страбонъ пишетъ: «дальше, выше ихъ, находятся ущелья Фтирофаговъ (Φθειροφάγοι); за Иніохами слѣдуетъ Колхида, лежащая у подножія Кавказскихъ и Мосхійскихъ горъ». — К. Ганъ, Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ въ Сборникѣ Матеріаловъ, для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. IV, Тифл., 1884 г., стр. 60. Сборникъ г. Гана полезенъ, какъ сводъ *указаній* на тѣ свѣдѣнія, какія можно найти о племенахъ Кавказа у древнихъ авторовъ, на что уже справедливо указывалъ В. Латышевъ въ рецензіи на работу г. Гана. См. Журн. Мин. Нар. Просв., 1885 г., май, стр. 96—119. Ср. стр. 105—106.

[3]) Плиній сообщаетъ довольно спутанныя извѣстія объ этихъ племенахъ: «A Dioscyriade oppidum Heracleum distat Sebastopoli LXX. Achaei, Mardi, Cercetae, post eos Serri, Cephalotomi, in intimo eo tractu, Pityus, oppidum oppulentissimum, ab Heniochis direptum est. A tergo eius Epagerritae, Sarmatarum populus, in Caucasi iugis, post quem Sauromatae» (Plin., Hist. Nat., Lib. VI, Cap. 5, ed. D. Detlefsen, I, 233). Въ этомъ отрывкѣ Плиній, повидимому, перечисляетъ эти народы слѣдуя направленію съ юга на сѣверъ, ибо Праклея лежала сѣвернѣе Діоскуріады.

разновременнымъ извѣстіямъ древнихъ авторовъ, расположеніе племенъ, жившихъ между Ипанисомъ и Фазисомъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій не измѣнилось; слѣдовательно, оно могло сохраниться и въ послѣдующее время, тѣмъ болѣе, что горныя племена вообще, какъ извѣстно, мало склонны къ перемѣщеніямъ[1]). Поэтому, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что народцы, тѣснившіеся у восточныхъ береговъ Чернаго моря въ древности, и теперь еще занимаютъ южные склоны Кавказскаго хребта[2]).

Такимъ образомъ, извѣстія древнихъ авторовъ о племенахъ, жившихъ у сѣверосточныхъ береговъ Чернаго моря, не богаче тѣхъ, какія имѣются о Меотахъ или Сарматахъ. Послѣднія двѣ группы племенъ, быть можетъ, состояли въ болѣе близкомъ родствѣ между собой, чѣмъ Меоты съ жителями Закавказья. Границею между Сарматами и Меотами можно считать приблизительно р. Донъ; кавказскія горы могли отдѣлять тѣхъ-же Меотовъ отъ племенъ собственно кавказскихъ. Изъ числа приазовскихъ варваровъ весьма древнимъ и наиболѣе извѣстнымъ по мѣстоположенію было племя Синдовъ, которое въ IV—III вв. до Р. Х. занимало, вѣроятно, территорію, лежавшую между Чернымъ моремъ, нижнимъ теченіемъ р. Кубани, ея лѣвымъ притокомъ Адагумомъ (?) и Кавказскимъ хребтомъ. Синды, какъ извѣстно, управлялись царями; между послѣдними прославился Екатей, современникъ Сатира, женатый на его дочери. Горгиппъ, основатель Горгиппіи, и Сатиръ, могила котораго расположена была на восточной сторонѣ Воспора, были также намѣстниками или соправителями царей Воспора въ азіатской части ихъ владѣній[3]). Синды были богаче остальныхъ Меотовъ, вели торговлю съ Греками и, вѣроятно, болѣе сосѣдей, знакомы были съ греческой цивилизаціей. Между тѣмъ въ югозападномъ углу области занимаемой Синдами, верстахъ въ 50 отъ столицы ихъ Горгиппіи, теперешней Анапы (?), и находился курганъ Карагодеуашхъ; въ этомъ курганѣ, какъ указано было выше, по всей вѣроятности, похороненъ какой-то царь, богатая погребальная обстановка котораго носитъ на себѣ явные слѣды сильнаго греческаго вліянія и относится къ IV—III вв. до Р. Х. Совпаденіе всѣхъ этихъ данныхъ, быть можетъ, намекаетъ на то, что курганъ Карагоде-

---

[1]) «Ne voit-on pas les Basques demeurer depuis des siècles dans les Pyrénées, les Kourdes resister encore aux Turcs et aux Persans, les Peaux-Rouges parcourir les montagnes Rocheuses et les Negritos, fidèles sujets de Sougrivah, se maintenir dans l'Inde et la Malaisie en dépit des Hindous et des Malais...» J. de Morgan, Mission scientifique au Caucase, Paris, 1888, t. II, p. 182.

[2]) Одинъ изъ родовъ (clans) черкесскихъ носитъ наименованіе: Obedzdékhi, которое приравниваютъ къ Страбоновымъ Ὀβιδιακηνοί (M. Vivien de St. Martin, Etudes de géogr. anc. et d'ethnogr. asiatique, Paris, 1852, t. II, p. 124). Issi и Tagorae Плинія сопоставляется съ Озами (Осетинами) и Дугорами (Дигорами) также осетинскаго происхожденія (Ibid., pp 142—143). Извѣстныхъ древнимъ авторамъ Зыговъ (Ζυγοί) можно сопоставить съ нынѣшними: Zyghè, Dzighè, Zechi, Adighès, Адиге (Адыге), Птолемеевыхъ Τουσκοί съ Тушинами, Плутарховыхъ Γῆλαι (Pomp. XXXV) съ теперешними Галгаями (?) при вналеніи Шалгира въ Суджу, наконецъ Λῆγαι или Λῆγες, извѣстныхъ Страбону и Плутарху (Legae — римскихъ писателей) съ тюркскими Лезг(х)ами, грузинскими Леками и съ современными Лезгинами (см. напр. I. Klaproth, Asia Polyglotta, Paris, 1823, pp. 124—131 и Voyage au mont Caucase et en Georgie etc. (trad.), Paris, 1823, t. II, p. 291; F. Dubois de Montpéreux, Voyage, t. II, p. 81. Ад. Берже, Краткій обзоръ горныхъ племенъ на Кавказѣ въ Кавказскомъ календарѣ на 1858 г., стр. 267—312. E. Chantre, Ibid., t. IV, p. 104. J. de Morgan, Ibid., t, II, pp. 181—187 et 199).

[3]) A. Boeckh, C. I. G., v. II, pp. 92—93. Горгиппъ и Сатиръ, повидимому, принадлежали къ династіи Спартокидовъ.

уашхъ насыпанъ былъ Синдами и хранилъ въ себѣ останки какого-нибудь царя Синдскаго второй половины IV или начала III вѣка до Рождества Христова.

То-же предположеніе, конечно, возможно было-бы высказать и относительно Торетовъ, Дандаріевъ или Аспургіановъ, если-бы мы знали что-нибудь объ этихъ народцахъ, кромѣ ихъ именъ и весьма сомнительныхъ данныхъ о ихъ мѣстоположеніи. Какъ ни мало обосновано высказаное нами предположеніе, оно все-же менѣе другихъ вызываетъ сомнѣнія. Во всякомъ случаѣ народъ, соорудившій курганъ Карагодеуашхъ, возможно причислить къ Меотамъ, предполагать родство его съ скиѳо-сарматскими племенами, и слѣдовательно, вмѣстѣ съ этими послѣдними считать его въ силу общаго ихъ арійскаго происхожденія, довольно способнымъ къ воспріятію культуры, занесенной на сѣверные берега Чернаго моря ихъ болѣе счастливыми и развитыми собратіями, Греками.

3. Культура народности, соорудившей курганъ Карагодеуашхъ.

Вопросъ о народности, соорудившей курганъ Карагодеуашхъ, какъ видно, и послѣ сдѣланныхъ нами разысканій, все еще остается вопросомъ: точно опредѣлить племя, которое въ IV в. до Р. Х. занимало берега р. Адагума и поработало надъ насыпью подлѣ станицы Крымской, намъ не удалось, хотя скудный запасъ археологическихъ данныхъ, а также показаній древнихъ авторовъ, и доставилъ намъ возможность высказать нѣсколько предположеній, быть можетъ, не безполезныхъ для будущихъ попытокъ подобнаго рода. Какое-бы племя, однако, ни занимало означенную территорію въ IV—III вв. до Р. Х., оно поставлено было въ довольно своеобразныя условія развитія, вліяніемъ которыхъ разъясняются и важнѣйшія особенности Карагодеуашхскихъ древностей.

Туземный бытъ, насколько мы его знаемъ по этимъ древностямъ, обнаруживаетъ родство съ бытомъ племенъ скиѳо-сарматскихъ, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ проявленій носитъ слѣды кавказскаго вліянія и какъ-бы указываетъ отчасти на связь, существовавшую между жителями Прикубанья и арійскими народностями Средней Азіи. Причины такого смѣшенія разнообразныхъ культуръ слѣдуетъ искать, по всей вѣроятности, не только въ этническомъ родствѣ представителей этихъ цивилизацій между собою, но и во взаимномъ ихъ общеніи. Мирныя торговыя сношенія, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, дѣйствительно существовали между племенами, занимавшими нижнее теченіе р. Кубани, и народностями, жившими къ сѣверу отъ той-же рѣки, на юговостокъ или еще далѣе за Кавказомъ и Каспіемъ. Правда, обиліе золота въ курганѣ Карагодеуашхскомъ, пожалуй, указываетъ на то, что незначительное обращеніе его въ странѣ[1]) мѣшало развитію торговыхъ оборотовъ, но, съ другой стороны, въ той-же области Синдовъ, да и въ сосѣднихъ мѣстностяхъ были города, вѣроятно, имѣвшіе не одно только стратегическое зна-

---

[1]) На эту мысль наводитъ замѣчаніе, сдѣланное итальянцемъ Giorgio Interiano о Черкесахъ въ XVI в. Сообщаемъ его въ переводѣ F. Dubois (Voyage, t. II, p. 81): «S'ils trouvent de l'or ou de l'argent dans leur butin ou s'ils en obtiennent d'une autre manière ils en font faire à l'instant de ces grands vases (d'or), dont j'ai parlé, ou bien ils l'emploient à en orner leur selle ou leurs armes, ces métaux n'ayant pas cours chez eux. Ceux qui habitent le bord de la mer sont plus avisés au commerce».

ченіе. Кромѣ чисто греческихъ центровъ, въ системѣ р. Танаиса, древніе знали поселенія: Эксополь и Наваръ (Exopolis и Naubaris)[1]), въ странѣ Синдовъ упоминается «городъ» Синдовъ, столица ихъ Горгипія (вѣроятно, нынѣшняя Анапа?)[2]); у Дандаріевъ былъ какой-то городъ Соза (Soza), а у Спраковъ—городъ Успе (Uspe)[3]); гдѣ-то подлѣ Колхиды находилось мѣстечко Зыгополь, судя по словообразованію: городъ Зыговъ, кавказскаго племени, жившаго пониже Иніоховъ[4]); наконецъ, въ самой Колхидѣ расположенъ былъ городокъ Пола, нѣкогда занятый туземцами[5]). Скопленіе населенія въ такихъ центрахъ, быть можетъ, огороженныхъ мѣстахъ, служившихъ и для защиты страны, и для торжищъ, указываетъ на то, что здѣсь, на Кавказскомъ перешейкѣ, ко времени Р. Х. начинала зарождаться городская цивилизація, а вмѣстѣ съ нею и торговыя сношенія, главнымъ образомъ, съ двумя ближайшими центрами: Танаисомъ и Діоскуріадой. Устья Кубани, вѣроятно, уже въ древнее время связаны были не только морскою, но и сухопутною торговой дорогой съ р. Танаисомъ; въ позднѣйшее время по тому-же направленію шелъ и «приморскій» шляхъ, соединявшій Тамань съ устьями Дона[6]). А между тѣмъ именно здѣсь, на правомъ берегу рѣки Дона расположена была греческая колонія Танаисъ, въ которой для торговыхъ оборотовъ сходились многія племена Скиѳіи и Сарматіи, Европы и Азіи[7]). Такая-же роль, какую игралъ Танаисъ на сѣверъ отъ Кубани, къ югу отъ той-же рѣки выпала на долю Діоскуріады (лежавшей тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Сухумъ Кале)[8]). И здѣсь сходилось множество народностей, говорившихъ на семидесяти языкахъ а, по другимъ извѣстіямъ, знакомыхъ даже съ еще большимъ количествомъ нарѣчій; въ числѣ этихъ народностей было много сарматскихъ племенъ[9]).

Если, такимъ образомъ, Танаисъ служилъ сборнымъ пунктомъ, гдѣ племена приазовскія встрѣчали Скиѳовъ и Сарматовъ, то въ Діоскуріадѣ они-же сталкивались съ древнимъ населеніемъ Кавказа и знакомились съ кавказскою цивилизаціею.

Всѣ эти мѣстныя сношенія осложнялись, однако, еще болѣе культурнымъ общеніемъ приазовскихъ варваровъ съ среднеазіатскимъ востокомъ. Личныя имена, повидимому, иранскаго происхожденія, какъ извѣстно, уже съ IV в. до Р. Х. встрѣчаются на греческихъ надписяхъ,

---

[1]) A. Boeckh, C. I. G., v. II, p. 98.

[2]) Strab., XI, 2, 10. Ἔστι δὲ καὶ Γοργυπία ἐν τῇ Σινδικῇ, τὸ βασίλειον τῶν Σινδῶν, πλησίον θαλάττης... А. Ашикъ (Ibid., ч. I, стр. 13) настаивалъ, едвали впрочемъ справедливо, на томъ, что Страбонъ не только не отождествляетъ столицы Синдовъ съ Горгипіей, но, наоборотъ, различаетъ ихъ. Тексты, на которые ссылается Ашикъ (XI, 2, 12 и 14), однако, ничего не доказываютъ.

[3]) Tacit., Ann., XII, 16.

[4]) Strab., XII, 3, 17.

[5]) Strab., I, 2, 39; V, 1, 9. Pomp. Mela, II, 3.

[6]) М. Пудавовъ, Исторія войска Донскаго и старобытность началъ казачества, Новочеркасскъ, вып. I, стр. 134. Сочиненіе г. Пудавова кромѣ мѣстныхъ извѣстій, вродѣ приведеннаго въ текстѣ, не заслуживаетъ вниманія.

[7]) Strab., XI, 2, 3. Выраженіе Ἀσιανῶν, вѣроятно, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ всѣхъ народностей, жившихъ на востокъ отъ Дона, границы между Европой и Азіей.

[8]) Діоскуріада, по словамъ Страбона, находилась у устьевъ Хареса (XI, 2, 18), по мнѣнію Плинія — у устьевъ р. Анеена (Hist. Nat., VI, 5 ed. D. Detlefsen, I, 233). В. Сизовъ, Отчетъ и проч. въ Матеріалахъ по Археол. Кавказа, вып. II, стр. 9—55.

[9]) Strab., XI, 2, 16. Συνέρχονται δὲ, прибавляетъ географъ, τὸ πλεῖστον ἁλῶν χάριν (Strab., XI, 5, 6).

разбросанныхъ по берегамъ Воспора и у устьевъ Дона[1]). Предметы, вѣроятно, восточнаго происхожденія, какъ напр., извѣстное древнее блюдо съ арамейскою надписью, попадались въ такихъ могильникахъ, какъ Стефанъ-Цминде[2]); восточные цилиндры тоже не разъ встрѣчались на югѣ Россіи, между прочимъ и по сѣвернымъ склонамъ Кавказскихъ горъ, а также въ окрестностяхъ Тамани и Анапы[3]). Всѣ эти находки ясно свидѣтельствуютъ намъ о томъ вліяніи, какое восточная цивилизація оказывала на Воспоръ. Но какими же путями достигала она сѣверныхъ береговъ Чернаго и Азовскаго морей? Позднѣйшія извѣстія Стравона о торговыхъ дорогахъ, которыя, быть можетъ, задолго до Р. Х., связывали азіатскій востокъ съ европейскимъ западомъ, даютъ намъ возможность, хотя-бы отчасти, отвѣтить на этотъ вопросъ.

Произведенія Индіи и Вавилоніи, по словамъ географа, скупались уже въ древнее время мидійскими и армянскими купцами. Изъ Арменіи, повидимому, торговая дорога направлялась къ Кавказскому хребту, быть можетъ, проходила черезъ Дарьяльское ущелье, хорошо извѣстное Стравону[4]), или по западнымъ берегамъ Каспійскаго моря, и шла далѣе на сѣверъ; въ позднѣйшее время существовали также шляхи Еланскій и Дербентскій, которые скрещивались на берегахъ Кумы и отсюда однимъ общимъ путемъ направлялись къ устьямъ Дона[5]). Если не первымъ, то вторымъ изъ нихъ, уже извѣстнымъ Скиѳамъ, когда они преслѣдовали Киммерійцевъ и вслѣдъ за ними вторглись въ Азію[6]), вѣроятно, могли пользоваться и Аорсы, владѣвшіе почти всѣмъ берегомъ, по которому жили Каспіаны и, должно быть, отсюда на верблюдахъ провозившіе индійскіе и вавилонскіе товары въ Танаисъ[7]) или Фанагорію. Но не однимъ этимъ путемъ восточное вліяніе заносилось на сѣверные склоны Кавказа. Произведенія Индіи и Китая сплавлялись по водамъ Оксуса въ Гирканское (Каспійское) море, отсюда провозились по Курѣ и Фазису (Ріону) черезъ Албанію съ Иверіей и изъ колхидскаго порта, при устьяхъ Фазиса, на корабляхъ Синопа и Амизоса доставлялись въ разныя страны[8]). Тѣже колоніи служили складочными пунктами для товаровъ, привезенныхъ изъ Амазіи и Команы, которыя въ свою очередь вели торговлю съ Пафлагоніей, Галатіей, Каппадокіей и Арменіей[9]). Въ виду постоянныхъ сношеній

---

[1]) Ср. выше прим. 5 на стр. 100 и прим. 8 на стр. 106. В. Миллеръ въ рецензіи на второй томъ «Inscriptiones antiquae etc.», изданный г. Латышевымъ, обратилъ вниманіе на надпись № 381; она найдена въ одномъ изъ кургановъ, расположенныхъ подлѣ Тамани, и относится къ IV в. до Р. Х.; между тѣмъ на ней встрѣчаются имена иранскія. Надпись эта указываетъ, такимъ образомъ, «на персидское (мидійское) вліяніе въ области древней Фанагоріи» (Этнограф. Обозрѣніе за 1891 г., № 1, стр. 191—192).

[2]) Ch. de Linas, Les Origines de l'orfévrerie cloisonnée, t. III, Par., 1887, pp. 218—219 et 278. Авторъ относитъ эту вазу къ V—III вв. до Р. Х. Ср. Ibid., t. II, (Par., 1878), pp. 114—115.

[3]) Древ. Босф. Ким., Атласъ, Таб. XVI, №№ 2, 3, 5 и 6. Отч. Археол. Ком. за 1881 г., стр. 81—88 и Атласъ, Таб. V, №№ 6—9. Тоже за 1882—1888 гг., стр. 58, 62—64 и Атласъ, Таб. V, № 3. Гр. А. Бобринскій, Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы, Спб., 1887 г., стр. 77.

[4]) Strab., XI, 3, 5.

[5]) М. Пудавовъ, Ibid., вып. I, стр. 131 и 132. Былъ еще Кабардинскій шляхъ, который шелъ также съ Кавказа (Ibid., стр. 134).

[6]) Herod., I, 104; IV, 12.

[7]) Strab., XI, 5, 8.

[8]) Strab., XI, 2, 18; XI, 3, 4; XI, 7, 3. Ср. Th. Reinach, Mithridate Eupator, roi du Pont, pp. 223—224.

[9]) L. Preller, Ueber die Bedeutung des Schwarzen Meeres für den Handel und Verkehr der alten Welt

между прибрежными портами Понта Эвксинскаго[1]) нѣкоторые товары изъ гавани при устьяхъ Фазиса, Амизоса или Синопа легко могли попадать и на сѣверъ, въ предѣлы Воспорскаго царства, въ родственную Синопу и Амизосу Пантикапею. Этими-то путями, вѣроятно, вліяніе Ассиріи, Мидіи и Персіи распространялось въ Закавказьѣ и далѣе на сѣверъ[2]). Итакъ, по восточнымъ и западнымъ окраинамъ области, гдѣ расположенъ былъ курганъ Карагодеуашхъ, проходили торговыя дороги, связывавшія Воспорское царство съ востокомъ; благодаря имъ, культурное общеніе прикубанскихъ варваровъ съ обитателями передней и средней Азіи становилось возможнымъ и сказывалось въ распространеніи восточныхъ издѣлій по склонамъ Кавказскаго хребта.

Не смотря, однако, на опору, какую туземный бытъ находилъ во всѣхъ этихъ родственныхъ ему культурныхъ теченіяхъ, онъ не могъ устоять противъ натиска новой, чуждой ему греческой цивилизаціи, въ полномъ цвѣтѣ силъ раскинувшейся по берегамъ Воспора Киммерійскаго и съ каждымъ годомъ проникавшей все далѣе и далѣе вглубь страны. Уже въ IV в. до Р. Х., судя по надписямъ, Воспорскіе архонты владѣли страною Синдовъ и восточнымъ побережьемъ Азовскаго моря[3]); сохранились указанія на дѣятельность Перисада, покорившаго Меотовъ, часть Тавріи и Кавказа[4]). Такими-же завоевательными стремленіями отличались владыки Воспора позднѣйшаго времени, особенно Фарнакъ, Асандръ и Полемонъ, который, какъ извѣстно, опустошилъ и присоединилъ отдѣлившійся отъ Воспорскаго царства Танаисъ[5]). Завоеванія эти, однако, не отличались особенною прочностью; племена варварскія постоянно отпадали или оказывали помощь мятежнымъ претендентамъ на Воспорскій престолъ. Такъ напр., во время ссоръ, возникшихъ между сыновьями Перисада: Сатиромъ, Притонисомъ и Евмеломъ, послѣднему помогалъ царь Ѳатеевъ Аритафарнъ[6]). Дружескій союзъ между Сатиромъ и царемъ Синдскимъ, отвергнувшимъ первую жену свою, Тиргатаю, и вслѣдъ за тѣмъ женившимся на дочери Сатира, повелъ къ войнѣ царя Воспорскаго съ Яксаматами, среди которыхъ жили родные Тиргатаи[7]).

въ Ausgewählte Aufsätze, Berl., 1864, ss. 455—461. Th. Reinach, Ibid., pp. 233—234. J. de Morgan, Ibid. t. II, pp. 144—145.

[1]) Монеты Амизоса и Синопа встрѣчались въ керченскихъ гробницахъ. См. Отч. Археол. Ком. за 1866 годъ, стр. VIII. Тоже за 1867 г., стр. IX и XII. Въ Глинищѣ (у Керчи) найдена надпись римской эпохи, поминающая Филемона, гражданина г. Амизоса (Отч. Археол. Ком. за 1882—1888 гг., стр. 10). Подлѣ Керчи (въ 1860 г.) оказалась также плита, покоившаяся надъ прахомъ одного изъ жителей Синопы (B. Latyschew, II, № 299). На такія-же отношенія Ольвіи къ этимъ колоніямъ уже обратилъ вниманіе L. Preller, Ueber die Bedeutung des Schwarzen Meeres etc., Ibid., s. 457.

[2]) О восточномъ вліяніи въ Закавказьи см. E. Chantre, Ibid, t. I, p. 84; t. II, pp. 108, 148, 150, 192 194—195, 197—209, 217. Гр. А. Уваровъ, Къ какому заключенію о бронзовомъ періодѣ приводятъ свѣдѣнія о находкахъ бронзовыхъ предметовъ на Кавказѣ? въ Труд. пятаго арх. съѣзда въ Тифлисѣ, М., 1887 года, стр. 8—9. J. de Morgan, Ibid., t. I, pp. 108—112, 179, 208; t. II, pp. 67 et 141.

[3]) См. выше стр. 104.

[4]) Inscriptiones etc, ed. B. Latyschew, II, №№ 8 et 9.

[5]) Strab., XI, 2, 10. Ср. A. Boeckh, C. I. G., II, pp. 97—98.

[6]) Diod., XX, 22—25. Этотъ отрывокъ критически разработанъ А. Бекомъ (A. Boeckh, C. I. G., v. II, pp. 102—105); авторъ справедливо полагаетъ, что война между сыновьями Перисада велась на азіатской сторонѣ Воспора.

[7]) Polyaen., Strateg., VIII, 55 (rec. E. Woelfflin, Lip., 1887, pp. 415—417).

Миѳридатъ на берегахъ Воспора сейчасъ-же нашелъ себѣ союзниковъ среди Скиѳовъ, Бастарновъ, Сарматовъ и всѣхъ Меотовъ[1]). Неудивительно поэтому, что въ еще болѣе позднее время, когда власть воспорскихъ владыкъ значительно ослабѣла, Фарнаку приходилось усмирять Дандаріевъ, а Полемону — Аспургіанъ, т. е. близкихъ сосѣдей Пантикапеи на восточной сторонѣ Воспора[2]).

Всѣ эти войны давали богатый матеріалъ и разнообразные сюжеты для греческаго искусства, которое цѣлымъ рядомъ художественныхъ иллюстрацій обезсмертило незначительныя схватки и подвиги ихъ героевъ. На вазахъ, найденныхъ подлѣ Керчи, видимъ мы какъ Греки борятся съ Амазонками[3]), на серебряномъ ритонѣ съ Кавказа представлена какая-то военная сцена[4]); фрески на стѣнахъ катакомбы, открытой въ 1841 г., еще подробнѣе рисуютъ намъ тотъ-же бытъ: отправленіе воина-грека на войну, его подвиги, славную смерть и торжественныя похороны, какими почтены были его доблести и военная дѣятельность[5]). Этотъ рядъ документальныхъ свидѣтельствъ завершается нѣсколькими надписями на надгробныхъ плитахъ; одна изъ нихъ, напримѣръ, повѣствуетъ намъ о томъ, что подъ нею хранятся останки воина, который сражался въ землѣ «Маитовъ» въ IV в. до Р. Х., другая, что она поставлена въ честь лица, убитаго Номадами, третья, впрочемъ позднѣйшая, прославляетъ какого-то Миnодора, который «многіе изрубивъ кровавые доспѣхи супостатовъ», лежитъ, сраженный копьемъ, въ землѣ воспорской[6]). Такимъ образомъ, цѣлый рядъ письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ посвященъ описанію и прославленію постоянныхъ войнъ, которыя правители Воспора вели съ приазовскими варварами; а между тѣмъ послѣдніе въ этихъ войнахъ многому учились у враговъ, вѣроятно, многое отъ нихъ и перенимали.

Но если быстрый ростъ территоріи Воспорскаго царства путемъ оружія расширялъ и сферу вліянія, какое греческая цивилизація могла оказывать на варварскій бытъ, то утвержденію этого вліянія еще болѣе способствовала мирная греческая колонизація. Танаисъ у устьевъ Дона, Фанагорія, Стратоклія, Кипы, Апатуронъ, Ермонасса, Корокондама, Киммеріонъ и деревня Ахилла на Таманскомъ полуостровѣ, Тирамва, Горгипія, основанная, впрочемъ, не ранѣе Перисада I[7]), Діоскуріада, Фазисъ и Кита (Кутаисъ) подлѣ восточныхъ береговъ Понта Эвксинскаго, все это были центры, въ которыхъ греческая жизнь не могла чуждаться туземнаго быта; почти всѣ они были и торговыми рынками, куда не разъ заглядывали полудикіе Сарматы и Меоты. Варвары могли посѣщать сухимъ путемъ не только ближайшіе къ нимъ греческіе центры, расположенные на восточныхъ берегахъ Азовскаго и Чернаго морей, но и болѣе отдаленные, даже самую Пантикапею, когда зима сковывала волны Воспора и смиряла ихъ толстымъ ледянымъ

---

[1]) Th. Reinach, Ibid., pp. 72—76.

[2]) Strab., XI, 2, 3; XI, 2, 10.

[3]) Древ. Босф. Ким., ч. II, стр. 24—26. Атласъ, Таб. LI, № 3; таб. LIX, № 2.

[4]) Н. Кондаковъ и Гр. И. Толстой, Русск. Древн., вып. II, стр. 68.

[5]) А. Ашикъ, Керченскія древности. О Пантикапейской катакомбѣ украшенной фресками, Од., 1845 года, Таб. III—VI.

[6]) Inscriptiones orae sept. P. E., ed. B. Latyschew, t. II, №№ 296, 171 и 298. Первыя двѣ найдены въ Пантикапеѣ; третья неизвѣстнаго происхожденія; она принадлежитъ I—II вв. по Р. Х.

[7]) A. Boeckh, C. I. G., II, p. 99. Авторъ различаетъ Синдскій портъ отъ Горгипіи.

покровомъ, на которомъ полководецъ Миѳридата Понтійскаго Неоптолемъ разбилъ враговъ въ кавалерійскомъ сраженіи[1]). Тѣже варвары, вѣроятно, не чуждались и морскихъ сношеній. «Скиѳы», жившіе по обѣимъ сторонамъ скиѳскаго залива Каспійскаго моря, постоянно сообщались между собою посредствомъ лодокъ[2]). Меоты, ловившіе рыбу въ Ромвитѣ, также едвали обходились безъ нихъ[3]), а Ахеи, Зыги и Иніохи совершали морскіе походы на «камáрахъ», отъ которыхъ, должно быть, и получили прозвище «каммаритовъ», прославившихся морскими разбоями[4]). Сношенія варваровъ съ греками, по всей вѣроятности, имѣли, главнымъ образомъ, торговыя цѣли. Важнѣйшими центрами въ этомъ отношеніи были: Пантикапея, куда привозились товары изъ Греціи по Понту, и Фанагорія, складочный пунктъ для азовскихъ продуктовъ и рынокъ, на которомъ сходились варвары окружавшихъ его мѣстностей[5]).

При существованіи такихъ сношеній, греческое вліяніе распространялось на востокъ, быть можетъ, вверхъ по рѣкѣ Кубани[6]), все далѣе и далѣе вглубь материка. Неудивительно, поэтому, что въ разныхъ пунктахъ Прикубанья и Кавказа оказались слѣды такого вліянія. Не говоря объ извѣстныхъ раскопкахъ, сдѣланныхъ въ могилахъ Таманскихъ, Семибратнихъ, Анапскихъ и въ нашемъ курганѣ Карагодеуашхъ, можно указать на цѣлый рядъ другихъ находокъ подобнагоже рода. Верстахъ въ семидесяти отъ устьевъ Кубани, впадающей въ Кизильташскій лиманъ, при постройкѣ Варениковой пристани, оказались слѣды древняго поселенія и «монеты Воспорскаго царства». Подлѣ ст. Анапской были открыты, напр., монеты: пантикапейская и Савромата IV-го; у ст. Сѣверной и Маріинской греческія издѣлія и монета Перисада II[7]), недалеко отъ Екатеринодара — вещи хорошей греческой работы, быть можетъ, III в. до Р. Х.[8]), въ курганѣ близь ст. Хадыжинской—предметы, сходные съ греческими издѣліями скиѳо-сарматской эпохи[9]), а подлѣ Усть-Лабинской крѣпости — монеты Рискупорида IV-го[10]). По берегамъ Терека также встрѣчались предметы греческой работы[11]). Нѣкоторыя вещи изъ могилъ Чегемскихъ, Балкарскихъ, Осетинскихъ и Чеченскихъ даютъ понятіе о «бойкихъ сношеніяхъ» между древними народами, заселявшими сѣверный Кавказъ, и Черноморьемъ, какъ то Фанагоріей или Пантикапеей[12]).

---

[1]) Herod., IV, 28. Strab., VII, 3, 18; XI, 2, 8.

[2]) Plin., Hist. Nat., VI, 15, 1: «Scytae per angustias inter se commeant...» (ed. D. Detlefsen, I, 238).

[3]) Strab., XI, 2, 4.

[4]) Strab., XI, 2, 12. Am. Marcel., XXII, 8, 21 упоминаетъ о «каммаритахъ» при Фазисѣ. Ср. Eusthat., Com. ad Dionys Perieg., 700.

[5]) Strab., XI, 2, 10.

[6]) Р. Кубань и нынѣ считается судоходной. См. А. Аркапниковъ, Г. Темрюкъ въ Сборн. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа, вып. IV, Тифл., 1884 г., стр. 253.

[7]) Дѣло Имп. Археол. Ком. за 1884 г., № 16. Указ. къ Имп. Рос. Ист. Муз., М., 1883 г., стр. 119—121.

[8]) M. Mourier, L'archéologie au Caucase, Tifl., 1885, p. 18.

[9]) Дѣло Имп. Археол. Ком. за 1869 г., № 27.

[10]) А. Апикъ, Ibid., ч. II, стр. 27. Ср. также догадки F. Dubois de Montpéreux, (Voyage, t. V, p. 7—9) о мѣстоположеніи древняго храма съ греческою надписью, описываемаго De la Motraye въ Voyages en Europe, en Asie etc., t. II, p. 63 et suiv.

[11]) Кавказская Старина за 1872—1873 гг., стр. 58. Отч. Археол. Ком. за 1882—1888 гг., стр. CCCXXXII: «Въ Грозненскомъ округѣ Терской области собраны золотыя вещи, повидимому, поздней греческой и римской работы»...

[12]) В. Миллеръ, Ibid., стр. 87 и 97—100.

Многія изъ древностей, найденныя въ Камынте, «имѣютъ всѣ признаки греческаго фабричнаго производства, нѣкоторыя изъ нихъ очевидно доставлялись изъ Греціи, причемъ изобиліе ихъ указываетъ на значительное развитіе торговыхъ сношеній между мѣстнымъ населеніемъ и греками, а также свидѣтельствуетъ о довольно высокомъ уровнѣ культуры и благосостоянія въ странѣ»[1]. Слѣды такого-же вліянія нельзя не замѣтить и въ Самтаврскомъ могильникѣ, и въ Горійскомъ уѣздѣ[2]. Наконецъ, изслѣдованіе древнихъ гробницъ близь деревни Мцхета обнаружило нѣсколько вещей греческой и римской эпохъ[3], хотя, быть можетъ, сюда такъ-же, какъ и въ нѣкоторые другіе изъ вышеуказанныхъ пунктовъ, греческое вліяніе могло проникать не съ сѣвера, а съ юга, черезъ Колхиду.

Это перечисленіе, вѣроятно, далеко не полное, достаточно, однако, для того, чтобы показать намъ, на какое широкое пространство, въ сравнительно незначительный промежутокъ времени, успѣла распространиться греческая культура. Неудивительно поэтому, что слабые и необразованные туземцы, жившіе по восточнымъ берегамъ Азовскаго и Чернаго морей, стали мало по малу подчиняться ея вліянію. Нѣкоторые изъ нихъ занимались земледѣліемъ[4], хотя быть можетъ, и продолжали вести полукочевой образъ жизни[5]. Къ концу описываемаго нами періода (ко времени Р. Х.) кое-гдѣ зародилась городская жизнь, оживляемая торговлей. Послѣдняя способствовала развитію мѣновыхъ цѣнностей, образцики которыхъ мы дѣйствительно встрѣчаемъ у Синдовъ, наиболѣе образованнаго изъ племенъ приазовскихъ[6]. Мѣстный бытъ и искусство, какъ это видно теперь по карагодеуашхскимъ древностямъ, во всякомъ случаѣ у племенъ ближайшихъ къ Пантикапеѣ, также подчинялись греческому вліянію. Наконецъ, и дикіе нравы, какими отличались варвары, жившіе ближе къ Танаису или на сѣверозападныхъ склонахъ кавказскихъ горъ, у береговъ Понта Евксинскаго[7], нѣсколько сглаживались въ области нижняго теченія рѣки Кубани: у племенъ, недалеко отходившихъ отъ столицы Воспорскаго царства, эти нравы были «мягче», чѣмъ у остальныхъ варваровъ[8]. Значеніе всѣхъ этихъ перемѣнъ въ бытѣ туземцевъ преувеличивать, однако, не слѣдуетъ; притомъ сказались онѣ довольно поздно: въ

---

[1] Д. Анучинъ, Доисторич. Археологія Кавказа въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1884 г., январь, стр. 218. J. de Morgan, Ibid., t. II, p. 146, n. 1.

[2] Кавказская Старина, за 1872—1873 гг., стр. 53—54 и 58—59. J. de Morgan, Ibid., t. II, p. 146, n. 1. Ф. Байернъ, Изслѣдованіе древнихъ гробницъ близь д. Мцхета, произведенное г. Байерномъ лѣтомъ 1871 г., въ газетѣ Кавказъ за 1872 г., № 8.

[3] Ф. Байернъ, Изслѣдованіе древнихъ гробницъ и проч., въ газетѣ Кавказъ за 1872 г., №№ 8, 91 и 110. Ср. также статьи г. Байерна въ Berlin. Zeitschrift für Ethnologie, B. IV, 1872 и въ Wiener Mittheil-der Anthrop. Gesellschaft, B. IV, 1874. Отч. Археол. Ком. за 1872 г., стр. 174. Бар. В. Тизенгаузенъ, Письмо о статьѣ г. Байерна и пр. въ Древностяхъ М. А. О., т. IV, вып. II, Протоколы, стр. 48, 59.

[4] Strab., XI, 2, 4.

[5] Strab., XI, 2. Такъ, вѣроятно, слѣдуетъ понимать выраженіе Стравона: «καὶ σκηνῖται καὶ γεωργοί».

[6] А. Ашикъ (Ibid., ч. I, стр. 14) зналъ только одну единственную монету Синдовъ съ изображеніемъ головы Иракла, покрытой львиною кожей на лицевой сторонѣ, и лошадиною головой съ надписью Σινδῶν на оборотѣ. Теперь извѣстны еще и другія. См. П. Бурачковъ, Общій каталогъ монетъ, принадлежащихъ эллинскимъ колоніямъ, существовавшимъ въ древности на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи, ч. I, Од., 1884 г., стр. 175 и слѣд. Th. Reinach, Ibid., стр. 69. J. de Morgan, Ibid., t. II, p. 170.

[7] Aristot., Polit., 8, 3, 4 (ed. F. Didot, Paris, 1848, v. I, p. 627).

[8] Strab., XI, 2, 4.

первомъ вѣкѣ до Р. Х. прикубанскіе варвары все еще не успѣли проникнуться *духомъ* греческой культуры и извѣстны были воинственностью, отъ которой такъ часто страдали греческія колоніи сѣверо-восточнаго побережья Чернаго моря.

Историческія условія, повліявшія на развитіе мѣстной прикубанской культуры IV—III вв. до Р. Х., извѣстной намъ, главнымъ образомъ, по древностямъ изъ Семибратнихъ могилъ и кургана Карагодеуашхъ, какъ видно, достаточно разъясняютъ двойственный ея характеръ. Въ самомъ дѣлѣ эта культура слагалась изъ мѣстныхъ особенностей туземнаго быта, значительно переработанныхъ творческимъ геніемъ Грековъ въ тотъ періодъ исторіи Воспорскаго царства, когда ихъ цивилизація все еще твердо стояла на берегахъ Воспора и побѣдоносно выдерживала натискъ полудикихъ народностей, окружавшихъ ее со всѣхъ сторонъ. Неудивительно поэтому, что сочетаніе варварскаго быта съ греческимъ въ области Прикубанья за указанный періодъ времени не могло быть равномѣрнымъ. Изъ *смѣси*, въ которой слишкомъ малая роль отведена была туземному элементу и слишкомъ большая наносной, греческой культурѣ, не вышло *соединенія*. Вотъ почему, когда ослабѣлъ притокъ греческихъ силъ изъ метрополіи, а на Грековъ-колонистовъ между тѣмъ со всѣхъ сторонъ широкими волнами нахлынули племена варваровъ, искусственно выращенная образованность, какъ казалось, пустившая здѣсь довольно глубокіе корни, не выдержала и рухнула. Новыя народныя массы заполнили широкія пространства южнорусскихъ степей и на развалинахъ прежней цивилизаціи стали ожидать лучшихъ историческихъ условій для того, чтобы не такъ скоро, но за то и болѣе вѣрнымъ путемъ, обнаружить свои вѣками накопившіяся силы въ невѣдомыхъ классическому міру формахъ политическаго и культурнаго развитія.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Стр. 1—2. Здѣсь указаны лишь важнѣйшія изъ раскопокъ, произведенныхъ на Кавказскомъ перешейкѣ. Нѣсколько добавочныхъ свѣдѣній можно найти въ работѣ гр. П. Уваровой: Кавказъ, Путевыя замѣтки, ч. I, М., 1887 г. (Дневники путешествій съ 1879 по 1881 г.), ч. II, М., 1891 г. (Дневники поѣздокъ и развѣдокъ по Абхазіи, Аджаріи, Шавшетіи и по Посховскому участку въ 1881 и частью 1888 гг.).

Стр. 3, стр. 17 сверху. Вмѣсто: «Вотъ почему» слѣдуетъ читать: «Въ виду этихъ соображеній».

Стр. 14, стр. 12—13. Вмѣсто: «сплавовъ золота съ нѣкоторыми другими металлами» слѣдуетъ читать: «смѣсей золота съ нѣкоторыми другими веществами».

Стр. 14, прим. 1. Вмѣсто: «Сплавы состояли» слѣдуетъ читать: «Смѣси состояли».

Стр. 14, прим. 4. Нѣсколько указаній на существованіе золотыхъ розсыпей въ странѣ по р. Аму-Дарьѣ см. еще въ статьѣ И. Минаева: Поиски золота въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1888 г., май, стр. 237—250.

Стр. 16, прим. 4. Къ сожалѣнію менѣе значительныя составныя части нашихъ бронзъ (какъ-то никкеля, кобальта и проч.) г. Сабанѣеву опредѣлить не удалось; поэтому мы не имѣли возможности сопоставить наши типы съ доселѣ извѣстными въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ второстепенные элементы сплавовъ могли-бы способствовать разрѣшенію вопроса о мѣсторожденіи тѣхъ рудъ, изъ которыхъ образовались означенные сплавы, тогда какъ безъ нихъ сравненія, приводимыя въ текстѣ, указываютъ скорѣе на техническія особенности пріемовъ, употреблявшихся для образованія сплавовъ.

Стр. 53, прим. 1. Вмѣсто: «Wettersfelde» слѣдуетъ читать: «Vettersfelde». Въ послѣдующихъ ссылкахъ на тотъ-же трудъ г. Фуртвэнглера слѣдуетъ сдѣлать ту-же поправку.

Стр. 69 и 72. Такъ какъ опредѣленія животныхъ, изображенныхъ на табл. III, №№ 4—5 и на рис. 53, возбуждали сомнѣнія, то я и позволилъ себѣ обратиться къ проф. В. М. Шимкевичу съ просьбою взять на себя трудъ разсмотрѣть помянутыя изображенія. Проф. В. М. Шимкевичъ весьма любезно отнесся къ моей просьбѣ и пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: «Фигура № 4 на табл. III дѣйствительно должна изображать что-то подобное орлу, а изображаетъ-ли фигура № 5 той-же таблицы голубя, я сказать не могу. Одинъ орнитологъ находитъ и въ этой фигурѣ черты хищника; но во всякомъ случаѣ въ виду грубости изображенія, здѣсь опредѣленнаго ничего сказать нельзя»... «Три грызущихъ животныхъ (на рис. 53) несомнѣнно львы, т. е. одинъ левъ и двѣ львицы. Въ этомъ убѣждаетъ присутствіе у нихъ на хвостѣ явственной кисти. Пунктирныя пятна, изображенныя на туловищѣ и ногахъ средней фигуры, для меня несовсѣмъ понятны. Или это не пятна или-же художникъ, который, можетъ быть, былъ знакомъ со львомъ также по другимъ изображеніямъ (ибо въ южной Европѣ, львы вымерли весьма давно) перенесъ на льва этотъ признакъ съ другой

какой-нибудь крупной пятнистой породы. Наконецъ, какъ аномалія, но очень рѣдкая, пятнистые львы встрѣчаются. Подобное чучело имѣется въ Британскомъ музеѣ и принадлежитъ одному льву, рожденному въ Лондонскомъ зоологическомъ саду. Копытныя животныя, терзаемыя львами, во всякомъ случаѣ не олени, а всего вѣроятнѣе въ свое время обычныя въ южной Европѣ лани (cervus dama). Въ этомъ убѣждаетъ меня форма роговъ, которая очень напоминаетъ таковую лани; но странно, что художникъ не изобразилъ на этихъ рогахъ свойственныхъ ланямъ и весьма бросающихся въ глаза особыхъ вѣтвей, отходящихъ отъ передней стороны основной части роговъ и называемыхъ глазными. Рога безъ глазныхъ вѣтвей и тоже расширенные — свойственны еще лосю, но общая конфигурація роговъ, стройный видъ животнаго, наконецъ, главное, присутствіе пятенъ, свойственныхъ (хотя не всегда) ланямъ — все это говоритъ въ пользу того предположенія, что это — лани. Тщательно приглядѣвшись къ рисунку можно замѣтить какой-то слабый штрихъ въ основной части рога, какъ будто намекъ на глазную вѣтвь рога, но это выражено очень неявственно»...

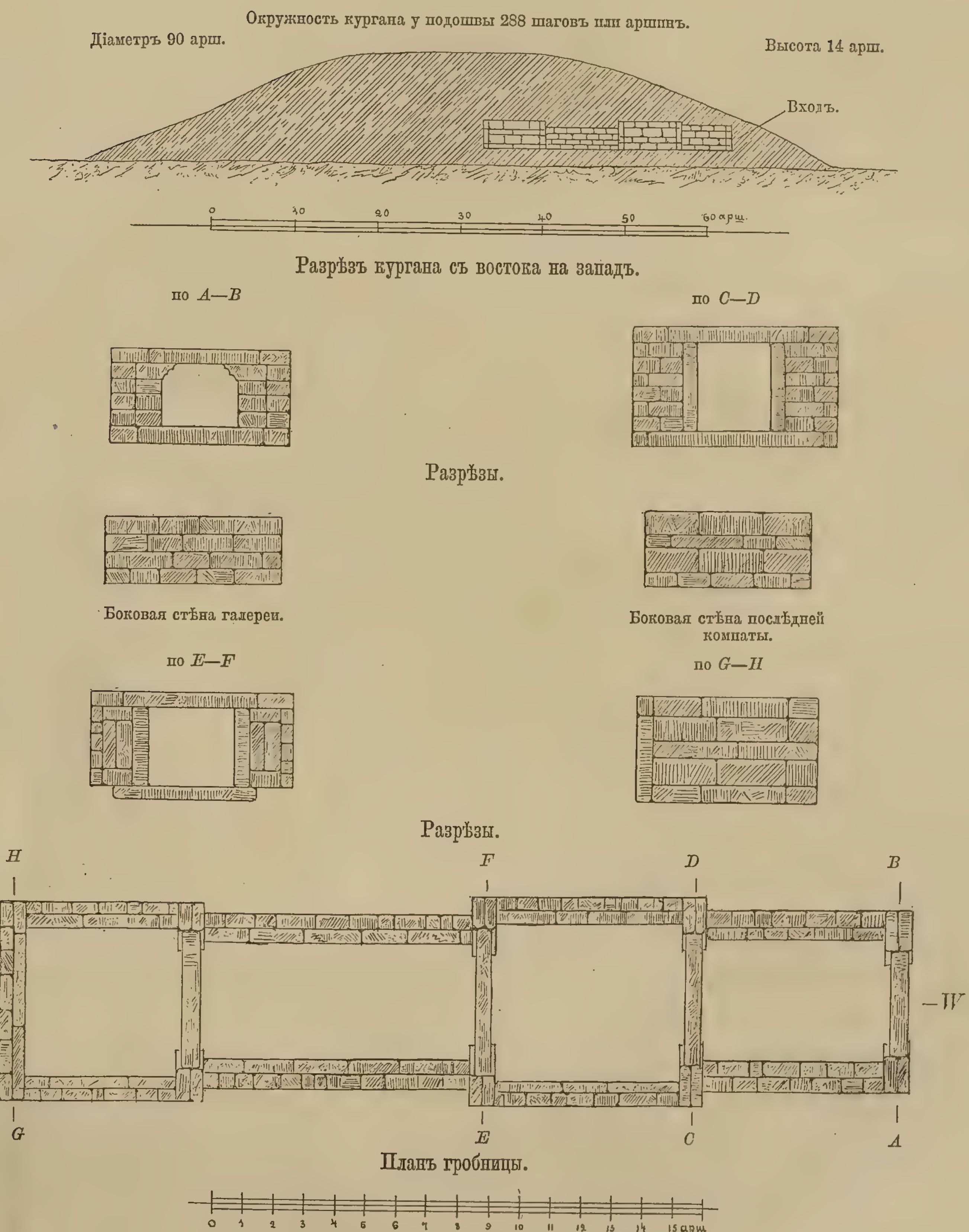
Стр. 96 и слѣд. При изученіи письменныхъ данныхъ о древнемъ населеніи Кавказа мы пользовались также первыми листами труда, первый томъ котораго недавно вышелъ подъ заглавіемъ: Извѣстія древнихъ писателей, греческихъ и латинскихъ, о Скиѳіи и Кавказѣ собралъ и издалъ съ русскимъ переводомъ В. В. Латышевъ, т. I, Греческіе писатели, Спб., 1890—1893 гг.

Стр. 116, прим. 7. Весною нынѣшняго года вышло 2-е дополненное изданіе указателя Имп. Россійск. Историч. Музея (М., 1893 г.). Существенныхъ добавленій по интересующему насъ вопросу въ этомъ изданіи, кажется, не сдѣлано. Свѣдѣнія, сообщаемыя Г. И. Радде (Краткій путеводитель по кавказскому музею, 6-е изд., Тифл., 1891 г., стр. 76—87) о предметахъ, найденныхъ по Курѣ, Араксу, Ріону, въ Кубанской и Терской системахъ, слишкомъ кратки для того, чтобы судить о томъ, принадлежатъ-ли эти вещи скиѳо-сарматской эпохѣ.

Курганъ Карагодеуашхъ

(БЛИЗЪ СТАНИЦЫ КРЫМСКОЙ).

Типографія Имп. Ак. Наукъ. (В. О., 9 л., № 12).

Натуральная величина.

Худож. Фототип. А. И. Вильборгъ

С.-Петербургъ, Мѣш. 19

Натуральная величина.

Худож. фототип. А. И. Вальборгъ

С.-Петербургъ,

IV.

№№ 1, 3 и 4 изображены въ 2/3 натур. величины.

Худ. фот. А. И Нильборгъ

Натуральная величина.

Худож. Фототип. А. И. Вальборгъ

С.-Петербургъ, Мѣш.

№ 2 изображенъ въ 1/2 натуральной величины.

Худож. Фототип. А. И. Нильсберг

Натуральная величина.

Натуральная величина.

Худож. фототип. А. И. Вильборгъ
С.-Петербургъ, 18..

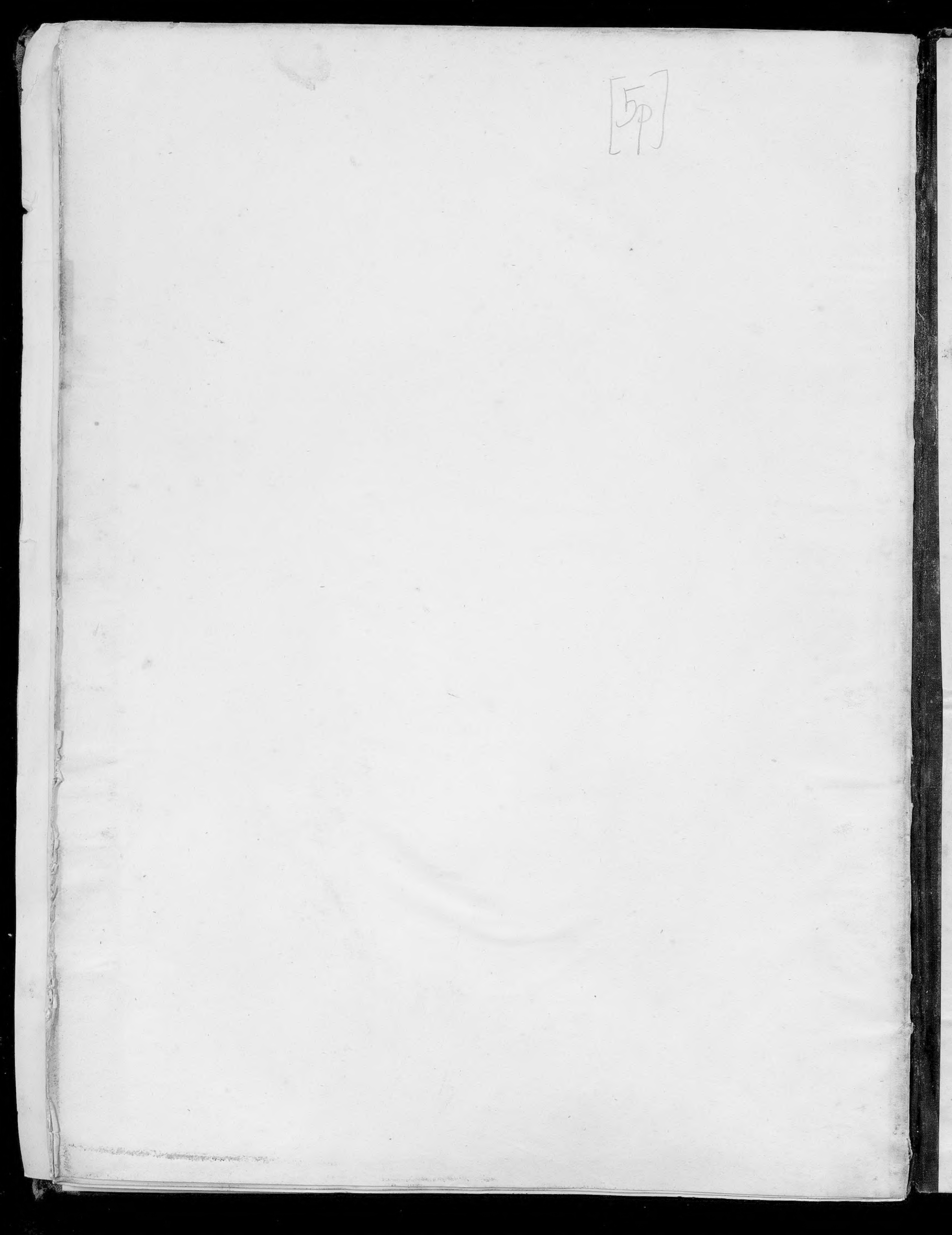

Натуральная величина.

Худож. Фототип. А. И. Нильсборгъ

С.-Петербургъ

[5p]

